

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

РОЙ-ИГНАТЕНКО АННА ВЛАДИМИРОВНА

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
«АРХИТЕКТУРА КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ»:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ
И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
(на материале испанского языка)**

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран
(романские языки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук, доцент
Карповская Наталья Валерьевна

Ростов-на-Дону – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Глава 1. Полевая структура лексического пространства архитектурного дискурса.....	13
1.1. Архитектурный дискурс в контексте современной теории профессиональной коммуникации.....	14
1.1.1. Архитектура как профессиональная деятельность и организация пространственной среды человека.....	15
1.1.2. Профессиональная коммуникация в сфере архитектуры.....	18
1.1.3. Особенности архитектурного дискурса и языковая личность архитектора.....	26
1.2. Лексико-семантическое поле «Архитектура культовых сооружений» как составляющая архитектурного дискурса и сегмент языковой картины мира.....	34
1.2.1. Лексико-семантическое поле через призму системной организации языка.....	34
1.2.2. Понятие культовых сооружений в испанской картине мира.....	42
1.2.3. Понятийная модель лексико-семантического поля «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке.....	49
Выводы по главе 1.....	58
Глава 2. Терминосистема архитектурной лексики в свете лингвокультурологических факторов.....	61
2.1. Термин как центральный элемент архитектурного дискурса и базовый компонент лексико-семантического поля.....	62
2.1.1. Термин в контексте когнитивно-коммуникативной парадигмы.....	63

2.1.2. Функции архитектурного термина в проявлении его системных свойств. Ориентирующая функция	70
2.2. Лингвокультурологический аспект компонентов ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке.....	74
2.2.1. Лингвокультурологический подход к исследованию языковых единиц.....	75
2.2.2. Архитектурная лексика в испанской национальной картине мира.....	81
2.3. Специфика терминов по архитектуре Средневековья.....	89
2.3.1. Фортификационный компонент при описании сооружений вестгостского и романского периодов.....	90
2.3.2. Лингвокультурные особенности терминов арабской архитектуры.....	96
2.3.3. Термины архитектуры мосарабов и мударов как результат синтеза мусульманской и христианской религий.....	100
2.3.4. Влияние религиозных и социальных факторов на терминологию готической архитектуры.....	104
2.4. Лингвокультурное своеобразие терминов по архитектуре Возрождения.....	107
2.4.1. Лексическая репрезентация королевской власти при описании культовых сооружений в стиле исабелино и эрререско.. ..	109
2.4.2. Влияние итальянского искусства на архитектурную лексику стиля платереско.....	112
2.5. Особенности терминов по архитектуре барокко.....	115
Выводы по главе 2.....	121
Глава 3. Лексикографический аспект ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений в испанском языке.....	124
3.1. Лексикография как наука о составлении словарей и лексико-семантической структуре языка.....	124

3.2. Специфика компонентов испанского ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в свете лексикографического подхода.....	129
3.2.1. Нейтральные и культурно-маркированные компоненты ЛСП.....	130
3.2.2. Заимствования в архитектурной терминологии испанского языка.....	137
3.3. Понятийная модель с элементами тезаурусного моделирования как основа лексикографического представления ЛСП ««Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений»» в испанском языке.....	141
Выводы по главе 3.....	160
Заключение.....	163
Список литературы.....	167

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию лексико-семантического поля «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке, рассмотрению лингвокультурологического и лексикографического аспектов его компонентов, а также определению влияния национальной картины мира на специальный язык в сфере архитектуры.

Интерес отечественных и зарубежных ученых к изучению специальных языков, связанных с различными видами человеческой деятельности, объясняется как постоянным обновлением научной и отраслевой информации, так и необходимостью осуществления эффективной профессиональной коммуникации. В тоже время активное расширение лексического состава специальных языков, детерминированное стремительным развитием науки и техники, требует применения современных подходов к их исследованию, позволяющих раскрыть связь языка и специального знания в свете современной когнитивно-коммуникативной парадигмы, что определяет **актуальность** работы.

Степень научной разработанности темы. Специфика архитектурной деятельности обуславливает особенности языка архитектуры, который нередко выступает объектом лингвистических изысканий: проводился сопоставительный анализ английской и русской терминологии тематического поля «Теория и история архитектуры» (Гринев, 2004), изучались способы образования архитектурных терминов в русском, английском и армянском языках (Овакимян, 2018), рассматривались лексико-семантические, структурные и функциональные особенности архитектурной лексики в английском, немецком, греческом и русском языках (Стаматиаду, 2010), предпринималось лексикографическое моделирование английской строительной терминологии (Абдурахманова, 2016), в контексте когнитивно-дискурсивного подхода исследовалась архитектурная метафора (Гайнутдинова, 2012, Симоненко, 2009) и др. Испаноязычные авторы, обращаясь к проблематике архитектурного языка, затрагивали вопросы его поликодовости (Sainz Avia, 2005), процесса метафоризации и проблем перевода (Úbeda Mansilla,

2001), специфики преподавания (Castaño Perea, Fuente Prieto, 2013) и др. Однако комплексного исследования лексико-семантического поля «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке до настоящего времени не проводилось.

Теоретической базой исследования послужили работы таких ученых, как:

— Ш. Балли (1955), Ю.Н. Караулов (1976), Л.М. Васильев (1990), И.М. Кобозева (2000), М. Мартинес (2003), А.В. Бондарко (2005), К.А. Бонилья Карвахал (2013), Г.С. Щур (2018) по теории поля и системной организации лексики;

— М.Н. Володина (2000), В.М. Лейчик (2000), П. Убеда Мансилья (2001), А.С. Гринев (2004), И.Б. Авдеева (2006), В.Ф. Новодранова (2008), М.А. Симоненко (2009), Д.З. Гайнутдинова (2012), Е.И. Голованова (2014), А.З. Абдурахманова (2016), М.Т. Кабре Кастельви (2017) в области терминологии, языков для специальных целей и профессиональной коммуникации;

— Н.Д. Арутюнова (1990), Л.М. Алексеева (1998), Т.А. ван Дейк (2000), В.И. Карасик (2002), О.В. Федосова (2012), В.Б. Кашкин (2013), В.Е. Чернявская (2017) по теории дискурса;

— В.В. Воробьев (1997), В.А. Маслова (2001), З.Д. Попова, И.А. Стернин (2002, 2007), С.В. Иванова (2003), О.А. Корнилов (2003), Е.С. Кубрякова (2004), Л.И. Гришаева (2018), Н.Н. Болдырев (2019) в сфере когнитивных изысканий и лингвокультурологии;

— Х. Касарес (1958), В.В. Морковкин (1970), Ю.Н. Караулов (1976), В.В. Дубичинский (1998), Д. Асорин Фернандес (2000) по лексикографии.

Объектом научного исследования является лексико-семантическое поле «Архитектура культовых сооружений» в современном испанском языке.

Предметом - лингвокультурологический и лексикографический аспекты испанского лексико-семантического поля «Архитектура культовых сооружений».

Цель диссертационной работы заключается в комплексном исследовании лексико-семантического поля «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке, установлении его компонентов и рассмотрении их лингвокультурологического и лексикографического аспектов, а также определении

роли национальной картины мира в формировании специального языка в сфере архитектуры.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

- рассмотреть понятие культовых сооружений в контексте испанской картины мира;
- определить особенности архитектурного дискурса в свете современной теории профессиональной коммуникации;
- исследовать лексико-семантическое поле (далее – ЛСП) «Архитектура культовых сооружений» как составляющую архитектурного дискурса;
- описать и провести анализ исследуемого ЛСП как фрагмента испанской картины мира, определить его содержание и структуру;
- выявить компоненты терминосистемы испанского ЛСП «Архитектура культовых сооружений», установить их функции и национально-культурную специфику;
- разработать понятийную модель и форму лексикографического представления ЛСП «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке.

Материалом исследования послужили 823 простые и составные лексические единицы, относящиеся к архитектурной области испанского языка. В качестве источников материала использовались испанские журналы по архитектуре и туризму, путеводители, испаноязычные сайты туристических компаний, профессиональные архитектурные и толковые словари: *Glosario arquitectónico* [*Glosario arquitectonico*, URL], *Diccionario de términos artísticos* [Domínguez Ramos, Giralt Ametller, 2003], *Diccionario de la lengua española* [RAE, URL], *Diccionario de uso del español* [Moliner, URL] и др.

Рабочая гипотеза диссертации заключается в том, что специфика и национальная самобытность архитектурной лексики испанского языка, проявляясь в вербализации профессионального знания, а также в метафорическом происхождении терминов, определяются как развитием соответствующего производственного сектора, так и историческими, географическими и другими экстралингвистическими факторами. Формальный аппарат ЛСП «Архитектура культовых сооружений» включает в себя открытую, тесно связанную с

общеупотребительной лексикой терминосистему, в которой находит выражение испанская национальная идентичность.

Методология и методы исследования. Для достижения поставленной цели в настоящем исследовании использовались теоретико-аналитический, описательный, лингвокультурологический и сравнительно-сопоставительный методы, когнитивно-понятийный анализ, метод филологического наблюдения и контекстуального анализа, анализ словарных дефиниций, статистический метод, а также метод тезаурусного моделирования и фасетной классификации. Работа написана в русле современной антропоцентрической парадигмы с применением междисциплинарного подхода, затрагивающего различные аспекты: лингвокультурологические, психолингвистические, когнитивные, этнолингвистические, лексикографические.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что впервые предложена концепция комплексного исследования лексико-семантического поля «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке. Актуализация проблемы поля в свете современной антропоцентрической парадигмы и применение перспективных методологических подходов способствуют теоретическому осмыслению национально-специфических особенностей исследуемого поля, позволяя наряду с разработкой типологии его составляющих определить влияние испанской национальной культуры на профессиональную коммуникацию в области архитектуры.

Теоретическая значимость исследования обуславливается вкладом в теорию лексико-семантического поля и в общую теорию терминоведения. Разработка понятийной модели лексико-семантического поля «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке, новые лексикографические решения к выявлению и систематизации компонентов исследуемого поля, а также определение особенностей репрезентации понятий культовой архитектуры в языковом сознании носителей испанского языка способствуют более глубокому пониманию эволюции данного фрагмента языковой картины мира и механизмов взаимодействия языка и культуры.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в процессе языковой подготовки специалистов в области архитектуры, дизайна, строительства и туризма, при разработке лекций и практических занятий по лексикологии, переводу и практике испанского языка, а также при составлении специализированных словарей и справочников. Лексикографическую модель, представленную в настоящей работе, можно использовать в качестве основы пособия, ориентированного на выполнение дидактической функции.

Достоверность результатов исследования обеспечивается опорой на труды авторитетных отечественных и зарубежных ученых, обширным эмпирическим материалом, применением комплекса теоретических и эмпирических методов и апробацией результатов работы на различных научных и научно-практических конференциях.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Лексико-семантическое поле «Архитектура культовых сооружений» имеет полицентрическую структуру и представляет собой целостную систему, включающую несколько базовых понятий, на основе которых формируются смежные микрополя с отдельными терминосистемами: «Архитектурные стили культовых сооружений»; «Типы культовых зданий и сооружений»; «Строительные и архитектурные конструкции и их элементы»; «Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений»; «Элементы декоративных форм»; «Природные и искусственные строительные материалы»; «Виды строительных и декоративных работ».

2. Архитектурная лексика испанского языка, будучи элементом национальной языковой картины мира, представляет собой тесно связанную с общеупотребительной лексикой открытую прикладную терминосистему, в которой находит выражение испанская национальная идентичность, проявляющаяся в вербализации профессионального знания и в метафорическом происхождении терминов и терминологических словосочетаний. Динамика пополнения ЛСП

«Архитектура культовых сооружений» в испанском языке обусловлена историческими периодами и господствующими архитектурными стилями.

3. ЛСП «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке характеризуется неоднородностью своего состава. В нем выделяется большое количество заимствованных слов из других языков, в главном образом из греческого, арабского, французского, итальянского и каталанского, которые полностью ассимилировались в испанском языке. При этом в основе лексического корпуса специального языка архитектуры находятся слова, восходящие к латинскому языку, что объясняется с одной стороны генетическим родством испанского языка с латынью, с другой – влиянием латинского культурного суперстрата.

4. Генезис терминосистемы ЛСП «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке, его специфика и национальная самобытность определяются как развитием соответствующего производственного сектора, так и другими экстралингвистическими факторами: для терминов по архитектуре Средневековья характерно наличие в них фортификационного и религиозного компонентов; при описании культовой мусарабской архитектуры и архитектуры мудехар выделяется лексика, относящаяся к исламу и к христианству; лингвокультурное своеобразие терминов по архитектуре Возрождения проявляется в единицах, репрезентирующих королевскую власть, и в терминах, связанных с итальянским (стиль Платереско) и французским искусством (стили Исабелино и Готика); особенностью терминов по архитектуре Барокко является наличие в них компонента, отражающего своеобразие испанского Барокко.

5. Лексикографическое представление ЛСП «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке имеет сложную организацию словарно-понятийной статьи и включает в себя дополнительные параметры, передающие профессиональную, культурологическую и иные типы информации об архитектурном понятии. Словарная статья, выполняющая объяснительно-обучающую функцию, способствует не только более глубокому пониманию

специального понятия, но и эффективному общению специалистов в рамках профессиональной коммуникации.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы. В первой главе рассматривается полевая структура лексического пространства архитектурного дискурса. Во второй главе дается характеристика терминосистемы архитектурной лексики испанского языка в свете лингвокультурологических факторов. В третьей главе предлагается лексикографическое представление ЛСП «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке. Текст диссертационного исследования состоит из 189 страниц.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в ходе 13 всероссийских и международных научных конференций, в том числе: на Международной научно-практической конференции «V Фирсовские чтения: Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации» (Москва, 20–21 октября 2021 г.), V Международном конгрессе испанистов России, Восточной Европы и Центральной Азии «Испанистика в эпоху цифровизации» (Москва, 20–22 октября 2021 г.), Международном форуме «Лингвистика и вызовы современной парадигмы общественных отношений: междисциплинарное, межкультурное, межъязыковое взаимодействие» (Воронеж, 24–28 ноября 2021 г.), Международной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты» (Ростов-на-Дону, 14 апреля 2021 г.), Пятом международном форуме «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность» (Санкт-Петербург, 4–6 октября 2021 г.), IV Международной конференции «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иbero-Американский мир» (Ростов-на-Дону, 7 октября 2022 г.), III Международной научно-практической интернет-конференции «На перекрестке культур: единство языка, литературы и образования» (Могилев, Беларусь, 12 декабря 2022 г.), XXXII Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии, межкультурной коммуникации и лингводидактики» (Чебоксары, 21–22 апреля 2022 г.), IV Международной научно-

практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты» (Ростов-на-Дону, апрель 2024 г.), V Международном конгрессе «Национальная идентичность сквозь призму диалога культур: Россия и Иберо-Американский мир» (Ростов-на-Дону, октябрь 2025 г.) и др.

Результаты проведенного исследования обсуждались и были одобрены на заседании кафедры иностранных языков, перевода и межкультурной коммуникации Международного института междисциплинарного образования и иберо-американских исследований Южного федерального университета.

По теме диссертации опубликовано семь работ, в том числе 3 публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

ГЛАВА 1. ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА АРХИТЕКТУРНОГО ДИСКУРСА

В настоящее время в лингвистике и смежных областях знания наблюдается тенденция к развитию различных подходов к систематизации лексического состава языка. При этом системность лексики видится прежде всего в различных объединениях языковых единиц по принципу семантической общности. Исследования в сфере систематизации лексики современных языков приобретают особую актуальность в контексте изучения языков профессиональной коммуникации, что объясняется высоким ростом значимости отдельных отраслей профессиональной деятельности, среди которых следует упомянуть и архитектуру.

История развития архитектуры насчитывает более 8000 лет. Если обратиться к простейшим по конструкции жилищам и комплексам для магических обрядов, то их строили еще первобытные люди. Таким образом, архитектурная лексика, представляющая собой своеобразную систему, формировалась на протяжении длительного времени. Ее истоки лежат в профессиональной лексике не только архитекторов, но и строителей ранних периодов развития общества.

Архитектурно-строительная лексика привлекала и продолжает привлекать внимание многих ученых. Исследования проводились в области сопоставительного изучения английской и русской архитектурной терминологии на материале тематического поля «Теория и история архитектуры» [Гринев, 2004], английской, немецкой, греческой и русской архитектурной терминологии [Стаматиаду, 2010]. Отдельно рассматривалась архитектурная терминология культовых сооружений в русском, английском и армянском языках [Овакимян, 2018]. В рамках современного когнитивно-дискурсивного подхода отечественными исследователями рассматривалась архитектурная метафора как когнитивный инструмент категоризации знаний о мире [Гайнутдинова, 2012; Симоненко, 2009] и др. В работах испанских ученых чаще всего внимание уделяется особенностям специального языка в области архитектуры и роли метафоры в архитектурном дискурсе [Castaño Perea, 2013; Úbeda Mansilla, 2001].

По мнению современных ученых, одним из наиболее перспективных способов организации и описания лексико-семантической системы языка для специальных целей представляется полевой подход. Так, построению лингвистической модели терминопоя «Civil Engineering» посвящено исследование А.З. Абдурахмановой на материале английского языка [Абдурахманова, 2016]. По мнению А.П. Журавлева, данный подход демонстрирует наибольшую эффективность при изучении специализированных лексико-семантических полей, т.е. терминопоев [Журавлев, 2019, с. 86].

Проведение комплексного исследования полевой структуры лексико-семантического пространства архитектурного дискурса предполагает не только выявление специфики профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, но и рассмотрение отдельных вопросов, связанных с языковой личностью архитектора, понятием культовых сооружений и их ролью в жизни испанского общества.

1.1. Архитектурный дискурс в контексте современной теории профессиональной коммуникации

Использование в процессе профессионального общения специального языка и той системы знаков, которой он располагает, определяется особой тематикой коммуникации и коммуникативной средой [Карповская, 2021, с. 26]. Примечательно, что исследование сфер деятельности, связанных с творческой составляющей, требует особого подхода, так как передача художественных и эмоционально-чувственных понятий наряду с эмоционально-экспрессивной информацией сопряжена с прагматическим аспектом языка. Примером подобной сферы деятельности является архитектура. В связи с тем, что она находится на стыке науки и искусства, древнеримский архитектор Марк Витрувий Поллион еще во второй половине I в. до н.э. сформулировал основные принципы классической архитектуры – прочность, польза, красота (лат. *firmitas, utilitas, venustas*) [Витрувий, 2017, с. 24]. Эти принципы нашли отражение в специальном языке,

который использует архитектор в процессе своей профессиональной коммуникации.

1.1.1. Архитектура как профессиональная деятельность и организация пространственной среды человека

Архитектура как одна из областей человеческой деятельности возникла на самых ранних этапах развития общества, однако ее единственной целью являлось «удовлетворение примитивнейших потребностей человека» [Всеобщая история архитектуры, т. 1, с. 8]. В процессе эволюции простейшие конструкции существенно усложнялись вслед за техническими и технологическими прорывами. Среди задач архитектуры особое место занимает организация искусственной среды, в которой протекают жизненные процессы человеческого общества.

Что касается непосредственно содержания понятия архитектуры, то оно трактуется по-разному:

1. Архитектура как вид искусства: «искусство проектирования и строения зданий, зодчество» [Ожегов, 1999, с. 30], «искусство проектировать и строить здания и другие сооружения (а также их комплексы), создающие материально организованную среду, необходимую людям для их жизни и деятельности, в соответствии с назначением, современными технологическими возможностями и эстетическими воззрениями общества» [БЭС, 2004, с. 74].

2. Архитектура как продукт деятельности: «здания, сооружения» [Ожегов, 1999, с. 30], «система зданий и сооружений, формирующих пространственную среду для жизни и деятельности людей» [Большая советская энциклопедия, 1970, с. 296].

3. Архитектура как процесс создания объекта: «архитектура – это деятельность по созданию художественно осмысленной пространственной среды для жизненных процессов общества в конкретных естественно-природных условиях» [Молчанов, 2004, с. 3]. Данный подход характерен прежде всего для архитекторов-практиков.

Результатом архитектурной деятельности в понимании В.М. Молчанова является архитектурное сооружение, которое соизмеряется с человеком, с его нуждами, спецификой форм жизнедеятельности и сочетает в себе «рационализм научно-технического метода со свободой и творческим вдохновением художественного метода» [там же, с. 5].

Назначение архитектурного сооружения рассматривается с двух сторон – социально-функциональной и эмоционально-художественной, – что проявляется в материально-пространственных формах внешнего и внутреннего убранства здания.

Социально-функциональное назначение архитектуры. Существование архитектуры как вида деятельности обусловлено потребностью человека возводить для себя постройки различного назначения, что находит свое выражение в форме и функциях здания. Будучи по своей сущности социальной, архитектура формирует ту пространственную среду, в которой протекают жизненные процессы человека. На формирование этой среды влияют экономические, социокультурные, географические, духовные и исторические факторы [Мусина, 2013].

В связи с тем, что основной задачей архитектуры является создание условий жизнедеятельности того или иного общества, формы и функции зданий, как правило, определяются отношениями и взаимосвязями в конкретном обществе на конкретном историческом этапе. В процессе эволюции различные типы зданий появляются, развиваются и исчезают, что обусловлено социальным заказом на определенный вид архитектурного сооружения.

Взаимосвязь архитектуры и социальных процессов изучается одним из подразделов социологии – социологией архитектуры, в центре которого «находится архитектура и теория архитектуры, определяющиеся как объекты выражения и изучения общества» [Делитц, 2008, с. 114]. Широкий обзор взглядов и идей о соотношении архитектуры и общества представлен в работе М.Б. Вильковского «Социология архитектуры», где автор, излагая свою позицию, обращается к трудам таких ученых, как Г. Зиммель, В. Беньямин, Ж. Бодрийяр, У. Эко, М. Фуко, А.В. Иконников, Ю.М. Лотман, В.Л. Глазычев и др. Следует отметить, что, по мнению автора, данные теории отражают

мультипарадигмальность социологических теорий, но зачастую носят только описательный характер и «не направлены на решение каких-либо теоретических или социальных проблем» [Вильковский, 2010, с. 279].

Со своей стороны, В.М. Молчанов утверждает, что с социально-функциональной точки зрения любой архитектурный объект должен отвечать следующим требованиям [Молчанов, 2004, с. 11–12]:

- функциональной (или технологической) целесообразности: здание должно быть удобно для любого процесса, для которого предназначено (отдых, быт, труд, обучение, молитва и др.);

- технической целесообразности: здание должно выдерживать различные внешние воздействия и быть долговечным;

- архитектурно-художественной выразительности: здание должно быть привлекательным для человека, благоприятно воздействовать на психологическое состояние и сознание людей.

Как мы видим, данные требования соответствуют триаде Витрувия «прочность, польза, красота».

В зависимости от класса здания (общественное, жилое или промышленное), а также от исторического периода его возведения одно из требований может стать доминирующим. Так, в XX в. функциональная целесообразность здания стала занимать лидирующие позиции. Интересно, что ярый сторонник функционализма, немецкий архитектор В. Гропиус, первопроходец модернизма, говорил о том, что «архитектура погрязла в сентиментальном эстетическом декоративизме» [Иконников, 1972, с. 332]. Однако безусловное большинство архитекторов солидарно с мнением О. Нимейера, полагавшего, что «архитектура должна прежде всего ориентироваться на красоту и выразительность» [там же, с. 398]. Эстетическая сторона архитектуры отражает ее эмоционально-художественное назначение.

Эмоционально-художественное назначение архитектуры. Как было упомянуто ранее, архитектура в широком смысле понимается как «искусство проектирования и строения зданий, сооружений, зодчество» [Ожегов, 1999, с. 30].

Однако все авторы подчеркивают художественный аспект архитектуры: «искусство украшать здания» [Толковый словарь Даля, URL: <https://slovardalja.net>], «искусство проектирования... в соответствии с эстетическими воззрениями общества» [Толковый словарь Ефремовой, URL: <https://gufo.me/dict/efremova>], «художественная обработка [здания]» [Брокгауз, 1890, с. 272], «архитектура... эстетически формирует окружение человека, выражает общественные идеи в художественных образах» [Современный энциклопедический словарь, URL: <https://encyclopediaonline.slovaronline.com>] и др.

Словарь Королевской академии испанского языка подходит к архитектуре не только как к деятельности по проектированию и строительству зданий или комплексу зданий, но и как к дизайну сооружений [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]. В то же время М. Молинер относит эту деятельность к так называемым «изящным» искусствам, включая в нее возведение не только сооружений, но и памятников [Moliner, 2013].

В трактате «De re aedificatoria» («Десять книг о зодчестве») видный теоретик итальянского Возрождения Леон Баттиста Альберти определял архитектуру как «искусство, без которого никак нельзя обойтись и которое приносит пользу, соединенную с наслаждением и достоинством» [Альберти, 1935, с. 5]. Не случайно историк архитектуры Н. Певзнер поднимает вопрос о том, какое здание имеет право называться архитектурным сооружением. Ответом, с его точки зрения, служит высокая художественная ценность постройки, в связи с чем Линкольнский собор представляет собой архитектурное сооружение, а сарай для хранения велосипедов следует рассматривать как строение [Pevsner, 1943]. Специфика архитектурной деятельности обуславливает особенности профессионального дискурса и коммуникации в сфере архитектуры.

1.1.2. Профессиональная коммуникация в сфере архитектуры

Интерес ученых к специальным языкам начал активно проявляться с середины XX в. В центре первых исследований находились термины, системы

терминов, а основная задача сводилась к их стандартизации. С 1970-х гг. изучаемые системы терминов стали соотносить со сферой профессиональной коммуникации, в рамках которой эти термины функционируют [Абдурахманова, 2016, с. 13]. Однако языки для специальных целей оказались в фокусе внимания исследователей не только из-за важности овладения специальными знаниями для осуществления профессиональной деятельности, но и, как полагают М.Т. Кабре и Х. Гомес де Энтеррия, из-за развития глобализационных процессов, которые требовали непрерывного обновления научной информации [Cabr , 2006, p. 10–11].

По мнению Т.Н. Хомутовой, язык для специальных целей, будучи функциональной разновидностью языка, призван обеспечить «адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области» [Хомутова, 2007, с. 55]. Однако специальный язык представляет собой зависимую систему и не является «полноценным в лингвистическом понимании слова “язык”» [Гумовская, 2014, с. 331]. Характеризуясь своей профессиональной лексикой, данный язык существует в рамках общего языка.

Важно отметить, что изначально в отечественной лингвистике использовался термин «подъязык», который охватывал совокупность языковых (преимущественно лексических) средств, используемых в текстах определенной специализированной тематики. Термин был введен Д.Н. Андреевым и использовался в исследованиях, посвященных анализу подъязыков технических, естественных и гуманитарных наук [Лейчик, 2000; Мезит, 2018; и др.]. В настоящее время активно используется аналог английского терминологического сочетания *language for special purposes* (LSP), т.е. *язык для специальных целей*, который противопоставляется *языку для общих целей* (LGP: *language for general purposes*) [Гумовская, 2014, с. 328]. Встречаются также термины *специальный язык*, *профессиональный язык*, *субъязык*, *социально-профессиональный вариант языка* [Мезит, 2018, с. 5].

Что касается испаноязычного мира, то там также широкое распространение получил аналог английского термина *language for special purposes* (LSP) – *lenguas para fines especificos* (LFE). При этом в испаноязычном научном дискурсе для

обозначения языка для специальных целей нередко продолжает использоваться и английская аббревиатура LSP, так как она признается более универсальной.

В области специальных языков проводятся изыскания не только прикладного, но и теоретического характера [Хомутова, 2007; Cabré, 2006, Gómez de Enterría, 2009; Úbeda Mansilla, 2001]. Данное понятие нашло свое применение и в рамках одного из подразделов теории коммуникации – теории профессиональной коммуникации. Если под коммуникацией в социально-гуманитарном знании чаще всего понимается «совместная деятельность участников коммуникации (коммуникантов), в ходе которой вырабатывается общий (до определенного предела) взгляд на вещи и действия с ними» [Кашкин, 2012, 141], а также «специфическая форма взаимодействия людей по передаче информации от человека к человеку, осуществляющейся при помощи языка и других семиотических средств» [Бузуева, 2021, с. 77], то профессиональная коммуникация, по мнению И.Б. Авдеевой, представляет собой «процесс получения, обработки и передачи новой информации в ограниченном коммуникативном пространстве, порождающем эту профессиональную область» [Авдеева, 2006, с. 12]. В современных научных работах встречаются и такие термины, как *профессионально-ориентированная коммуникация*, *социально-профессиональная коммуникация* и др. Следует отметить, что большинство исследований проводится в области профессиональной межкультурной коммуникации [Авдеева, 2006; Алимов, 2004; и др.], которая рассматривает вопросы подготовки специалиста к интеграции в полинациональное общество [Зоткина, 2011, с. 3]. Помимо средства обмена информацией и подготовки специалиста к профессиональной деятельности, данный вид коммуникации подразумевает определенные нормы мышления, поведения и взаимодействия между членами коллектива [Бузуева, 2021, с. 78].

Профессиональная коммуникация включает в себя несколько типов коммуникации: устную, письменную и визуальную [Торбик, 2014], что характерно и для специального языка, связанного с архитектурно-строительной сферой знания. При этом термин «язык архитектуры» реализуется в разных значениях. Так,

современный теоретик и практик архитектуры Х. Саинс Авиа, наряду с естественным языком (*el lenguaje natural*), соответствующим устному и письменному выражению, выделяет еще два типа профессионального языка архитектуры: сами архитектурные объекты (*el lenguaje arquitectónico*), а также графический язык (*el lenguaje gráfico*), находящий выражение в чертежах и графических планах [Sainz Avia, 2005, p. 17].

Подобного мнения придерживается и теоретик архитектуры А. Форти, который в своих трудах проводит аналогию между системой моды, представленной в исследовании Р. Барта «*The fashion system*» («Система моды», 1967), и архитектурой, выделяя в этих системах три компонента: 1) материальный продукт / предмет одежды; 2) изображение / модная фотография; 3) слова / комментарии моды. Автор приходит к выводу, что архитектура – это трехчастная система, состоящая из построенного объекта, его изображения (фотография или чертеж) и сопровождающих его критических комментариев (самого архитектора, клиентов или критиков). При этом А. Форти отдельно подчеркивает, что язык в данном случае – это не что-то сопровождающее архитектуру, это то, что является самостоятельной системой, стоящей на равных с построенным материальным объектом [Forty, 2000, p. 13].

В настоящей работе при обращении к термину Х. Саинса Авиа ***естественный язык архитектуры***, под ним понимается языковая коммуникация участников архитектурного дискурса, а также специализированные тексты архитектурной направленности.

В научном сообществе вопрос относительно роли естественного языка в сфере архитектуры является дискуссионным. Так, Р. Фреара де Шамбре (Roland Fréart de Chambray) высказывает мнение, что искусство архитектуры заключается не в словах, оно должно быть разумным и зримым [ibid., p. 11]. Данной точки зрения придерживались и практики архитектуры, представители школы Баухаус, которые подчеркивали привилегированное положение архитектора-инженера. Так, М. Ласло (Moholy-Nagy László) в своей книге «*The new vision*» («Новый взгляд», 1928) писал о том, что язык не обладает достаточными возможностями для того,

чтобы передать точное значение и богатые вариации из сферы чувственного опыта, а директор школы Баухаус Л. Мис ван дер Роэ (Ludwig Miies van der Rohe) провозгласил девиз «Строй – не болтай» [ibid., p. 13].

Однако большинство теоретиков архитектуры, напротив, придерживается той позиции, что язык в профессиональной деятельности играет не меньшую роль, чем архитектор-инженер (Дж. Ивлин, Э. Кастаньо Переа, Т. Маркус, А. Форти, Х. де ла Фуэнте Прието и др.). Т. Маркус высказал даже более радикальное предположение, что язык является ядром производства, использования и понимания архитектуры [ibid., p. 12]. По мнению Э. Кастаньо Переа и Х. де ла Фуэнте Прието, в ближайшем будущем большое значение в профессии архитектора будут иметь компетенции, связанные с использованием естественного языка в процессе коммуникации, архитектор должен будет уметь правильно и доступно написать и рассказать об архитектуре [Perea, 2013, p. 305].

Естественный язык архитектуры представляет собой язык профессиональной коммуникации, под которой по мнению за Е.И. Головановой следует понимать определенную систему в рамках общего языка, передающую «потребность людей в “оязыковлении” специальной информации, полученной ими в ходе целенаправленной деятельности и отражающей особенности их восприятия объектов, связей и отношений между ними и специфику сложившейся в рамках профессионального социума системы коммуникаций» [Голованова, 2014, с. 52].

Среди отличительных черт исследуемого профессионального языка Н.Г. Кузнецова, И.Е. Зайцева и О.Н. Степичева выделяют высокий уровень междисциплинарности, наличие значительного числа лексических единиц из общего языка, меньшую стандартизацию по сравнению с другими языками для специальных целей [Кузнецова, 2016, с. 99].

Э. Кастаньо Переа и Х. де ла Фуэнте Прието выделяют следующие области научного знания, с которыми связан словарь архитектора: медицина (*patologías de edificios*); естественный мир и биология (*hibridación, células*); философия (*hermenéutica, holístico*); лингвистика (особенно это касается использования суффиксов и префиксов – *metaespacio, superlugares*) [Perea, p. 305].

В то же время Г.Н. Фигурный отмечает факт использования по отношению к архитектуре такой лингвистической терминологии: синтактика, прагматика, парадигматика, семантика архитектурных пространств, архитектурная герменевтика, информационная эстетика и др. [Фигурный, 2019, с. 59].

На то влияние, которое оказывают на язык архитекторов исторический, искусствоведческий, театральный, спортивный, кулинарный и другие виды дискурса, указывают, в свою очередь, Ф.Л. Косицкая и И.Е. Зайцева [Косицкая, 2015, с. 143].

Среди особенностей испанского архитектурного дискурса некоторые исследователи выделяют также сложность его синтаксических структур, что связано с трудностями передачи понятий, имеющих отношение к восприятию и творчеству. Нередко фразы структурируются очень сложно, отражая многочисленные нюансы, оценки и представления, что приводит к незаконченным и неполным фразам, а также к использованию придаточных предложений, направленных на раскрытие тех или иных понятий, но которые становятся при этом все более сложными и трудными для восприятия. Как пишут Э. Кастаньо Переа и Х. де ла Фуэнте Прието, эта проблема возникает в основном при устном общении, хотя в последнее время она проникает и в письменную коммуникацию [Perea, 2013, p. 305].

Стоит отметить, что в архитектурном профессиональном сообществе, в отличие от большинства других профессиональных языков, языковая составляющая может уступать место неязыковой коммуникации – графическому языку и языку построенных объектов. Примечательно, что, как правило, вербальный уровень характерен для общения архитекторов-профессионалов с непрофессионалами [Кузнецова, 2016, с. 98].

Графический язык коммуникации находит выражение в технических и рабочих чертежах, различных изображениях и проекциях, а также графиках.

Некоторые ученые (Э.А. Лазарева, А. Форти и др.) выделяют два вида графического языка: фотография и чертеж. По мнению А. Форти, фотография – это универсальный код, который понимает каждый человек, в отличие от чертежа,

являющегося ограниченным кодом, понятным лишь профессионалам. Автор подчеркивает, что чертеж является таким кодом, над которым архитектор имеет больший контроль [Forty, 2000, p. 14].

Важно отметить, что естественный и графический языки архитектуры могут сосуществовать в едином тексте. Подобный текст именуется термином *креолизированный* и представляет собой «сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое» [Анисимова, 2003, с. 17]. Подобные тексты воспринимаются проще, так как визуальный код расшифровывается легче, чем вербальный. Кроме того, в условиях архитектурной коммуникации, когда необходимо установить контакт между профессионалом и непрофессионалом, подобный текст оказывает содействие коммуникации.

Третий вид коммуникации в архитектурном дискурсе имеет различные номинации: *архитектурный язык*, *язык архитектуры*, *художественный язык архитектуры*. Данные термины в большинстве исследований употребляются синонимично и подразумевают под собой **язык построенных объектов**. Так, А.В. Иконников обращается к термину *художественный язык архитектуры*, понимая под ним систему архитектурных форм, которые используются «как средство коммуникации между людьми в процессе человеческой деятельности» [Иконников, 1985, с. 10], то же значение в испанском языке имеет термин *el lenguaje arquitectónico*, в английском – *the language of architecture*. Язык архитектуры представляет интерес не только для архитекторов, но и для философов, социологов, семиологов и др.

Посредством знаков и символов осуществляется передача социально значимой информации. К вопросам семиотики архитектуры обращались такие известные авторы, как У. Эко, А.В. Иконников, О.И. Явейн, Ю.С. Янковская и др. Методы семиотического объяснения искусства и творчества берут начало из идей Ф. де Соссюра, который полагал, что «языковую единицу... можно сравнить с определенной частью здания, например с колонной: с одной стороны, колонна находится в определенном отношении с поддерживаемым ею архитравом – это

взаиморасположение двух единиц, одинаково присутствующих в пространстве, напоминает синтагматическое отношение; с другой стороны, если это колонна дорического ордера, она вызывает в мысли сравнение с другими ордерами (ионическим, коринфским и т.д.), то есть с такими элементами, которые не присутствуют в данном пространстве, – это ассоциативное отношение» [Соссюр, 1977, с. 156]. Сравнение языка и архитектуры находит продолжение в теории структурализма: архитектура рассматривается как «система знаков, аналогичная языку, смысл которой возникает в ней самой, в системе синтагматических и парадигматических смещений» [Делитц, 2008, с. 116].

М.Н. Назарова, рассматривая роль архитектурных объектов, отмечает, что в сравнении с другими артефактами они консервируют в себе культурные коды прошедших эпох и способны накапливать социальную информацию, становясь, таким образом, ее транслятором [Назарова, 2013, с. 38–40]. Автор полагает, что эстетическая составляющая архитектурных объектов способствует их коммуникации в пространстве и во времени, что подтверждают и архитекторы-практики, указывающие на то, что красота здания позволяет ему с течением времени превратиться в культурное достояние цивилизации [Коротич, 2008, с. 86].

Важно подчеркнуть, что все три вида языка архитектуры взаимообусловлены и сосуществуют в зоне, определяемой как коллективное когнитивное пространство, под которым в настоящей работе вслед за В.В. Красных понимается «определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которой необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум» [Красных, 1998, с. 45]. В.В. Красных отмечает, что различные когнитивные пространства являются «национально-детерминированными и национально-маркированными, так как “ядром” когнитивных пространств служит когнитивная база того национально-лингвокультурного сообщества, которое является родным для носителя/носителей данного когнитивного пространства» [там же]. Вопросы, связанные с исследованием когнитивных оснований происхождения испанских архитектурных терминов и выявлением их связей с

испанским национальным характером, рассматриваются во второй главе настоящей работы.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что обозначенные виды языка архитектуры являются знаковыми системами и имеют схожий понятийно-категориальный аппарат, свойственный как архитектурному дискурсу в целом, так и профессиональной языковой личности архитектора.

1.1.3. Особенности архитектурного дискурса и языковая личность архитектора

В настоящее время понятие «дискурс» активно используется при исследовании различных видов коммуникации. Интерес к изучению дискурса и выявлению его специфики отражен в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей, среди которых Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик, Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова, В.Е. Чернявская, А. Брис, Т.А. ван Дейк, З. Харрис и др.

Следует отметить, что термин «дискурс» впервые был использован З. Харрисом еще в середине XX в. [Harris, 1952], однако до сих пор не существует единого мнения о сущности данного понятия. В то же время многие современные российские лингвисты вслед за Н.Д. Арутюновой под дискурсом понимают «текст, погруженный в жизнь», т.е. связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами [Арутюнова, 1990, с. 137]. Так, в понимании Е.И. Головановой при дискурсивном подходе в фокусе внимания ученых находится связь текста с социокультурным контекстом и его зависимость «от установок, интенций и в целом от личности автора» [Голованова, 2014, с. 46]. Иными словами, текст находится в многомерной реальности, представляющей собой определенный контекст. Л.М. Алексеева и С.Л. Мишланова, рассматривая деятельностную природу дискурса, отмечают включение в него исследование условий деятельности, выделение предмета деятельности, раскрытие его свойств и др. [Алексеева, Мишланова, 2002, с. 42].

С точки зрения когнитивного подхода дискурс представляется речемыслительным процессом, который объективируется «в некотором множестве интертекстов, связанных друг с другом общими когнитивными стратегиями порождения и понимания, имеющими согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служащими для передачи и генерирования смысла, а также для декодирования других текстов» [Олизько, 2002, с. 7].

В.И. Карасик подходит к дискурсу с позиции социолингвистики, представляя его как речь в различных модусах человеческого существования, и выделяет два его типа: 1) персональный, или личностно-ориентированный; 2) институциональный, или статусно-ориентированный. Последний доминирует в профессиональной коммуникации и, по определению исследователя, является речевым взаимодействием «представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов» [Карасик, 2002, с. 193]. В этом контексте В.Е. Чернявская отмечает определенный стиль мышления социальных групп и использование устоявшихся коммуникативно-речевых канонов [Чернявская, 2017, с. 58].

В зарубежной лингвистике представляется возможным выделить три основных подхода к определению дискурса: 1) дискурс – это то, что выходит за рамки предложения; 2) использование языка в конкретных ситуациях общения; 3) социальный фактор, включающий нелингвистические и неспецифические аспекты языка. При этом ряд авторов отмечает влияние на теорию дискурса таких наук, как лингвистика, антропология, философия, теория коммуникации, когнитивная и социальная психология и искусственный интеллект [Schiffrin, 2001, р. 23]. В центре внимания исследователей оказывается политический дискурс в контексте лингвистической прагматики [Estrategias argumentativas..., 2016], научно-академический и социальный дискурсы [Briz, 2008] и др.

Большое влияние на позицию современных зарубежных исследователей оказали работы Т.А. ван Дейка, который понимал под дискурсом сложное коммуникативное явление, включающее в себя социальный контекст,

способствующий представлению не только об участниках коммуникации (и их характеристиках), но и о процессе производства и восприятия сообщения [Дейк, 2000, с. 113].

Учитывая многообразие подходов к сущности понятия «дискурс», необходимо отметить, что в настоящей работе при рассмотрении вопросов, связанных с особенностями архитектурного дискурса, за основу принимается позиция Н.Д. Арутюновой, подчеркивающей связь текста с экстралингвистическим контекстом.

Что касается архитектурного дискурса, то в данном исследовании разделяется позиция Ф.Л. Косицкой и И.Е. Зайцевой, которые полагают, что он представляет собой сложно организованное дискурсивное образование, коммуникативное пространство которого – «это взаимосвязь, взаимодействие, интеракция собственно архитектурного (проектно-конструктивного), научного, академического, правового (административного), законодательного, газетно-публицистического и рекламного дискурсов» [Косицкая, 2015, с. 143]. Авторы относят архитектурный дискурс к «гибридным дискурсам» на основании того, что он имеет включения других дискурсов, и к «поликодовому дискурсу», так как архитектура использует вербальный, иконический и графический коды [там же]. Будучи, как и любой профессиональный дискурс, статусно-ориентированным, архитектурный дискурс включает в себя текст, а также определенный контекст – фоновые знания, установки, цели, намерения субъекта восприятия.

Стоит отметить, что в научной среде не сложилось единого мнения о номинации данного вида дискурса. Наряду с термином «архитектурный дискурс» [Косицкая, 2015; Симоненко, 2008] встречаются термины «архитектурно-строительный дискурс» [Гайнутдинова, 2012; Петрова, 2015] и «дискурс архитектуры» [Симоненко, 2008]. При этом термины «архитектурный дискурс» и «дискурс архитектуры» нередко употребляются синонимично, что, по мнению М.А. Симоненко, приводит к одностороннему восприятию архитектурного процесса. Автор разграничивает указанные понятия, понимая под архитектурным дискурсом язык профессиональных суждений об архитектуре, в то время как под

дискурсом архитектуры – язык собственно архитектуры, «на котором она “говорит” с человеком» [там же, с. 316–318].

В рамках настоящего исследования используется термин «архитектурный дискурс», который рассматривается как разновидность профессионального дискурса, отличающегося специфичной корпоративной культурой, включающей в себя определенные способы коммуникации (вербальный, графический, визуальный (язык построенных объектов)), систему норм и мировоззрения.

С точки зрения современных учёных, профессиональный дискурс является сферой функционирования профессионального знания, объединяя различные стадии вербализации этого знания и представляя собой «вербально опосредованную деятельность, в которой формируется профессиональная языковая личность» [Алексеева, Мишланова, 2002, с. 106, Василенко, 2021, с. 15]. Согласно Д.В. Василенко, можно выделить 4 типа репрезентации профессионального знания: содержательный, формально-содержательный, формальный и метафорический [Василенко, 2021, с. 15].

При описании различных видов профессионального дискурса многие исследователи применяют полевой подход [Шейгал, 2000; Шляхова, 2014; и др.]. На то, что для архитектурного дискурса характерно полевое строение, указывают и Д.З. Гайнутдинова, Ф.Л. Косицкая, И.Е. Зайцева. В центре дискурса находится ядерный речевой жанр – собственно архитектурный или проектно-конструктивный, периферийные жанры включают в себя архитектурно-правовой (административный), законодательный, архитектурно-научный, архитектурно-академический, газетно-публицистический, архитектурно-рекламный. В качестве участников архитектурного дискурса, как правило, выделяются: адресанты (проектировщики, дизайнеры, градостроители и др.) и адресаты (заказчик, партнеры и др.) [Косицкая, 2015, с. 143–145].

На распределение ролей тех, кто непосредственно вовлечен в архитектурную деятельность, обратил внимание еще Дж. Ивлин (John Evelyn). Будучи писателем, переводчиком и одним из основателей Лондонского королевского общества, он в своем исследовании «*Parallèle de l'Architecture Antique et de la Moderne*»

(«Параллели архитектуры античной и современной», 1650) предложил разделить участников, задействованных в данной сфере деятельности, на четыре группы [Forty, 2000, p. 11]:

- архитектор-инженер (*arquitectus ingenio*) – изобретатель, человек, генерирующий идеи, тот, кто владеет необходимыми знаниями из истории архитектуры, геометрии, черчения, астрономии, оптики, медицины, права и др.;
- архитектор-покровитель (*arquitectus sumptuarius*) – тот, кто обладает большими финансовыми средствами, патрон;
- архитектор-исполнитель (*architectus manuaris*) – тот, кто имеет навыки в различных ремеслах, работник;
- архитектор-оратор (*architectus verborum*) – так называемый архитектор слова, который должен вести разговор о работах и правильно объяснять, в чем заключается та или иная задача, связанная со строительством.

В свою очередь, К. Вильямс и М.Дж. Оствальд полагают, что для строительства нового профессионального знания должен быть введен пятый тип архитектора – академик, или исследователь [Williams, 2018, p. 306].

В современных условиях нередко один и тот же представитель выступает в нескольких ролях: архитектор-проектировщик, архитектор-публицист, архитектор-ученый. При этом все указанные позиции характеризуют архитектора-профессионала. В то же время профессиональная роль участника коммуникации накладывает отпечаток на его языковую личность.

При исследовании языковой личности большинство ученых опирается на трехуровневую модель языковой личности, разработанную Ю.Н. Карауловым [Караулов, 2010, с. 52–55]:

1. Нулевой, или вербально-семантический уровень. В фокусе внимания при исследовании данного уровня оказываются различные связи и отношения между отдельными словами (семантико-синтаксические, грамматико-парадигматические, ассоциативные и др.), а также стереотипные объединения (стандартные словосочетания, простые формульные предложения и др.).

2. Первый, или лингво-когнитивный (тезаурусный) уровень. На лингво-когнитивном уровне изучаются обобщенные (теоретические или обыденно-житейские) понятия, крупные концепты, идеи, а также отношения между этими понятиями, которые выстроены в упорядоченную, строгую иерархическую систему, отражающую структуру мира. Рассматриваются генерализированные высказывания, дефиниции, афоризмы, крылатые выражения, которые использует в своей речи конкретная языковая личность. Ю.Н. Караулов особо отмечает, что именно с этого уровня начинается собственно языковая личность, так как реализуется индивидуальный выбор, личностное предпочтение конкретных понятий конкретным человеком.

3. Второй, мотивационный уровень. В данном случае единицами являются коммуникативно-деятельностные потребности. Отношения между этими потребностями определяются условиями и особенностями сферы общения, а также коммуникативными ролями участников коммуникации. На мотивационном уровне рассматриваются символы прецедентного текста, под которыми понимаются крылатые выражения, имена собственные, актуализирующие у адресата все коннотации, связанные с соответствующим прецедентным текстом.

В то же время *профессиональная языковая личность* понимается как «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Голованова, 2014, с. 188–189].

Е.И. Голованова предлагает рассматривать профессиональную языковую личность, принимая во внимание следующие уровни [там же, с. 189]:

- уровень профессионального сознания, в который входят концепты и домены как ментальные образования, отражающие структуру специального опыта;
- вербальный уровень, который включает в себя коррелирующие со структурами сознания системы и микросистемы специальных наименований – терминов-профессионализмов, номенклатурных знаков;

– мотивационно-прагматический уровень, который проявляется в отборе прецедентных имен, высказываний и текстов.

Что касается *уровня профессионального сознания* архитекторов, то он исходя из специфики самой деятельности, по мнению Н.Л. Павлова, характеризуется оппозицией научного склада ума и творческой составляющей личности: с одной стороны – аналитические способности, понимание работы механизмов и технологических процессов, а с другой – пространственное воображение, чувственно-художественный взгляд на мир. Не случайно архитектор рассматривается как «носитель некоего изначально творческого акта» [Павлов, 2001, с. 11–12].

Традиционно различают три основные группы деятельности: творческие, исполнительские и управленческие, и если принимать во внимание данный факт, то архитектурную деятельность следует отнести ко всем трем группам. Архитектор как активный деятель неотделим от производимого им продукта: в процессе творческой деятельности он создает уникальную идею проекта в виде эскиза, в процессе исполнительской деятельности происходит реализация этой идеи в виде графиков, расчетов, отмывок (чертежей) и макетов, управленческая деятельность заключается в контроле реализации постройки.

Часть этих ролей требует актуализации обыденного уровня сознания, что, как отмечают испанские ученые Э. Кастаньо Переа и Х. де ла Фуэнте Прието, нередко является проблемой коммуникации для членов профессионального коллектива архитекторов. Данная проблема проявляется в случае взаимодействия с другими людьми, которые не знают специфических кодов архитектуры [Perea, 2013, p. 302].

На *вербальном уровне* используются такие специальные наименования, как «термины, профессионализмы, номенклатурные знаки» [Голованова, 2014, с. 189].

Применительно к профессиональной речи архитектора аспекты языка представлены двумя составляющими: научной и творческой. С одной стороны, это подсистема научно-технического языка, имеющая такие признаки, как точность, логичность, объективность. С другой стороны, это язык творчества, который имеет признаки абстрактности, склонности к метафоре и метонимии.

Как отмечает Э. Стаматиаду, словарный запас архитектора – это смесь оригинальных терминов, лингвистических заимствований и неологизмов. Архитектурная лексика является отдельным сегментом в наивной и научной картине мира носителей языка, включая в себя не только специальные термины, но и общелитературную лексику, а также тропы (метафоры, сравнения, эпитеты и т.д.) [Стаматиаду, 2010, с. 6].

На *мотивационно-прагматическом уровне* отбираются прецедентные имена, высказывания и тексты с учетом влияния специфики архитектурного дискурса. Мотивационно-прагматический уровень актуализируется в процессе коммуникации для достижения профессиональной установки и цели в ситуации конкуренции между архитекторами за проекты, обсуждения проекта с клиентами и др.

Э.А. Лазарева характеризует профессиональную коммуникативно-речевую ситуацию архитектурного дискурса как семиотически усложненную, подчеркивая, что визуализация постоянно присутствует в профессиональной среде архитектора как способ освоения окружающего мира. В основе подхода архитектора к объекту профессиональной деятельности – «вербализация через широкую визуализацию» [Лазарева, 2013, с. 9, 113].

При помощи различных инструментов – наглядных (креолизованных текстов, графиков, презентаций и др.) или вербальных (языковые единицы, метафора, сравнения, эпитеты и др.) – архитектор создает некий образ своего проекта, актуализируя эмоциональный аспект в языке, способствующий раскрытию мотивационно-прагматических механизмов.

Важно отметить, что, согласно Ю.Н. Караулову, в структуре языковой личности имеется отчетливая печать национального колорита. При этом все, что связывают с национальным характером и национальной спецификой, с точки зрения ученого, зависит от исторического фактора: «национальное всегда диахронно» [Караулов, 2010, с. 39–40].

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод о том, что архитектура является профессиональной деятельностью, которая направлена на организацию

пространственной среды человека и имеет социально-функциональное и эмоционально-художественное назначение. Профессиональная коммуникация в сфере архитектуры отличается спецификой и выражена в трех типах языка (естественный язык, графический язык и язык построенных объектов). Архитектурный дискурс следует отнести к поликодовому дискурсу, предполагающему включения других дискурсов. Что касается языковой личности архитектора, то на нее накладывает отпечаток не только специфика профессии, но и национальные особенности конкретного этноса.

1.2. Лексико-семантическое поле «Архитектура культовых сооружений» как составляющая архитектурного дискурса и сегмент языковой картины мира

Архитектурная лексика, согласно позиции многих отечественных и зарубежных исследователей, представляет собой определенную систему обозначений специальных понятий архитектурной области, которые связаны между собой определенными отношениями. Системность лексики обуславливает возможность представить слова архитектурной области знания в виде поля, что способствует «выявлению лингвистических основ межкультурной коммуникации, так как поле является главной структурой, организующей тезаурус языка» [Шейна, 2010, с. 69]. Полевой подход, будучи одним из элементов инструментария когнитивной лингвистики [Журавлев, 2019, с. 86], позволяет отразить одну из составляющих языковой картины мира, включающую в себя профессиональный и национальный сегменты.

1.2.1. Лексико-семантическое поле через призму системной организации языка

Современный взгляд лингвистов на язык основывается на представлении о лексике как о многообразном, но при этом целостном системном объекте языка. На системные отношения между языковыми единицами еще в конце XIX – начале XX

в. указывали в своих трудах И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, Ф. де Соссюр, и другие исследователи [Бодуэн де Куртенэ, 1963; Потебня, 1999; Соссюр 1977].

Системность отношений лексических единиц языка может выражаться в различных формах [Головин, 1977; Реформатский, 2018; Солнцев, 1977]:

- Синтагматические отношения – элементы выстраиваются в линейной последовательности в потоке речи и представляют собой развернутое сообщение.
- Парадигматические, или ассоциативно-смысловые отношения – отношения возникают вне процесса речи, это отношения однородных единиц языка, в результате которых единицы объединяются в определенные парадигмы.

В.М. Солнцев выделяет третий вид отношений между лексемами [Солнцев, 1977, с. 69, 86]:

- Иерархические отношения, которые представляют собой объединения однородных единиц в более сложное многоуровневое образование и выражены в речевой цепи. Эти отношения лежат вне плоскости синтагматических и парадигматических отношений.

Поиски путей изучения и систематизации лексического уровня языка привели к появлению разнообразных форм объединения языковых элементов: различные виды полей, лексико-семантические группы, тематические группы и др. Основой перечисленных объединений служат общие и дифференциальные признаки лексических единиц.

Предпосылки к систематизации лексического состава языка в виде полей относятся еще к XIX в. Так, слова, объединенные определенным образом, привлекли внимание отечественного лингвиста и литературоведа, академика М.М. Покровского. Основой системного характера лексики ученый считал словесные ассоциации, которые вызываются связями между предметами окружающей действительности и морфологической общностью слов. Однако терминологический аппарат изучаемого направления выработан не был [Бескоровайная, 2012, с. 173].

Как отмечают И.С. Куликова и Д.В. Салмина, в начале XX в. понятие поля использовалось как метафора в лекциях Ф. де Соссюра [Куликова, 2021, с. 103–

104]. В это же время начинает формироваться научный подход к исследованию данной проблематики. Так, Л.М. Васильев указывает на вклад в развитие полевого подхода немецкого ученого Р. Мейера, который в своей работе «Семантические системы» выделил три типа семантических классов: 1) естественные (названия деревьев, животных и др.); 2) искусственные (названия воинских чинов и др.); 3) полуискусственные (терминология охотников или рыбаков и др.). При этом под семантическим классом понимается классификация определенных выражений с точки зрения дифференцирующих признаков, которые имеют не логический, а языковой характер и поэтому должны извлекаться из самого языка. Важным дополнением при этом служит то, что в словах содержится несколько дифференцируемых факторов, и такие слова могут принадлежать одновременно к разным семантическим классам, эти семантические классы могут пересекаться друг с другом [Васильев, 1971, с. 105]. Позже в своей работе «Современная лингвистическая семантика» ученый разделит термины «семантические классы (группы) слов» и «семантические поля», отмечая, что и те и другие в своей основе имеют одну семантическую категорию или категориальную ситуацию, однако разница состоит в том, что к классам относятся слова и фразеологизмы, а поля, помимо обозначенных единиц, включают и грамматические средства языка [Васильев, 1990, с. 126].

В своих трудах Л.М. Васильев и Г.С. Щур дали подробную характеристику по типам полей: парадигматические и синтагматические.

Среди ученых, изучавших поле с точки зрения парадигматики, как правило, выделяют Й. Трира. Считается, что он положил начало изучению теории поля. Немецкий ученый исследовал парадигматические отношения между лексическими единицами на примере немецкого языка. К его заслугам обычно причисляют то, что он разграничил понятия «понятийное поле» (Begriffsfeld, Sinnbezirk) и «лексическое, или словесное поле» (Wortfeld) и ввел в лингвистический обиход эти термины. Й. Трир считал, что эти поля параллельны друг другу, при этом единицы словесного поля полностью покрывают единицы понятийного поля «подобно камешкам мозаики» [Васильев, 1971, с. 105]. Как полагает Г.С. Щур, термин

«семантическое поле» Й. Трир заимствовал из научных трудов Г. Ипсена, так как данная номинация отражала идею общности семантического признака и представлялась ему применимой к группе лексем [Щур, 2018, с. 24]. Не все идеи Й. Трира нашли продолжение в дальнейших работах исследователей, например: запрет на вхождение слова более чем в одно поле [Караулов, 1976, с. 15], интерпретация групп лексем без учета семантического признака [Щур, 2018, с. 30].

Дальнейшее исследование парадигматических полей было продолжено Л. Вайсгербером, О. Духачеком, Э. Косериу и др. Ученые разрабатывали различные типологии полей в синхроническом и диахроническом разрезе. Изучение синтагматических полей связано с именем В. Порцига, который представлял поле в виде группировок, объединенных в синтагмы на основе семантической или лексической и грамматической сочетаемости [Васильев, 1971; Щур, 2018; Martínez, 2003].

Еще одним широко изучаемым объектом стало ассоциативное поле. Швейцарский лингвист Ш. Балли, опираясь на принцип о взаимосвязи языковой системы, провозглашенный Ф. де Соссюром, предлагает свое видение данной системы как «обширной сети постоянных мнемонических ассоциаций... которые распространяются на все части языка от синтаксиса, стилистики, затем лексики и словообразования до звуков и основных форм произношения» [Балли, 1955, с. 30–31]. Метод лексических ассоциаций заключается в объединении вокруг слова-стимула определенных групп ассоциатов: наличие у слова-стимула тех или иных ассоциатов нередко объясняется структурными связями слова-стимула с его ассоциаторами. Основное отличие ассоциативного поля от семантического – в психологическом подходе к группировке слов, иными словами, в зависимости от личности испытуемого. Основываясь на этом тезисе, Ш. Балли говорил об эластичности ассоциативного поля, т.е. о разном объеме ассоциативных групп у разных индивидуумов [Щур, 2018, с. 81–84].

В дальнейшем ученые стали рассматривать поле как межуровневое явление и в зависимости от принципов членения лексики в настоящее время выделяют лексико-семантические поля, грамматико-лексические, словообразовательные,

морфосемантические, мотивационные, фразеосемантические, вариационные и др. Современные лингвисты полагают, что парадигматические и синтагматические отношения необходимо исследовать в единстве [Абрамов, 1992; Денисенко, 2002].

Большое влияние на развитие полевого подхода оказали работы А.В. Бондарко, который предложил теорию функционально-семантических полей, понимая под ними «базирующуюся на определенной семантической категории группировку разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Проблемы функциональной грамматики..., 2005, с. 17]. Ученый обращает внимание на возможность выделения двух структурных типов полей: моноцентрические и полицентрические поля. По его мнению, моноцентрические поля представлены двумя разновидностями: 1) имеющие целостное ядро; 2) имеющие комплексное (гетерогенное) ядро, т.е. опирающиеся на комплекс взаимодействующих языковых средств. В свою очередь, полицентрические поля характеризуются разбиением на несколько сфер, каждая из которых имеет свой центр и периферийные компоненты [Бондарко, 1999].

Стоит отметить, что несмотря на то, что теоретические основы исследования поля были заложены еще в первой половине XX в., научное сообщество не пришло к однозначному определению поля, не выработана единая классификация и критерии отбора составляющих того или иного поля, нет согласия и в определении его границ. На сегодняшний день теория поля охватывает множество точек зрения, которые представляют собой различные варианты общей идеи – смысловой связи слов друг с другом в языке [Башарина, 2007, с. 93].

Трактуя вопросы, связанные с полевым подходом к исследованию языковых явлений, следует упомянуть о проблеме поля как об *объекте* и как о *методе исследования*. Метод поля является одним из важнейших формальных методов в лингвистике, так как основан на изучении объекта с помощью приемов, наиболее полно отражающих его структурные свойства. Не случайно И.А. Стернин указывает на то, что полевая концепция языка может быть экстраполирована в область метода: «...полевой принцип может быть применен в качестве общего приема анализа языковых явлений и категорий, в том числе и лексического

значения слова» [Стернин, 1985, с. 30]. В то же время А.П. Журавлев отмечает, что объект «поле» не может изучаться с помощью самого себя, и в качестве инструмента исследования предлагает термин «полевый анализ» [Журавлев, 2019, с. 87].

Что касается ЛСП, являющегося объектом настоящей работы, то в большинстве исследований под ним понимается «совокупность лексических единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, 2000, с. 99].

Примечательно, что в качестве синонима понятию ЛСП нередко используется понятие «семантическое поле» (СП) [Кобозева, 2000; Новиков, 2011; и др.], однако существует и другая точка зрения, согласно которой СП рассматривается как родовое понятие по отношению к ЛСП [Кочнова, 2015]. В испаноязычном научном мире чаще обращаются к исследованию СП (*campo semántico*), под которым понимается объединение слов, выражений, фразеологических оборотов и других лексико-синтаксических единиц, относящихся к одному понятию, одной тематике или скрепленных одним стимулом [Bonilla Carvajal, 2013, p. 12].

Наряду с терминами СП и ЛСП в трудах российских ученых используется термин «лексико-семантическая группа» (ЛСГ).

В большинстве случаев первые два понятия ученые рассматривают как синонимы. Что касается различий между ЛСП и ЛСГ, то в настоящем исследовании разделяется позиция А.А. Уфимцевой, согласно которой ЛСП представляет собой «крупное объединение семантически связанных лексем, включающих лексико-семантические группы, одна из которых является ядерной», в то время как ЛСГ понимается как «совокупность слов, относящихся к одной части речи, объединенных внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов значения» [Уфимцева, 1980, с. 274]. Следовательно, ЛСП охватывает различные части речи, включая при этом и ЛСГ, образованные лексемами одной части речи.

Наряду с указанными объединениями в лингвистике выделяются такие виды систематизации лексики, как тематическая группа и тематическая сетка. Рассматривая данный вопрос, И.В. Арнольд отмечает, что определяющим фактором включения лексемы и в состав поля, и в состав тематической сетки является отражение действительности. Однако в случае тематических сеток определяющим обстоятельством является субъективное отношение автора к изображаемому [Арнольд, 1984]. В отношении тематических групп доминирует мнение о том, что под ними следует понимать объединения слов, которые основываются не на лексико-семантических, а на внеязыковых связях, т.е. «на классификации самих предметов и явлений внешнего мира» [Бескорованная, 2012, с. 175].

В то же время ЛСП характеризуется наличием общего семантического признака, который объединяет однородные и разнородные элементы поля, выполняющие единую функцию, в иерархическую структуру. Лексемы объединяются в микрополя посредством парадигматических отношений (синонимии, антонимии, эквонимии, конверсивности, деривации), однако синтагматические отношения также должны учитываться в связи с тем, что лексико-семантические варианты одного слова различаются сочетаемостью [Арнольд, 1984].

В структуре ЛСП традиционно выделяется ядро и периферия. Лексемы, входящие в ядро, объединяются вокруг компонента-доминанты и наиболее точно характеризуют данное поле. Грань между ядром и периферией нечеткая, при этом лексемы, входящие и в ядро, и в периферию одного поля, могут принадлежать к другому полю или полям – таким образом реализуется полевая организация системы языка [Стернин, 1985, с. 30].

В числе наиболее общих свойств поля выделяется прежде всего связь его элементов, признание системного характера этих связей, взаимоопределяемость его элементов, самостоятельность семантического поля, выражающаяся в его целостности и принципиальной неделимости. Еще одним комплексным свойством поля является его специфичность в разных языках, обусловленная историческим

фактором его состава и структуры и неповторимыми национальными особенностями внешних связей полей друг с другом [Караулов, 1976, с. 33].

Как правило, современные авторы выделяют следующие свойства поля: 1) динамичность; 2) открытость; 3) гибкость. Динамичность, или подвижность поля объясняется его способностью к самоорганизации, историческими изменениями в обществе, открытием новых признаков предметов в окружающем мире и т.п. Открытость поля связана с тем, что оно допускает проникновение в свой состав новых элементов. Гибкость связана с подвижностью лексического значения, так как оно не является жестким образованием и легко откликается на разнообразные ассоциации, отражая их и включая в процесс коммуникации [Якимов, 2011, с. 598]. Среди специфических свойств ЛСП Т.Н. Куренкова отмечает также наличие в поле лакун и асимметричность его построения [Куренкова, 2006, с. 176].

Для многих исследователей языковая система представляется в виде полевой модели, которая состоит из «непрерывной совокупности полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер» [Стернин, 1985, с. 30]. На структуру и наполнение полей оказывают влияние географические, климатические, исторические, экономические факторы, культура, эстетические предпочтения, ментальность языкового коллектива, а также принципы, согласно которым осуществляется сегментация действительности. Не случайно О.С. Ахманова пишет о том, что поле – это «совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта» [Ахманова, 1966, с. 322].

В то же время Х.Ф. Домингес Домингес отмечает, что СП – это парадигматическая структура, состоящая из совокупности значимых единиц (семантем), которые выражают единое понятие и которые находятся в непосредственной оппозиции друг другу на основе минимальных отличительных черт. Совокупность лексем, объединенных общим понятием, образует лексическое поле [Domínguez Domínguez, 1995, p. 25].

В связи с тем, что в фокусе интересов настоящего исследования находится ЛСП «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке, которое связано с одним из видов профессиональной деятельности человека, для выявления и изучения формального аппарата данного поля, а также для разработки его понятийной модели представляется целесообразным рассмотреть понятие культовых сооружений и определить их значимость для испанской картины мира.

1.2.2. Понятие культовых сооружений в испанской картине мира

В научной среде существует несколько названий строений для совершения культа. Традиционным термином считается *культовые здания или сооружения*, однако в текстах профессиональной направленности встречаются такие термины, как *религиозные здания или сооружения, храмовая архитектура, церковная архитектура, сакральная архитектура, храмовое зодчество, архитектура церквей*.

Объекты культовой архитектуры представляют собой здания, предназначенные для богослужения и выполнения различных религиозных обрядов: храмы, соборы, церкви, мечети, монастыри, синагоги и т.д. Назначение культовых сооружений состоит в связи человека с Богом. В монографии профессора МАРХИ, архитектора-практика и архитектора-исследователя Н.Л. Павлова отмечается, что первое, что люди начинают восстанавливать после войны и разрухи, – это алтари и святилища как средоточие смысла жизни и главный ориентир в ее пространстве [Павлов, 2001, с. 24].

Согласно определению, предложенному БЭС, под культовым объектом следует понимать «площадку, сооружение или комплекс сооружений для религиозных нужд, совершения культовых обрядов. Культ (от лат. cultus – почитание) – один из основных элементов религии; действия (телодвижения, чтение или пение определенных текстов и т.п.), имеющие целью дать видимое выражение религиозному поклонению или привлечь к их совершителям божественные “силы”» (т.н. таинства)» [БЭС, 2004, с. 607].

Различные площадки и простейшие постройки для культовых обрядов возводил уже первобытный человек. Однако в процессе эволюции строительные задачи усложнялись, обрядовые сооружения становились более сложными и разнообразными по планировочному и конструктивному решению. Кроме того, типы культовых зданий и сооружений зависят от принадлежности к конфессии и со временем могут достраиваться и перестраиваться, приобретая определенный национальный колорит. Важно отметить, что сакральные здания, будучи одним из видов культурного наследия, несут в себе культурные коды этноса.

Развитие архитектуры находится в тесной связи с эволюцией человеческого общества и происходит под влиянием исторических, технологических, политических, социальных и культурных процессов. Культовые объекты народов, живших на территории современной Испании, также можно рассматривать исходя из их архитектурного своеобразия, влияния религии, политических и экономических условий, места строительства сооружения, исторического контекста, а также эстетического восприятия здания.

Архитектурное своеобразие. Опираясь на триаду Витрувия «прочность, польза, красота» [Витрувий, 2017, с. 24], можно выделить следующие составляющие архитектурного сооружения:

1. Конструктивность (прочность). По технологическим особенностям строительных материалов и создаваемых из них конструкций, которые оказывали влияние на характер архитектурных форм, определяется эпоха, метод постройки здания, экономический фактор. Сама конструкция является ключом к пониманию и восприятию людьми тех или иных зданий. Большинство культовых сооружений Испании, начиная с эпохи Средневековья, отличаются большими пространствами, вертикальной планировкой, использованием колонн, столбов и арок. Подобные конструктивные элементы несут в себе дополнительные смыслы, в первую очередь религиозные, простирающиеся за рамки их функционального предназначения.

2. Функциональность (польза). План архитектурного сооружения дает возможность получить представление о назначении здания, о времени его постройки, об укладе общественной жизни в момент его строительства.

Архитектура Испании отличается разнообразием архитектурных стилей, что обусловлено сложной историей государства. Культовые сооружения отражают произошедшие в процессе эволюции изменения и факторы, определяющие жизнь испанского народа: военно-оборонительный, религиозный, светский и др.

3. Художественность (красота). Архитектурный объект выступает как один из видов художественного освоения мира. И.А. Бартенев делил архитектурные формы, отражающие художественные особенности архитектурного объекта, на общие и частные. Под общими формами понимается основная объемно-пространственная структура здания, сопряжение основных объемных элементов, его составляющих (внешние и внутренние объемы). Под частными архитектурными формами понимаются архитектурные и декоративные элементы, имеющие частный характер по отношению ко всей композиции здания (карнизы, фронтоны, наличники окон и дверей, скульптурные детали снаружи и внутри сооружения и пр.) [Бартенев, 1964, с. 8–9].

В различные времена и у разных народов существовали свои собственные представления о красоте, эстетике и гармонии. Самобытность художественной выразительности архитектуры Испании определяется ее историей. Народы и культуры, господствовавшие в разные времена на территории страны, приносили свои характерные черты, архитектурные элементы разных направлений и стилей наслаивались друг на друга. Ярким примером может служить собор в Толедо, строительство которого началось в 1227 г. Собор достраивался и перестраивался на протяжении XIV–XV вв., что во многом нарушало его целостность и усложняло облик [Всеобщая история архитектуры, 1966, т. 4, с. 481]. Изначально данное культовое сооружение служило мечетью, однако в городе произошло восстание, одним из итогов которого стало освящение толедской мечети и преобразование ее в христианский собор, при том, что ее структура практически не изменилась [Carreres, 1983, p. 309].

Все три архитектурных параметра тесно связаны между собой, дополняют друг друга, претерпевая изменения в процессе исторического развития. Как пишет в своем трактате «Quattro Libri dell'Architettura» («Четыре книги об архитектуре»,

1570) Андреа Палладио, «невозможно было бы назвать совершенным здание хотя бы и полезное, но недолговечное, равно как и такое, которое служит долго, но неудобно, или же то, что имеет одно и другое, но лишено всякой прелести» [Палладио, 1989, с. 14]. Совокупность трех аспектов архитектуры лежит в основе определения того или иного архитектурного стиля.

Несмотря на то, что архитектура Испании вписана в широкий европейский контекст, она характеризуется явным стилевым своеобразием, в котором проявляется специфика национального колорита. Помимо традиционных для большинства стран Европы романского, готического стиля, стиля барокко, рококо, модерна, постмодерна, в архитектуре Испании выделяются такие стили, как мудехар (*mudéjar*), мосарабский стиль (*mozárabe*), платереско (*plateresco*), эрререско (*herreresco*), чурригереско (*churrigueresco*), севильяно (*sevillano*), гранадино (*granadino*). При этом в развитии стилей испанской архитектуры можно выделить характерные черты отдельных регионов, что обусловлено различными географическими, экономическими и социальными факторами.

Влияние религии. В древности у многих индоевропейских народов под влиянием религиозных положений о рае, земной жизни и аде утвердилось представление о трех мирах: небесном, земном и подземном, – в соответствии с которым здание истолковывали как вертикальную структуру, при этом крышу и карниз соотносили с небосводом, само здание с земным миром, его основание, цоколь – с миром подземным [Павлов, 2001, с. 18–19].

Храм воспринимается верующими как вместилище Святого Духа, поэтому вся архитектурная и функциональная сущность храма строится на выработанной знаково-символьной системе, отражающей библейское представление о мироздании. Внешний и внутренний облик культового сооружения подчинен строгой системе канонических форм. Обычно такое сооружение можно узнать по специфическим архитектурным формам и элементам: купола, шпили, кресты, апсиды, нефы, хоры и др.

Что касается Испании, то на протяжении всей ее истории религия занимает важное место в социальном и политическом устройстве страны: «...христианская

идеология становится цементирующей силой государственного управления», религиозное единство страны – это основная задача государства [Сим, 2014, с. 16–17]. При этом именно в высоком влиянии религии на жизнь испанского народа Х. Ортега-и-Гассет видит потерю того момента, когда Испания могла стать ведущей экономической державой благодаря открытию Америки. По мнению философа, в Испании в то время господствовал религиозный фанатизм, основанный на народной психологии, унаследованной от позднего Средневековья [Ортега-и-Гассет, 1994, с. 97].

Политический и экономический аспекты культовой архитектуры.

Изначально культовые сооружения имели предназначение, заключенное в реализации религиозных нужд. С течением времени назначение религии менялось, и многие исследователи стали отмечать тот факт, что религия в современном обществе подчинена выполнению государственных задач, так как власть предполагает «моральное внушение и материальное принуждение» [там же, с. 30]. Культовая архитектура как физическое место пересечения Бога и Человека становится важной составляющей государственной политики, направленной на объединение народа.

Что касается Испании, то в ходе своей истории она не всегда была политически единым государством. Если в 711 г., ввиду разрозненности группировок и племен, территория Испании была захвачена маврами, то на период окончания Реконкисты и начала завоевания Америки, которые проходили под знаменами католической веры, приходится расцвет страны. Колониальная экспансия в Новом Свете была освящена католической церковью. Монастыри и церкви имели доходные дома в городах завоеванных земель, занимались ростовщичеством, оптовой и розничной торговлей, обязывали местных жителей покупать буллы (документ, схожий с индульгенцией), отдавать урожай, забирали наличные деньги. Около половины всех богатств Мексики, Перу, Колумбии, Эквадора и других районов Испанской Америки к концу колониального периода принадлежало католической церкви. С приходом инквизиции у церкви появилась

новая статья дохода: собственность обвиняемых в ереси конфисковывали в пользу инквизиторов [Поташинская, 2016, с. 50–53].

Для католической церкви на различных этапах исторического развития были характерны сильная политическая власть и стабильное финансовое обеспечение. Как отмечает Н.М. Сим, опираясь на испанского исследователя Х. Эрнандеса Диаса, в испанской архитектуре того времени происходит определенный парадокс: различные кризисы, в том числе экономические, не останавливают, а, напротив, стимулируют показное великолепие построек: «...искусство питается мотовством» [Сим, 2014, с. 7].

География и исторический контекст. Все значимые культовые сооружения, как правило, связаны с историческими событиями и представляют собой «сложный текст, запечатлевший талант, мысли, чувства народов» [Лысова, 1997, с. 2]. Так, соборы, монастыри, церкви создают атмосферу уже ушедших эпох, сохраняя память о событиях и достижениях прошлого. Место постройки культового сооружения считается сакральным пространством и определяется с учетом культурно-географических факторов. В свою очередь, сакральные пространства, будучи составляющими социокультурных процессов, представляют собой территории, выполняющие духовную функцию и обладающие особыми свойствами (религиозными, природными и историческими и др.) [Бернюкевич, 2018, с. 48].

Примечательно, что на территории Испании в эпоху арабского завоевания монастыри и храмы строили на возвышенности, стены были толстыми, а окна – узкими. Располагались они внутри защищенных территорий и служили местом сбора населения. В эпоху позднего Средневековья, во времена расцвета религии и спокойной мирной жизни, больше внимания уделялось внешнему виду, декору культовых сооружений.

Следует отметить историческую и географическую связь Испании с другими европейскими странами. Государство Испания возникло на руинах Римской империи и, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, не отличается от других государств Западной или Центральной Европы, так как в своем становлении оно опиралось на

три компонента: 1) наличие племенного субстрата; 2) рост на римских развалинах; 3) влияние германского нашествия [Ортега-и-Гассет, 1994, с. 82]. Стоит подчеркнуть, что арабское завоевание также оказало значительное влияние на специфику развития архитектуры Испании. В связи с этим Н.М. Сим отмечает, что архитектурный образ Испании основан «на синтезе исторически сложившихся культур Востока и Запада» [Сим, 2014, с. 15].

Эстетическое восприятие. В понимании А.В. Иконникова «эстетическое воздействие – необходимая часть той функции социализации личности, которую выполняет архитектура» [Иконников, 1985, с. 7]. Созданное архитектурой окружение воздействует на эмоции, сознание и поведение человека, вызывая определенные ассоциации. С помощью различных видов архитектурных форм, организации пространства, комбинаций линий, материалов, цвета, символов и декоративных элементов здание в сознании человека приобретает некий художественный образ. В облике здания и символике архитектурных элементов и декоративного убранства отражаются основные черты мировоззрения нации и эпохи.

На территории Испании построено множество объектов культовой архитектуры, принадлежащих к разным архитектурным стилям, что характеризует разнообразные эстетические предпочтения народа. Синтез элементов Востока и Запада выражен в вычурности форм, обилии декора, скульптурном многообразии, отражающих яркий и своеобразный колорит страны.

Культовая архитектура Испании обладает присущими только ей особенностями, что повлияло на словесное наполнение ЛСП «Архитектура культовых сооружений», представляющего собой особый сегмент испанской языковой картины мира. Понятие языковой картины мира считается устоявшимся в лингвистике и восходит к идеям В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 2000]. В настоящее время под языковой картиной мира чаще всего понимается «совокупность представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка» [Язык и национальное сознание..., 2002, с. 7].

Профессиональный язык архитекторов, будучи сегментом национальной языковой картины мира, в то же время является составной частью национальной научной картины мира. В настоящей работе национальная научная картина мира рассматривается как «инвариант научного знания о мире в языковой оболочке конкретного национального языка, т.е. научная картина мира, запечатленная в терминосистемах (языке науки) того или иного национального языка» [Корнилов, 2003, с. 112].

Подводя итог вышесказанному, важно отметить, что при построении понятийной модели ЛСП «Архитектура культовых сооружений» следует принять во внимание многогранность самого понятия «культовые сооружения», охватывающего не только объекты культовой архитектуры, но и их разнообразные характеристики.

***1.2.3. Понятийная модель лексико-семантического поля
«Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений»¹
в испанском языке***

Моделирование, согласно позиции современных ученых, является одним из наиболее эффективных методов исследования в науке. Преимущество моделирования заключается в способности модели уточнять структуру сложных явлений, что в идеальном случае может дать импульс к новым открытиям [Дорофеева, 2015, с. 42]. Метод моделирования в сфере специальных языков по большей части основывается на построении «интегративной модели знания, которая базируется на языковых и когнитивных основаниях, отражая тем самым реально сложившуюся когнитивную ситуацию» [Абдурахманова, 2016, с. 26], характерную для различных профессиональных областей.

Как полагает М.А. Бочарова, единицы модели ЛСП объединены в иерархическую структуру, организованную во взаимосвязанную сеть на основе

¹ Пояснение выбора *arquitectura religiosa* в качестве испанского эквивалента русскому выражению «архитектура культовых сооружений» представлено ниже.

определенного семантического признака и «характеризуются понятийной соотнесенностью» [Бочарова, 2012, с. 64]. Что касается ЛСП «Архитектура культовых сооружений», то исходя из его многогранности и лексического своеобразия, представляется целесообразным подойти к его рассмотрению через понятийную модель, используя фасетный метод классификации, который заключается в возможности классифицировать объекты по нескольким признакам одновременно. Е.А. Савочкина отмечает гибкость фасетной классификации, заключающуюся в возможности описать большое количество составляющих, в частности, дискурсивного пространства [Савочкина, 2021, с. 50].

В основе фасетной классификации лежит фасетный анализ, сущность которого, по мнению И.Л. Белоновской, состоит в выполнении следующих этапов [Белоновская, 2017, с. 38]:

- 1) анализ отрасли знания, для которой составляется фасетная классификация;
- 2) составление перечня категорий, существенных для данной области знания;
- 3) отбор терминов и их распределение по фасетам, т.е. объединение терминов в соответствующие классы;
- 4) присвоение индексов фасетам.

В настоящей работе фасетная классификация¹ может представлять интерес как основа лексикографического представления «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке.

Примечательно, что в качестве одного из главных положений полевой концепции языка И.А. Стернин выделяет разделение поля на микрополя. Исследователь отмечает, что микрополя, число которых должно быть не меньше двух, являются составными частями поля и так же, как и поле, имеют горизонтальную и вертикальную организацию. Горизонтальная организация характеризуется взаимоотношением микрополей между собой, а вертикальная представляет собой структуру микрополя (ядро и периферия) [Стернин, 1985, с. 28].

¹ Метод фасетной классификации рассмотрен подробнее в 3 главе исследования

Развивая идею А.С. Гринева об областях, представленных в сфере архитектуры, где он выделяет теорию и историю архитектуры, архитектурное проектирование, районную планировку и градостроительство, архитектурные сооружения, архитектурно-декоративные материалы [Гринев, 2004, с. 2], можно прийти к выводу о том, что ЛСП «Архитектура культовых сооружений» входит в макрополе «Архитектурные сооружения» и характеризуется большим лексическим разнообразием, что, в свою очередь, позволяет предположить наличие в нем различных микрополей, в основе которых лежат определенные понятия, играющие роль семантических инвариантов.

Исходя из результатов анализа фактологического материала и характеристик архитектуры культовых сооружений, рассмотренных в предыдущем пункте, представляется целесообразным выделить в структуре ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» испанского языка следующие микрополя:

- «*Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa* / Архитектурные стили культовых сооружений»¹;
- «*Tipos de edificios religiosos* / Типы культовых зданий и сооружений»;
- «*Estructuras arquitectónicas y sus elementos* / Строительные и архитектурные конструкции и их элементы»;
- «*Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos* / Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений»;
- «*Elementos de formas decorativas* / Элементы декоративных форм»;
- «*Materiales naturales y artificiales* / Природные и искусственные строительные материалы»;
- «*Trabajo de construcción y artesanía* / Виды строительных и декоративных работ».

Каждое из указанных микрополей обладает своими специфическими чертами, своим ядром и периферией. При этом для ядра характерны: 1) наибольшая специфичность; 2) способность к воздействию на производные варианты; 3)

¹ Пояснение выбора переводческих соответствий с целью передачи названий микрополей предлагается непосредственно при характеристике каждого из этих микрополей

наиболее высокая степень регулярности функционирования, в то время как периферия характеризуется «разреженностью» специфических признаков [Проблемы функциональной грамматики..., 2005, с. 18].

Рассмотрим микрополя ЛСП «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке в контексте понятий, являющихся их семантическими инвариантами, и компонентов, входящих в ядро микрополя. При этом под семантическим инвариантом в рамках настоящей работы понимается «совокупность базовых познанных признаков объекта» [Арапова, 2016, с. 592], а под понятием – «ментальная сущность», образуемая комплексом существенных признаков и имеющая сложное строение [Сусов, 2003]. В то же время Ю.С. Степанов выделяет в понятии объем и содержание. Под объемом им понимается «класс предметов, который подходит под данное понятие», а содержание представляется как совокупность «общих и существенных признаков понятия, соответствующих этому классу» [Степанов, 2001, с. 44].

Микрополе «Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa / Архитектурные стили культовых сооружений». В испанском языке в архитектурной профессиональной коммуникации используется языковая единица *estilo*, обозначающая набор характеристик, которые идентифицируют художественную тенденцию эпохи, жанра или автора (*conjunto de características que identifican la tendencia artística de una época, o de un género o de un autor* [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]). Однако встречаются и случаи употребления в данном значении слова *arte*.

В то же время в русском языке в качестве синонима слова «стиль» используется языковая единица «направление», которая имеет широкий спектр трактовок. В области науки и искусств так называют «совокупность приемов, методов, которые характерны для определенной группы ученых, художников и т.д. [Толковый словарь Дмитриева, URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev/направление>]. В настоящей работе понятия «направление» и «стиль» понимаются как синонимы.

Вследствие влияния исторических и политических событий, географического и климатического факторов, как отмечалось ранее, архитектура Испании характеризуется большим своеобразием, смешением нескольких архитектурных направлений и своими собственными, уникальными направлениями и стилями, для обозначения которых используются следующие термины: *arquitectura visigoda*, *arquitectura asturiana*, *arquitectura árabe o islamica*, *arquitectura mozárabe*, *arquitectura románica*, *arquitectura gótica*, *mudéjar*, *churrigueresco*, *plateresco*, *barocco*, *moderno*, *postmodernismo* и др.

Микрополе «Tipos de edificios religiosos / Типы культовых зданий и сооружений». В испанском языке понятие «культовые сооружения» имеет следующие языковые выражения: *arquitectura religiosa*, *edificaciones religiosas*, *edificios de culto*, *edificios eclesiásticos*, которые обозначают различные здания и сооружения религиозного характера (*arte de consrtuir templos*, *monasterios*, *sepulcros y otras obras de carácter religioso* [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]).

В русском языке, как было упомянуто ранее, понятие «культовые сооружения» трактуется как объект для проведения религиозных обрядов: «Культ. В религии: служение божеству и связанные с этим действия, обряды... прил. культовый, -ая, -ое» [Ожегов, 1999, с. 313]. Культовые здания и сооружения относятся к типу общественных зданий. При этом в большинстве случаев термины «здание» и «сооружение» употребляются синонимично, однако ряд исследователей указывает на разграничение данных понятий, которое заключается в том, что сооружение предназначено только для временного нахождения людей, в то время как в здании возможно их проживание [Ярков, 2016, с. 72].

В связи с тем, что исторически на территории Испании проживали народы с различным вероисповеданием, менялась общественная ситуация и политический строй, лексическая наполняемость микрополя подвергалась различным изменениям. В современном испанском языке можно представить следующую типологию архитектурных строений религиозного назначения:

1. Здания и сооружения религиозной направленности: *templo, catedral, monasterio, iglesia, baptisterio, basílica, mezquita* и др.

2. Укрепительные сооружения, имеющие и религиозную функцию: *alcazaba, alcázar, barbacana, rábita* и др.

3. Образовательные учреждения при культовом сооружении: *madrassa o madrasa* и др.

4. Похоронные комплексы: *mausoleo, panteón* и др.

Микрополе «Estructuras arquitectónicas y sus elementos / Строительные и архитектурные конструкции и их элементы». Под понятием «конструкция» в настоящей работе понимается «состав и взаимное расположение частей какого-либо построения, сооружения» [Ожегов, 1999, с. 291]. В испанском языке словарным соответствием является слово *estructura*, понимаемое как положение, планировка и порядок между различными частями здания (*1. disposición o modo de estar relacionadas las distintas partes de un conjunto; 2. distribución y orden de las partes importantes de un edificio* [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]).

К строительным конструкциям относятся конструкции зданий и сооружений, образующие их остов (т.е. конструктивную основу) и воспринимающие все действующие на них нагрузки [Стецкий, 2014]. В этом же значении О.Г. Чеснокова употребляет термин «архитектурные конструкции» [Чеснокова, 2012].

Обычно строительные и архитектурные конструкции классифицируют согласно структурным элементам здания. Так, В.М. Молчанов в структуре здания выделяет планировочное ядро, которое представляет собой самое главное по функции и по размерам помещение или их группу, и структурный узел – блок взаимосвязанных по назначению помещений, имеющий структурообразующее значение для композиции плана здания. К структурным узлам относят: входные группы, основные помещения, подсобные и вспомогательные помещения, а также горизонтальные (галереи, холлы) и вертикальные (лестницы) коммуникации [Молчанов, 2004, с. 94].

К строительным и архитектурным конструкциям и их элементам в испанском языке относятся:

1. Планировочное ядро здания: *cabecera, fachada, aguja, nave* и др.
2. Структурный узел здания: 1) основные помещения: *hipóstila sala, nave* и др.; 2) горизонтальные коммуникации: *ándito, jardín, peristilo* и др.; 3) вертикальные коммуникации и их элементы: *cerramiento, escalera, escalinata, balaustre* и др.
3. Элементы конструкций: *ábaco, albanega, arco, capitel, columna, pilar* и др.

Микрополе «Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos / Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений». Словарь испанской Королевской академии содержит определение понятия *exterior*, которое трактуется как внешняя поверхность корпуса (*superficie externa de los cuerpos* [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]). В значение *cuerpo* входит определение, имеющее отношение к сфере архитектуры: часть фабрики или архитектурного здания, включая карниз или импост (*conjunto de partes que compone una fábrica u obra de arquitectura hasta una cornisa o imposta* [ibid.]). А *interior* имеет широкую дефиницию – внутренняя часть чего-либо (*parte interior de algo* [ibid.]).

В то же время в русском языке интерьер представляет собой «внутреннее пространство здания, помещения, а также его устройство, убранство» [Ожегов, 1999, с. 250]. Необходимо отметить, что большинство русскоязычных толковых словарей содержит дефиницию понятия «экстерьер», относящуюся только к внешнему виду и телосложению животного. В русскоязычном архитектурном дискурсе слово «экстерьер» не имеет терминологического значения, однако при этом оно активно используется в специальных текстах и понимается как внешний облик здания.

Интерьер храма представляет собой «целостную систему иерархически упорядоченных пространств» [Православные храмы и комплексы, 2015]. Кроме того, культовые постройки различных периодов и эпох характеризуются своими собственными элементами интерьера и экстерьера. К тому же внешнее и

внутреннее устройство определяется и типом конфессии, и видом обряда, совершаемого в культовом сооружении.

В испанском языке понятия исследуемого микрополя характеризуются следующим лексическим аппаратом:

1. Элементы интерьера: *ara, altar, catedra, retablo* и др.
2. Элементы экстерьера: *baranda, peldaño, balaustrada, almena* и др.

Микрополе «Elementos de formas decorativas / Элементы декоративных форм». И в русском, и в испанском языках понятие декора понимается одинаково, как украшение чего-либо [БЭС, 2004, с. 369; Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>].

Лексический аппарат данного микрополя:

1. Скульптурные элементы: *glifo, gárgola, estatua* и др.
2. Декоративные элементы: *acanaladura, estría, acanto, ajaraca, florón, alicatado, azulejo, alizar, cimacio, dentellón, friso, gablete, modillón, mosaico, palmeta, rosetón, viñeta* и др.

Микрополе «Materiales naturales y artificiales / Природные и искусственные строительные материалы». Понятие материал/*material* трактуется и в русском, и в испанском языке одинаково: «предметы, вещества, идущие на изготовление чего-нибудь» [Ожегов, 1999, с. 345], *materia que se emplea para hacer, fabricar algo, etc.* [Moliner, 2013].

Строительными называются материалы, из которых изготавливают детали и конструкции для возведения зданий и сооружений различного назначения. Строительные материалы могут быть природными, или естественными, и искусственными.

В испанском языке материалы обозначаются следующими лексическими единицами:

1. Природные материалы: *adobe, arcilla, barro, arenisca, bentonita, madera, mármol, piedra* и др.
2. Искусственные материалы: *hormigón, ladrillo* и др.

Микрополе «Trabajo de construcción y artesanía / Виды строительных и декоративных работ». От выбора материала зависит вид строительной или декоративной работы.

Виды строительных и декоративных работ: *técnica de soguado, dorado, ladrillo cortado con sección circular, yesería, técnica de cuerda seca* и др.

Следует отметить, что выделенные микрополя, располагая собственным ядром и периферией, находятся в определенной структурной взаимосвязи (рисунок), вследствие чего представляется возможным отнести ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» к типу полицентрических полей, при том, что данная характеристика, как упоминалось ранее, была предложена А.В. Бондарко по отношению к функционально-семантическим полям.

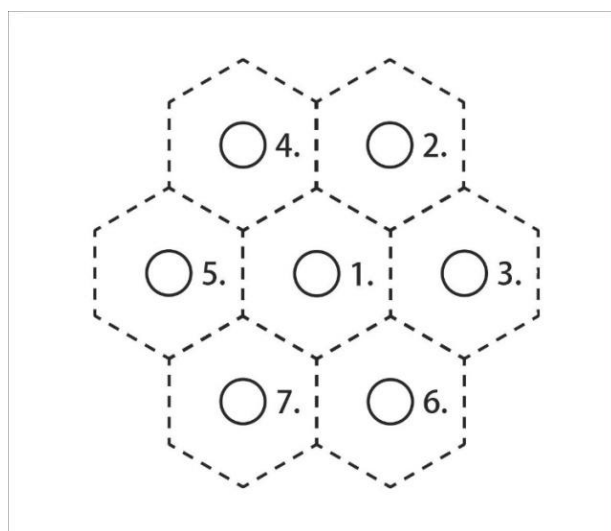

Рис. 1. Понятийная модель испанского лексико-семантического поля «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений»

- 1) микрополе «Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa / Архитектурные стили культовых сооружений»;
- 2) микрополе «Tipos de edificios religiosos / Типы культовых зданий и сооружений»;
- 3) микрополе «Estructuras arquitectónicas y sus elementos / Строительные и архитектурные конструкции и их элементы»;
- 4) микрополе «Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos / Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений»;
- 5) микрополе «Elementos de formas decorativas / Элементы декоративных форм»;
- 6) микрополе «Materiales naturales y artificiales / Природные и искусственные строительные материалы»;
- 7) микрополе «Trabajo de construcción y artesanía / Виды строительных и декоративных работ»

Как можно заметить, в центре представленной понятийной модели находится микрополе «Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa / Архитектурные стили

культовых сооружений», что объясняется его взаимодействием со всеми микрополями, входящими в ЛСП. Остальные микрополя расположены в соответствии с тем, насколько они соприкасаются и взаимодействуют друг с другом.

Границы полей переданы пунктирными линиями в связи с тем, что ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» представляется открытой системой, которая отличается отсутствием четких границ между микрополями и на периферии. Исследуемое ЛСП характеризуется специфичностью наполнения и взаимодействует с другими полями, которые относятся к области архитектуры, строительства, инженерного дела, религии, искусства и смежным областям.

Понятийная модель ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке позволяет представить сложную систему данного поля, имеющую свою собственную структуру и обладающую специфическими чертами. На лексическое наполнение данного ЛСП определенное влияние оказывают особенности сферы профессиональной коммуникации и языковая личность архитектора.

Выводы по главе 1

1. Язык профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, понимаемый как функциональная разновидность языка, направленная на обеспечение эффективного общения специалистов в данной области, имеет свою специфику на лексическом, синтаксическом и морфологическом уровнях, что связано с особенностями архитектурной деятельности, направленной на организацию пространственной среды человека и имеющей социально-функциональное и эмоционально-художественное назначение.

2. Характерной чертой архитектурного дискурса, в рамках которого функционирует специальный язык архитектуры, является его поликодовость, так

как в нем используются вербальный, иконический и графический коды, отмечаются включения и других видов дискурса.

3. Специальный язык архитектуры, будучи сегментом национальной научной картины мира, включает в себя: естественный язык, графический язык и язык построенных объектов. Все три вида языка архитектуры взаимообусловлены и сосуществуют в зоне коллективного когнитивного пространства. На реализацию специального языка архитектуры в сфере профессиональной коммуникации влияет как языковая личность архитектора, так и особенности языковой картины мира конкретного этноса.

4. Профессиональная речь архитектора отличается научной и творческой составляющими. С одной стороны, она имеет отношение к подсистеме научно-технического языка, которая характеризуется точностью, логичностью, объективностью и абстрактностью. С другой – это язык творчества, склонный к метафоре, метонимии и сравнениям.

5. К наиболее перспективным способам исследования лексико-семантической структуры специального языка в области архитектуры относится полевой подход, позволяющий рассмотреть данную структуру в свете проявления системной организации языка. Одним из компонентов макрополя «Архитектура» является ЛСП «Архитектура культовых сооружений», характеризующееся большим лексическим разнообразием, что определяет наличие в данном ЛСП нескольких микрополей, в основе которых лежат определенные понятия, играющие роль семантических инвариантов.

6. ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке представляет собой полицентрическую систему, в которой на основе базовых понятий выделяются следующие микрополя: 1) «*Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa* / Архитектурные стили культовых сооружений»; 2) «*Tipos de edificios religiosos* / Типы культовых зданий и сооружений»; 3) «*Estructuras arquitectónicas y sus elementos* / Строительные и архитектурные конструкции и их элементы»; 4) «*Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos* / Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и

сооружений»; 5) «Elementos de formas decorativas / Элементы декоративных форм»; 6) «Materiales naturales y artificiales / Природные и искусственные строительные материалы»; 7) «Trabajo de construcción y artesanía / Виды строительных и декоративных работ».

7. Понятие культовых сооружений (*edificios religiosos; edificios de culto*), лежащее в основе общности содержания ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений», играет важную роль в испанской национальной картине мира и служит для определения тех зданий, которые предназначены для богослужения и выполнения различных религиозных обрядов, имеющих определенную конструктивную структуру. Культовые сооружения отражают политические, экономические, географические, исторические особенности развития Испании, а также эстетические предпочтения испанского общества. Культовой архитектуре Испании свойственна яркая национальная самобытность, определяющая специфику наполнения ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке.

Глава 2. Терминосистема архитектурной лексики в свете лингвокультурологических факторов

Профессиональная коммуникация, в том числе и коммуникация в архитектурной сфере, представляя собой процесс взаимодействия участников той или иной сферы деятельности, основывается на профессиональных компетенциях, предполагающих знание всеми участниками коммуникации специального языка этой деятельности.

Трудно не согласиться с мнением Е.И. Головановой, полагающей, что центральным объектом исследования языка профессиональной коммуникации является термин, который представляет собой единицу общей лексической системы языка и обладает особыми характеристиками в рамках определенной терминосистемы [Голованова, 2014, с. 45].

В контексте антропоцентрической парадигмы современной науки термин рассматривается как с когнитивных, так и с лингвокультурологических позиций. С одной стороны, термин связан с мышлением, которое, в свою очередь, отражает динамический процесс познания человеком действительности [Абдурахманова, 2016, с. 5]. С другой стороны, термин как элемент, входящий в общую систему языка, является носителем культурного наследия того или иного этноса [Тихоненко, 2014, с. 144].

Следует отметить, что, исследуя терминосистемы различных профессиональных областей, ученые указывают на наличие в них терминов, состоящих из нескольких компонентов. Статус многокомпонентных терминов до сих пор остается дискуссионным, однако большинство исследователей отмечает семантическую связь многокомпонентных терминов, считая их «раздельнооформленными, семантически целостными словосочетаниями» [Кудрявцева, 2010, с. 10].

В рамках настоящей работы многокомпонентные термины включаются в ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в качестве терминологических единиц и рассматриваются как «полилексемные

терминологические сочетания» [Кудинова, 2011, с. 59]. Данные единицы включены в состав ЛСП, так как называют и дифференцируют одно понятие, а также «систематизируют парадигматические отношения» внутри ЛСП, «отражая системные связи единиц конкретной терминосистемы» [там же, с. 58].

При выделении многокомпонентных терминов многие ученые опираются на принцип идиоматики, придерживаясь широкого ее понимания на основе теории лексико-семантической и грамматической сочетаемости слов и их элементов. Принцип идиоматики подразумевает при этом неразложимость значений языковых единиц на значения, вычленимые в их формальном строении [Комарова, 2011, с. 22]. Не случайно В.П. Даниленко отмечает, что «термин, будь то слово (простое или сложное) или словосочетание (весьма разные по степени разложимости составляющих компонентов), представляет собой один знак, которому соответствует одно понятие» [Даниленко, 1977, с. 35]. Подобного мнения придерживается и Л. Бесекирска, понимающая под термином слово или сочетание слов, представленных в содержательном плане научным, техническим или другим специальным понятием [Бесекирска, 1996, с. 34].

Вследствие древности архитектуры как одного из видов человеческой деятельности в терминосистеме данной области ярко проявляются и когнитивные, и лингвокультурологические особенности. Испанская архитектурная терминология несет в себе определенную информацию о реалиях истории и культуры испанского народа, претерпевая изменения под действием различных социальных и лингвокультурологических факторов и отражая «взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка» [Воробьев, 1997, с. 36] в отдельной сфере жизнедеятельности человека.

2.1. Термин как центральный элемент архитектурного дискурса и базовый компонент лексико-семантического поля

В сфере профессионального общения, обмена специальными знаниями термин является определяющим носителем информации, так как обуславливает

«степень эффективности профессионального общения, определяя качественный результат совместного труда» [Хакимова, 2013, с. 1136]. Терминологическая единица, которая понимается как элемент терминологической системы, будучи языковым выражением системы понятий определенной области знания [Асадова, 2015, с. 795], появляется и функционирует в профессиональной среде, а именно в языке профессиональной коммуникации. В современной науке существует множество подходов к определению термина. Являясь единицей общенационального языка, термин принадлежит к лексико-семантической системе и обладает всеми лексико-грамматическими свойствами обычного слова [Морковкин, 1983, с. 153], при этом термин всегда соотнесен со специальным понятием [Даниленко, 1977, с. 16] и стремится быть однозначным. Современные лингвисты придерживаются мнения, что «за термином всегда стоит предмет мысли, но не мысли вообще, а специальной мысли, ограниченной определенным полем» [Суперанская, 2012, с. 34].

Изучению термина в широком цивилизационном контексте, выявлению причин и механизмов различных процессов в терминологической номинации, а также объяснению возникновения и эволюции специального знания способствует активно применяемый в настоящее время когнитивно-коммуникативный подход [Голованова, 2014].

2.1.1. Термин в контексте когнитивно-коммуникативной парадигмы

Языки профессиональной коммуникации способствуют передаче точного и систематизированного представления научной и профессиональной информации. В то же время сами специальные языки требуют системного изучения. Как было отмечено ранее, одним из видов системного подхода к исследованию архитектурного дискурса является поле, в центре которого, согласно результатам фактологического анализа, находятся термины.

Термин как центральный элемент профессиональной коммуникации привлекает к себе внимание ученых. По мнению А.К. Сулеймановой, терминология

определенной области знания является «ядром дискурса специальности» [Сулейманова, 2006, с. 10]. При этом сам термин в понимании отечественных и зарубежных исследователей представляется не только предельным выражением специальной мысли, но и единицей, выражающей большую плотность знаний [Голованова, 2014, с. 45; Cabré Castellví, 2017, p. 12].

В контексте когнитивно-коммуникативной парадигмы¹, предполагающей необходимость синтеза коммуникативной деятельности и когниции [Кубрякова, 2004, с. 36-37], большой интерес вызывают и лингвокультурологический, и коммуникативный, и когнитивный аспекты термина. Рассматривая вопросы профессиональной коммуникации Е.И. Голованова, подчеркивает тот факт, что наиболее плодотворной идеей при процессах номинации является то, что производное слово возникает на пресечении когниции и коммуникации [Голованова, 2014, с. 16].

На значимость *лингвокультурологического аспекта*, которому будет уделено отдельное внимание в п. 2.2. настоящей работы, указывает С.В. Гринев-Гриневич. В его понимании, термины специальных областей знания являются одним из элементов культурной среды и, одновременно, результатом развития цивилизации, средством фиксации ее истории и одним из средств ее формирования. В специальной лексике «наиболее наглядно обнаруживается связь развития языка с историей материальной и духовной культуры народа» [Гринев-Гриневич, 2008, с. 5]. С.В. Иванова также высказывает мнение о том, что термины не просто связаны с культурой, а что в них «отражается культурная детерминированность и/или национальная маркированность, национально-культурная специфика или национальная специфика» [Иванова, 2003, с. 11]. Данное положение в полной мере относится и к терминологии исследуемого ЛСП: например, названия архитектурных стилей *plateresco*, *desornamentado*, *isabelino*, *churrigueresco* подчеркивают национальное своеобразие архитектуры Испании.

¹ Такие термины, как когнитивно-коммуникативная и когнитивно-дискурсивная парадигма активно используются в работах современных исследователей. Нередко данные термины реализуются в качестве синонимов (ср.: [Голованова, 2014, с. 13, 35]).

В свою очередь Л.И. Гришаева отмечает значимость определенных признаков объекта/субъекта для носителей культуры и говорит об общности «ментальной структуры коллективной идентичности¹ носителей языковой культуры, их знания о том, по каким признакам может идентифицироваться тот или иной объект восприятия, какие именно признаки первичны для идентификации объекта внеязыковой действительности» [Гришаева, 2021, с. 14].

Коммуникативный аспект термина проявляется в реализации коммуникативной функции языка в рамках профессионального дискурса. Использование терминологических единиц способствует проявлению специфики взаимодействия специалистов одной профессии. В этой связи некоторые ученые обращаются к коммуникативно-прагматическому аспекту термина, который актуализируется не только в языке специальности, но и в акте терминотворчества. Создатель термина представляется как языковая личность, имеющая свои «установки, намерения, явные и скрытые цели, тактики и правила научной коммуникации и др.» [Буянова, 2013, с. 168].

Следует отметить, что если в XX в. большое внимание уделялось исследованию функционального аспекта терминов специальной области знания, то смена ведущей парадигмы в науке на антропоцентрическую и признания языка «неотъемлимой частью инфраструктуры мозга» [Болдырев, 2019, с. 22] способствовала началу исследования **когнитивного аспекта**, появилось новое направление в лингвистике – когнитивное терминоведение.

Когнитивный аспект ярко проявляется в многокомпонентных архитектурных терминах, так как один из компонентов сложных составных словосочетаний (чаще всего второй) уточняет профессиональный объект или понятие по мере познания их сущности и открытия новых сторон изучаемых явлений [Кудинова, 2011, с. 58]: *arco: arco de herradura, arco apuntado, arco lobulado* и др.; *bóveda: bóveda de crucería, bóveda de arista, bóveda de abanico, bóveda estrellada* и др.

¹ Понятие идентичность рассматривается в п. 2.2.2. Архитектурная лексика в испанской национальной картине мира настоящей работы

В свете когнитивного подхода термин представляется как единица профессиональной картины мира ввиду того, что деятельность специалиста конкретной области знания связана с определенным мировосприятием.

Как полагают Л.А. Манерко и А.Н. Шарапков, предтечей изучения терминов с когнитивных позиций можно считать выделенный К. Шубертом «текстолингвистический этап» развития терминологической науки, который характеризуется изучением терминов в тексте, а не отдельно от него. Данный подход позволил учитывать ситуационные, прагматические и экстралингвистические характеристики в специальной коммуникации [Манерко, 2015, с. 28–29].

В настоящее время многие работы направлены на исследование когнитивной функции, сквозь призму которой термин предстает результатом «продолжительного процесса познания сути предметов окружающей нас действительности, их свойств и связей, как вербализация концепта, порожденного не только мысленным, но и чувственным познанием» [Финикова, 2012, с. 101].

Интерес к выявлению когнитивной сущности термина обусловлен стремлением научного сообщества учитывать человеческий фактор при подходе к рассмотрению понятий. Когнитивное терминоведение характеризуется как полипарадигмальное и использует метод полипарадигмального анализа в качестве своей методологической основы. При этом под полипарадигмальным анализом понимается интерпретация одного и того же объекта несколькими дополняющими друг друга исследовательскими методами, что создает полное видение объекта и способствует формированию более «объемного» представления о нем [Грунина, 2010, с. 97].

С точки зрения когнитивных позиций термин изучали такие отечественные ученые, как Л.М. Алексеева, М.Н. Володина, Е.И. Голованова, Л.А. Манерко, В.Ф. Новодранова, и др. Для их работ характерно рассмотрение термина в качестве элемента дискурса, способствующего процессу познания, как результата «когнитивной деятельности специалиста, заключающейся в концептуализации и вербализации профессиональных знаний» [Новодранова, 2003, с. 150].

Е.И. Голованова выделяет следующие аспекты, которые способствуют проявлению специфики языковых единиц профессиональной коммуникации [Голованова, 2014, с. 140]:

1. Лексико-грамматическая специализация, что выражается в субстантивации разных частей речи (в нашем случае можно упомянуть о таких единицах, как *el consrtuir, el diseñar, lo exagerada* и др.).

2. Терминологические фразеологизмы (в рамках настоящего исследования можно выделить следующие: *arca ciega, arcada ciega, bóveda de rampante* и др.).

3. Иноязычные заимствования (среди компонентов ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке встречается значительное количество иноязычных заимствований, среди них: *dovela, plafón, ojiva, albanega, alfiz, alminar, barbacana* и др.).

Интересно, что испанские ученые [Salvador, 1995; Úbeda Mansilla, 2001], помимо фразеологии, уделяют большое внимание метафоре и метонимии. В рамках настоящего исследования в данном случае выделяются такие единицы, как *ala, aguja, tambor, rosa, rosetón, nave* и др.

Представляется необходимым затронуть вопрос об одном из обязательных признаков термина – его точности. Современные терминоведы склонны полагать, что своей точностью термин обязан процессу когниции, в ходе которого информация обрабатывается, перерабатывается и фиксируется, а из ряда вариаций выбирается лексическая единица, наиболее точно характеризующая то или иное понятие [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 81–82]. Таким образом, точность термина закладывается в момент его создания и включает в себя два этапа: 1. начальный, естественный этап; 2. сознательный, регулируемый [Новодранова, 2008, с. 15].

Регулируемый этап, т.е. искусственный фактор, предполагает «активность человека, вторгающегося в языковую действительность, упорядочивающего, преобразующего или выстраивающего ее заново в соответствии со специфическими задачами, решение которых необходимо для нужд познания и коммуникации» [Голомидова, 1998, с. 4].

В.М. Лейчик также отмечает двоякую природу термина, понимая под ним «сложное многослойное образование, в котором естественно-языковой субстрат и логический суперстрат образуют соответственно нижний и верхний слои, а сердцевину составляет терминологическая сущность» [Лейчик, 2000, с. 21].

Данная характеристика в полной мере относится и к испанской архитектурной лексике. Например, лексема *clave* (ключ) в испанском архитектурном дискурсе, с одной стороны, обозначает центральный камень арки / *dovela central de un arco* [Domínguez Ramos, 2003, p. 55], с другой – может обозначать центральный элемент свода / *pieza central de una bóveda* [ibid.]. В русской архитектурной традиции данный термин имеет следующие переводческие эквиваленты: *замковый камень, замок, аграф*, – которые также используются для обозначения архитектурного элемента как в арке, так и в своде. Ср.: «АГРАФ. 1. Замковый камень арки, а также его подчеркнутая имитация в архитектурном декоре (обычно в перемычках проемах и ниш)» [Плужников, 2011, с. 12]. Замковый камень устанавливается последним, он уравнивает боковые распоры сторон арки, «запирает» ранее установленные клиновидные камни. Таким образом, и испанская лексема *clave*, и русский термин *замок* логически связаны с той функцией, которую выполняет этот архитектурный элемент: замковый камень закрывает конструкцию.

Е.И. Голованова отмечает, что еще в середине XX в. Г.О. Винокур, рассматривающий терминологические единицы как часть лексического уровня языка, полагал, что термины не «появляются», а «придумываются», «творяются» по мере осознания их необходимости, делая вывод о том, что «в терминах закреплён результат не пассивного, а живого, активного отражения, в содержание которого включена человеческая практика, профессиональная деятельность» [Голованова, 2014, с. 83].

Учеными выделяются абстракционные и партитивные системы при описании системных отношений терминов. Абстракционные системы представляют собой упорядочение слов в родо-видовые или гипер-гипонимические отношения. Данные отношения характерны и для элементов ЛСП «Архитектура культовых

сооружений» в испанском языке: родовое понятие *edificios sacros*, видовые понятия *templo, catedral, basílica, mezquita* и др.

Партитивные системы основаны на разложении целого на части, ср.: *edificio* – *techo, muro, sillería, ventana, portal, escalera* и др.

Изучение связи терминов специальных языков между собой определило появление понятий, означающих их систематизацию: «терминология» и «терминосистема».

В вопросе соотношения данных понятий существуют различные точки зрения. Первая точка зрения основывается на том, что эти понятия являются синонимами. Так, Н.С. Шарафутдинова подчеркивает, что и в терминологии, и в терминосистеме термины связаны между собой многоуровневыми иерархическими родо-видовыми и цело-частными отношениями [Шарафутдинова, 2016, с. 170]. При этом автор указывает на то, что в последние десятилетия слово «терминосистема» применяется гораздо активнее.

Согласно другому подходу, принятому большинством современных ученых, эти понятия следует разграничивать, так как *терминология* подразумевает стихийно сложившуюся совокупность терминов, не обладающую целостностью, а *терминосистема* – это сознательно иерархически упорядоченная терминологическая совокупность [Канделаки 1977; Лейчик 2000], при этом под единицами терминологии понимаются предтермины, а под единицами терминосистем – термины [Лейчик, 2000, с. 23].

Примечательно, что термины, ввиду своей природной системности, имеют возможность собираться в поля, представляя собой наиболее благоприятный для построения полей материал, что позволяет рассмотреть их исторический, лингвокультурологический и когнитивный аспекты. В связи с этим необходимо указать, что в современных исследованиях, кроме понятий «терминология» и «терминосистема», активно используется понятие «терминополе». Под *терминополем* понимается «унифицированная по системному основанию многоуровневая классификационная структура» [Татаринов, 2006, с. 275], объединяющая термины одной из сфер профессиональной области.

А.З. Абдурахманова, в свою очередь, отмечает, что понятие терминополья шире понятия терминосистемы и представляет собой «строгую, логически последовательную иерархию связей между терминами конкретной терминологической системы» [Абдурахманова, 2016, с. 20]. В рамках своего поля термины понимаются однозначно, им не присуща многозначность. Для того чтобы термин был правильно интерпретирован, он «должен быть соотнесен со своим полем, где структурно-системные связи организованы своим особым образом» [Суперанская, 2012, с. 29].

Таким образом, термин в пределах конкретного поля имеет структурные связи с другими компонентами, что позволяет ориентировать специалиста в профессиональном пространстве и говорить о различных функциях терминов, реализации которых способствует его когнитивная сущность.

2.1.2. Функции архитектурного термина в проявлении его системных свойств. Ориентирующая функция

Большое внимание ученых привлекают и такие функции термина, как номинативная, сигнификативная, коммуникативная (или информационная), прагматическая, когнитивная и классифицирующая [Финикова, 2012, с. 98]. Указанные функции находят свое отражение и в архитектурной терминологии испанского языка.

Номинативная функция, по мнению большинства исследователей, выражается в том, что всякое слово выполняет функцию наименования понятия или процесса и несет в себе часть определенного знания [там же]. Так, если мы обратимся к термину *mural*, обозначающему настенную живопись, то характерным признаком данного понятия является место расположения – стена (*muro*), а также имплицитное указание на то, что на стене может находиться изображение. В то же время лексема *mampostería* (каменная кладка) имеет признак результата действия каменщика (*mampostero*).

Что касается *сигнификативной функции* языковых единиц, то она представляет собой функцию обозначения понятия или процесса (*construcción/постройка – construir/сстроить, proyecto/проект – proyectar/проектировать* и др.).

Коммуникативная, или информационная функция выражается в понимании лексической единицы как средства передачи некой информации. При этом отмечается, что реализации данной функции способствует «обучающая функция термина, функция обмена знаниями и функция передачи специального знания во времени» [там же, с. 100]. Примерами реализации данной функции могут служить термины: *muralla* (*крепостная стена*) или *tapia* (*забор, ограда*). Термин *muralla* связан с понятием войны, крепости, защитно-оборонительной функцией, в то время как термин *tapia* ориентирует на мирную жизнь граждан и не связан с военным делом. Ср.:

*Precisamente fueron los romanos quienes se encargaron de alzar una de las más impresionantes **murallas** de España con sus mada menos que seis metros de grosor y 10 metros de altura por término medio* [URL: <https://arteviajero.com/top10/conoce-las-10-murallas-mas-impresionantes-de-espana/>].

*El monasterio Jerónimo hasta 1415, está configurado por un terreno cercado por una **tapia**, en cuya superficie encerrada se levantan la iglesia y un claustro* [URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1675845668&tld=ru&lang=es&name=LOS_MONASTERIOS_DE_LOS_JERONIMOS_ESPAÑALES.pdf].

Прагматическая функция определяется соотнесенностью знака с продуцентом и реципиентом коммуникации, условиями общения и установкой, заданной продуцентом речи [Финикова, 2012, с. 98–100].

Архитекторы в профессиональной среде нередко относятся к своим творениям как к живым существам, в связи с чем П. Убеда Мансилья отмечает [Úbeda Mansilla, 2005, p. 116]:

1. El edificio es un ser vivo (Ср: Здание – это живое существо)
2. El edificio es un cuerpo (Ср: Здание – это тело (организм))
3. La ciudad es un ser vivo (Ср: Город – это живое существо).

Прагматическая функция архитектурного термина находит свое выражение и в художественных произведениях. Так, например, в романе В. Бланко Ибаньеса «La Catedral» («Толедский собор») происходит антропоморфизация главного объекта произведения. Толедский собор отождествляется с живым организмом, с матерью главного героя:

Despertaba el templo.

Tembló la montaña de piedra...

*Parecía **desperezarse** La Catedral con los nervios excitados: el menor frote le arrancaba quejidos.*

*No morirás... La Catedral **te curará**.*

*La iglesia **le acogía** como madre vieja* и др. [URL: <https://archive.org/details/lacatedral00blas>].

В приведенных примерах прагматическая функция реализуется через сочетание архитектурных терминов с нетипичными для данной профессиональной сферы глаголами, что позволяет воздействовать на читателя, создавая нужную атмосферу.

Когнитивная функция (*nave*, *ala* и т.д.), связанная с когнитивной сущностью термина, о которой было сказано ранее, как полагает Е.И. Голованова и другие авторы, на сегодняшний день является приоритетной функцией термина [Голованова, 2014, с. 70].

Классифицирующая функция заключается в возможности некоторых терминов объединяться в ряд схожих по структуре лексических единиц (*escalera: escalera recta, escalera imperial, escalera de ojo cenrtal, escalera de caracol, escalera comprensada* и т.д.).

В рамках функционального назначения современные исследователи особо выделяют способность термина, как носителя специальной информации, задавать определенную программу поведения [Володина, 2000] и ориентировать специалиста в профессиональной предметной области. Об ориентирующей функции термина, по мнению Е.И. Головановой, позволяет говорить сама форма термина, которая помогает ориентировать специалиста на определенные свойства

того или иного объекта мысли. Автор рассматривает ориентирующую функцию как разновидность когнитивной функции терминологических единиц и отмечает, что ориентирующая сущность термина проявляется уже в момент его создания, а затем актуализируется в процессе его функционирования [там же, 2014, с. 22]. Данное свойство терминологической единицы определяется тем, что процесс номинации базируется на уже существующих знаниях об объективной реальности и человеческой деятельности.

Среди архитектурной лексики испанского языка можно найти многочисленные подтверждения данного положения. Так, лексема *alma* (душа) обозначает в профессиональном дискурсе вертикальное укрепление для поддержки деревянных опор или вертикальную ось винтовой лестницы (1. *Madero que, asentado y fijo verticalmente, sirve para sostener los ortos maderos o los tablones de los andamios*. 2. *Eje vertical de una escalera de caracol* [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]), что передает смысл и общую идею души как центра и опоры личности человека.

Категория мотивированности также ориентирована на термин. Мотивированность термина предполагает его «семантическую прозрачность, свойство его формы давать представление о называемом термином понятии» [Гринев, 1993, с. 173]. Иначе говоря, внутренняя форма термина позволяет получить представление о внеязыковой действительности, связанной с этим термином, так как фиксирует существенный признак терминологического понятия, что позволяет ориентировать специалиста в профессиональном пространстве. Например, в готической архитектуре одним из элементов стрельчатой арки является *flecha* (стрела). Лексема *flecha* в данном случае обозначает высоту от основания опоры арки до ее наивысшей точки (ключа арки, замкового камня) или шпиля, венчающего башню: «En el arco, altura desde la línea de arranque a la clave o parte central. Aguja que remata una torre» [Domínguez Ramos, 2003, p. 87]. Данное обозначение указанного элемента не случайно. Дело в том, что готическая архитектура известна своей вертикальной композицией, символизирующей

стремление приблизиться к Богу, и стрела в данном случае обозначает движение вверх.

Важно отметить, что ориентирующая функция присуща именно терминам, а не словам общего языка, которые, по мнению И.В. Финиковой, являются «своего рода субстратом терминов» [Финикова, 2012, с. 98]. Помимо данного факта, ориентирующая функция терминологической единицы способствует «направлению и развитию профессиональной мысли по нужному курсу» [Голованова, 2014, с. 82].

Ориентирующая функция термина проистекает из его системных свойств, т.е. полевой организации терминосистемы. В словаре по терминоведению В.А. Татаринов приводит точку зрения А.А. Реформатского о том, что поле заменяет термину контекст, а значение термина зависит от соположенности всех терминов, их соотнесенности между собой на основе реального смыслового содержания объектов [Татаринов, 2006, с. 275–278]. На данную характеристику поля указывал еще Ю.Н. Караулов, опираясь на доводы Й. Трира о том, что слова в рамках поля «тесно связаны друг с другом и, будучи взаимозависимы, определяют значения друг друга» [Караулов, 1976, с. 23].

Выявление специфики архитектурной лексики испанского языка, определение особенностей ее формирования и развития диктуют необходимость основываться на широчайшем объеме экстралингвистических знаний [Робинс, 2010, с. 298], принимая во внимание ментальность и национальную картину мира испанцев.

2.2. Лингвокультурологический аспект компонентов ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке

В терминосистему специального языка архитектуры входят различные единицы, отражающие социальные, исторические, экономические, культурные и другие особенности этноса. Трудно не согласиться с положением о том, что язык служит не только средством общения людей, но и «вписан в человеческую

культуру, немислим вне нее, и, более того, реализуя ее требования, сам становится эталоном культуры» [Евсюкова, 2023, с. 140], в связи с чем стало чрезвычайно актуальным исследование языка сквозь призму его взаимодействия с культурой. Развитие лингвокультурологического направления во многом обусловлено главенствующим в современной науке антропоцентрическим подходом и «осмыслением феномена культуры как специфической формы существования человека в обществе и мире» [Кадибагомаева, 2015, с. 42].

Среди основных характеристик лингвистических исследований конца XX – начала XXI в. следует отметить повышенный интерес к проявлению национального менталитета в языке, а также отражению в нем отдельных фрагментов наивной языковой картины мира, что способствовало активному развитию лингвокультурологического подхода к исследованию языковых явлений. Согласно позиции С.В. Ивановой, лингвокультурологический аспект исследования лексических единиц подразумевает изучение отражения уклада жизни, традиций, обычаев, истории народа в языке [Иванова, 2003, с. 6–7]. При этом лингвокультурологический подход, как правило, основывается на дескриптивных позициях.

2.2.1. Лингвокультурологический подход к исследованию языковых единиц

В широком смысле лингвокультурологические исследования рассматривают «различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней» [Абыякая, 2004, с. 9]. Целью лингвокультурологического анализа является «исследование и описание культурного пространства того или иного лингвокультурного сообщества сквозь призму языка и дискурса и культурного фона коммуникативного пространства» [Иванова, 2003, с. 3].

Современные исследователи, осуществляя лингвокультурологическое описание взаимодействия языка и культуры, отмечают, что, будучи семиотическими системами и отображая мировоззрение человека, данные явления

имеют много общего [Маслова, 2001, с. 45]. Объектом исследования лингвокультурологии являются «знания, обоснованные национальным менталитетом и культурой, выраженные единицами языка разного уровня» [Абыякая, 2004, с. 10].

И когнитивная лингвистика, и лингвокультурология являются приоритетными направлениями лингвистики настоящего периода, так как в фокусе их внимания диада «язык – человек». Оба направления базируются на интегральном подходе. В то же время когнитивная лингвистика направлена на изучение процессов восприятия, категоризации и осмысления мира. В рамках когнитивных исследований ученые изучают, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией [Светоносова, 2007, с. 39]. Предметом исследования когнитивной лингвистики является когнитивный концепт, под которым понимается «дискретное ментальное образование... представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества...» [Попова, 2007, с. 24].

Что касается лингвокультурологии, то предметом ее исследования является лингвокультурный или культурный концепт. В рамках лингвокультурологических исследований концепт рассматривается как культурно-ментально-языковое образование, своего рода сгусток культуры в сознании человека, то, «в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 2001, с. 43]. При этом диада «язык – человек» преобразуется в конструкцию «язык – сознание – культура – человек – народ» [Красных, 2019, с. 32].

В рамках лингвокультурологических исследований рассматриваются понятия культурной картины мира и ценностной картины мира. Культурная картина мира является «взглядом члена культуры на внешний мир, представляет собой совокупность рациональных взглядов и представлений о ценностях, нормах, нравах, менталитете собственной культуры и культур других народов» [Андреева, 2006, с. 8]. В свою очередь, под ценностной картиной мира понимаются взаимосвязанные оценочные суждения, характерные для данной культуры, а в ее

структуре выделяются наиболее существенные смыслы и ценностные доминанты, образующие определенный тип культуры [Карасик, 2002, с. 117–118].

Лингвокультурологические исследования предполагают использование различных принципов, методов и инструментов, необходимых для проведения подобного анализа, одной из важных характеристик которого является междисциплинарный подход, позволяющий выявить культурную семантику языковой единицы [Томберг, 2016, с. 144].

В понятийном аппарате лингвокультурологии выделяется также понятие культурологической компоненты. Культурологическая компонента в понимании С.В. Ивановой – это культурно-ценностная информация, заключенная в рамках языковой единицы [Иванова, 2003, с. 4].

Выявление национальной специфики лексики того или иного языка предполагает ее сравнение с лексическим наполнением других языков и культур. Важность сравнения различных фрагментов действительности в разных языках отмечали многие ученые, среди которых и основоположник теории поля Й. Трир. Изучая его труды, Ю.Н. Караулов отмечал внимание немецкого лингвиста к вопросу о том, насколько языковое выражение адекватно соответствующему фрагменту действительности, насколько точно оно передает информацию, полученную опытным путем. По мнению Й. Трира, «языковые поля полностью и без пробелов покрывают сферу человеческого опыта» [Караулов, 1976, с. 15]. В то же время сам Ю.Н. Караулов отмечает, что пробелы или лакуны проявляются при сравнении языков друг с другом, «поскольку каждый язык по-своему членит мир» [там же].

В контексте исследования ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» становится очевидным, что высокая степень культурологической маркированности присутствует прежде всего в многокомпонентных терминах испанского языка, так как процесс номинации, как было упомянуто ранее, включает в себя не только естественное, но и искусственное начало.

Опираясь на принципы лингвокультурологического подхода, предполагающего не только рассмотрение различных способов представлений знаний о мире с учетом наиболее существенных для данной культуры смыслов и доминант, но и описание культурного пространства сквозь призму языка, рассмотрим особенности номинации некоторых типов *свода* в испанском и русском языках с целью выявления лингвокультурологической компоненты и национальной специфики исследуемых терминологических единиц.

Испанская лексема *bóveda* (*свод*) является архитектурным термином и, согласно словарю М. Молинер, обозначает криволинейное перекрытие пространства или помещения, ограниченного стенками, балками или столбами [Moliner, 2013]. Впервые упоминание данной лексемы в испанском языке зафиксировано в XIII в. [Corominas, 1987; Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]. Разные архитектурные стили тяготеют к определенным типам свода.

Одним из самых древних типов свода, восходящих к римскому искусству, является *крестовый свод*, представляющий собой «цилиндрический свод с большими распалубками, равными основному своду и дающими обильный свет» [Кузнецов, 1935, с. 16]. В испанской архитектурной терминологии такой тип свода называется *bóveda por/de arista*, при этом *arista* означает ребро, линию пересечения двух плоскостей [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>].

На территории Испании на протяжении нескольких веков, в отличие от России, господствовала готическая архитектура, представленная многочисленными культовыми сооружениями. В испанской готической архитектуре был распространен один из видов крестового свода, обладающий большими техническими возможностями, – *крестово-нервюрный*, или *готический крестовый свод*. Данный тип свода в испаноязычных источниках называется *bóveda de crucería*, *bóveda nervada*. При этом испанский термин *crucería* обозначает пучок нервюр, служащих для укрепления и украшения свода [ibid.], а *nervada* имеет значение собственно «нервюрный» [ibid.], указывающее на форму свода и элемент,

при помощи которого распределяется нагрузка. Примечательно, что в испанском языке существует еще один вариант номинации данного свода – *bóveda de ojiva* [Оcampo, 1992, р. 45], где *ojiva* (*стрельчатый*) также указывает на форму архитектурного элемента. Таким образом, распространенность готической архитектуры способствует появлению нескольких номинаций одного и того же архитектурного элемента. Следует отметить, что крестово-нервюрный свод, популярный в испанской архитектуре, представлен разнообразными вариациями: *bóveda estrellada* (*звездчатый свод*), *bóveda de abanico* (*веерный свод*), *bóveda sexpartida* (*шестичастный свод*) и др.

Представляется необходимым упомянуть и об использовании испанскими архитекторами крестового свода с распалубками *bóveda de lunetos*, где *luneta* (уменьшительное от *luna*) представляет собой небольшое арочное перекрытие в форме полумесяца для освещения главного свода (*bovedilla en forma de media luna para dar luz a la bóveda principal* [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]).

Наряду с крестовым сводом в испанской и русской культовой архитектуре широко представлен *парусный свод*, получивший широкое распространение в эпоху Ренессанса, являющийся перекрытием в виде сферы, усеченной с боков плоскостями стен [Плужников, 2011, с. 255]. В испанском языке данный тип свода, так же как и крестово-нервюрный, имеет несколько номинаций: *bóveda de baída/vaída*, *bóveda de vela* (*парусный свод*), *bóveda pañuelo* (*платочный свод*).

Что касается *сомкнутого свода*, под которым понимается свод, расположенный над четырехугольным помещением, составленный из лотков, передающих распор на стены [там же, с. 320], то такой тип свода в испаноязычном архитектурном дискурсе носит название *bóveda de aljibe/algibe* (*aljibe* – цистерна, резервуар). Его также называют *bóveda esquifada* (*esquife* – шлюпка), или *bóveda claustral* (*claustral* – монастырский) [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>; Оcampo, 1992, р. 45], что позволяет сделать вывод о том, что данный вид свода с высокой частотностью применялся в монастырской архитектуре.

В испанской архитектуре, в отличие от русской, широко представлен *ползучий свод* (опоры которого расположены на разных уровнях). Этот элемент был достаточно популярен и называется *bóveda rampante* (*rampante* – разрастающийся [Diccionario del patrimonio cultural de España, URL: <http://tesauros.mecd.es/tesauros/bienes culturales/1013841.html>]) или *bóveda por tranquil* (*tranquil* в архитектуре – вертикальная (отвесная) линия [Moliner, 2013]). Один из вариантов ползучего свода, расположенного над винтовой лестницей, называется: *bóveda de caracol* (*caracol* – раковина улитки, винтовая линия, спираль), *bóveda espiral* (*espiral* – спираль), *bóveda helicoidal* (*helicoidal* – винтовой, спиралевидный) [Осампо, 1992, р. 45], переводческое соответствие в русском языке отсутствует.

Наличие синонимичного ряда для обозначения одного и того же типа свода, а также разнообразные вариации некоторых видов сводов свидетельствуют не только о многообразии культовой архитектуры на территории Испании, но и о специфике культурно-языкового пространства испанского народа.

Как следует из представленного материала, большинство испаноязычных терминов, относящихся к наименованию различных сводов, имеют метафорическое происхождение на основе внешнего или функционального сходства предметов или явлений, которые переносятся из общеупотребительной лексики в архитектурную сферу (*bóveda de abanico* / веерный свод, *bóveda pañuelo* / платочный свод, *bóveda de caracol* / винтово-кольцевой свод (*caracol* – улитка, ушная раковина) и др.), в то время как русскоязычные термины характеризуются номинацией, передающей узкоспециальную информацию. Примечательно, что термины, образованные путем метафоризации, более понятны неспециалисту. В этом контексте интересно положение Л.М. Алексеевой о том, что «при помощи метафоризации терминосистемы “цепляются” за мир действительности» [Алексеева, 1998, с. 10]. Вопросы соотношения архитектурной лексики и метафоры в испанской национальной картине мира будут рассмотрены в следующем пункте настоящей работы.

2.2.2. Архитектурная лексика в испанской национальной картине мира

Проблема взаимосвязи языка и говорящего на нем человека продолжает вызывать большой интерес у исследователей, чему во многом способствовали научные труды В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Э. Сепира и Б. Уорфа и др. [Гумбольдт, 2000; Потебня, 1999; Сепир, 1993; Уорф 1960]. Современные ученые рассматривают вопросы, связанные с историей, культурой народа, становлением его национальной идентичности, проводя исследования в русле антропоцентрической парадигмы, способствующей выявлению связи национальной языковой картины мира с конкретным этносом.

Под национальной картиной мира при этом чаще всего понимается «целостная модель, свойственная определенному типу культуры, некий инвариант, проявляющий себя через варианты: научную, религиозную, художественную и т.д. картины мира» [Язык и национальное сознание..., 2002, с. 101]. По мнению В.Н. Телия, язык, являясь средством передачи информации, в то же время «через систему своих значений и их ассоциаций окрашивает концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» [Роль человеческого фактора в языке..., 1988, с. 177]. Трудно не согласиться с О.А. Корниловым в том, что национальная языковая картина мира представляется результатом «отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира в процессе своего исторического развития, включающего познание этого мира. Внешний мир и сознание – вот два фактора, которые порождают языковую картину мира любого национального языка» [Корнилов, 2003, с. 144].

В составе национальной языковой картины мира особое место занимает национальная научная картина мира, которая создается в результате сложения научных картин мира различных профессиональных областей конкретного этноса.

Таким образом, частнонаучная картина мира в сфере архитектуры, входя в национальную научную картину мира, отражает особенности испанской национальной идентичности. Под национальной идентичностью как правило понимается осознание «нации как связного целого, представленного уникальными

традициями, культурой и языком» [Хренов, 2007]. В понимании большинства исследователей понятие национальной идентичности, активно используемое при анализе общественного взаимодействия и социальной коммуникации [Велилаева, 2020, с. 27], находится в сложном диалектическом взаимодействии с национальными языками [Евсеева, 2009, с. 15].

Важно отметить, для современного этапа научного знания характерна тенденция на акцентирование своей самобытности и рефлексии над своей идентичностью [Гришаева, 2018, с. 272].

Многие испанские мыслители обращались к проблематике национальной идентичности и национального характера своего народа. Среди них Х. Ортега-и-Гассет (J. Ortega y Gasset), А. Кастро (A. Castro), Х. Мариас (J. Marías) и др., которые выделяли такие черты национального испанского характера, как индивидуализм, гордость, религиозность, такие чувства, как неповторимость и спонтанность жизни и др. [Ортега-и-Гассет, 1994; Castro, 1949; Marías 1985]. Отдельно необходимо упомянуть об ученых, посвятивших свои труды взглядам испанцев на искусство и эстетику, – Б.Х. Фейхо-и-Монтенегро (B. J. Feijoo y Montenegro) Х. Хауреги-и-Агилар (J. de Jáuregui y Aguilar), Э. де Артеага (E. de Arteaga) и др. [Arteaga, 2011; Feijoo y Montenegro, 1983; Juan de Jáuregui y Aguilar, URL: <https://dbe.rah.es/biografias/13255/juan-de-jauregui-y-aguilar>]. Авторы рассматривали вопросы, связанные со значимостью природы в искусстве, стремлением произведений искусства достичь цельности и красоты, необходимостью идеализации красоты, прибегая к таким оппозициям, как «прекрасное – безобразное», «возвышенное – низменное» и др. Среди отечественных исследователей к вопросу о национальной идентичности испанцев обращались М.В. Кутьева, М.Н. Сим, А.Л. Штейн, выделяющие такие особенности испанского национального характера, как эгоцентризм, мистицизм, фанатизм, эмоциональность, импульсивность, героизм и др. [Кутьева, 2012; Сим, 2014; Штейн, 1977].

Одним из проявлением национальной идентичности в языке признается метафора. Дж. Лакофф и М. Джонсон связывают метафору с когнитивными

процессами и отмечают, что «метафоры по сути своей являются феноменами, обеспечивающими понимание» [Лакофф, 2004, с. 208]. Подобное мнение высказывает и П. Убеда Мансилья, указывая на то, что метафора – это привычное и повседневное явление в мышлении и языке, а не просто поэтический ресурс. С точки зрения когнитивной лингвистики метафора является активным когнитивным средством, способствующим действенной и эффективной передаче идей и намерений в процессе коммуникации [Úbeda Mansilla, 2005, p. 116].

Метафора в составе специального языка архитектуры способствует уточнению характеристик объекта через обращение к уже знакомым предметам и явлениям действительности. Высокая степень метафорической насыщенности является одной из основных черт архитектурного дискурса, так как метафора, по мнению П. Убеды Мансилья, относится к тем когнитивным инструментам, которые активно используют архитекторы. Роль данного языкового механизма заключается в содействии процессу коммуникации, повышении его эффективности через использование более простых «доменов понимания» (*dominios de comprensión*), соответствующих более сложным понятиям [*ibid.*, p. 115]. Необходимость использования метафоры и в профессиональном общении, и в бытовой среде отмечают Э. Кастаньо Переа и Х. де ла Фуэнте Прието, полагая, что метафоры являются «мостами понимания» (*puentes de entendimiento*) во всей профессиональной архитектурной среде, а также что они должны служить тому, чтобы упростить сближение с представителями других областей знания [Castaño Perea, 2013, p. 307].

Результаты проведенного исследования подтверждают тот факт, что для специального языка архитектуры характерно наличие большого числа терминов, имеющих метафорическое происхождение, под которыми в настоящей работе понимаются «общеупотребительные слова (или словосочетания), принимаемые в специальном значении и выступающие как наименования профессионального понятия, входящие в системные отношения с терминами данной отрасли знания и использующиеся в профессиональной коммуникации» [Гайнутдинова, 2012, с. 9].

Так, по принципу метафорического переноса возник, например, архитектурный термин *tambor* (барабан). В словаре М. Молинер *tambor* в первую очередь трактуется как ударный музыкальный инструмент. Однако есть и определения, относящиеся к сфере архитектуры: *muro de forma cilíndrica que soporta una cúpula* (цилиндрическая часть здания, на которой находится купол), *cuerpo central del capitel* (центральный корпус капители) [Moliner, 2013], ср.:

*Una vez conseguida la forma circular se puede poner una cúpula o, para elevarla aún más respecto al edificio, se puede poner entre las pechinas y la cúpula un **tambor** que es una torrecilla de forma cilíndrica* [URL: www.artehistoriaestudios.blogspot.com/2009/1/elementodearquitectura].

В этимологическом словаре Х. Короминаса указывается на то, что слово имеет арабские и персидские корни: «1251 (*atambor*) h. 1140 (*atamor*). Del persa *tabir* íd., S. X, pasando por el árabe, donde debió de confundirse con *tanbur*, S. XI, “especie” de lira o bandurria hecha con una piel tendida sobre un cuerpo hueco, palabra de origen diferente pero también persa» [Corominas, 1987, p. 555].

В Словаре Королевской академии испанского языка так же, как и в словаре М. Молинер, прежде всего указывается на то, что это ударный музыкальный инструмент, деревянный или металлический, цилиндрической формы, полый, имеющий два основания, покрытые натянутой кожей; для игры на барабанах используются две палочки. Тем не менее даются и толкования, относящиеся к архитектурной сфере: «1. Pared vertical redonda o poligonal, generalmente con ventanas, que sostiene una cúpula. 2. Cuerpo central del capitel, más abultado o de mayor diámetro que el fuste de la columna. 3. Cada una de las piezas del fuste de una columna cuando no es monolítica» (1. Круглая или многоугольная вертикальная стена, обычно с окнами, которая поддерживает купол. 2. Центральная часть капители, более громоздкая или большего диаметра, чем корпус колонны. 3. В немонолитной колонне так называются составные элементы ствола колонны) [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>].

В словаре художественных терминов Х. Домингеса Рамоса и Д. Геральта Аметльера лексема *tambor* определяется как круглая или

многоугольная архитектурная конструкция, которая поддерживает купол: «estructura arquitectónica, circular o poligonal, sobre la que se sustenta una cúpula» [Domínguez Ramos, 2003, p. 170].

Как мы видим, в данном случае метафорический перенос основывается на внешнем сходстве, а именно на цилиндрической форме музыкального инструмента и архитектурного объекта.

О метафорическом происхождении говорят и такие однокомпонентные архитектурные термины, как *ala*, *aguja*, *rosa*, *rosetón* и др.

На основе метафорического переноса появилось и значительное число многокомпонентных терминов, среди которых *arco ciego* (слепая арка), *arquería ciega* (слепая аркада). Следует отметить, что слепая аркада выглядит так, как будто там должны находиться окна или двери, но их нет, поэтому аркада «слепая»:

*Sobre la misma puerta de entrada y en un segundo registro a modo de friso se despliega una **arquería ciega** de tres arcos de medio punto que apean sobre cimacios taqueados y capiteles decorados con parejas hamanas de aspecto bastante grotesco* [URL: <https://m.arteguias.com/leon/corullonleon.htm>].

Двухкомпонентный термин *bóveda estrellada*, о котором шла речь ранее, также создан на основе метафорического сравнения, в данном случае – со звездным небом:

*El espacio tiene una planta cuadrada, y se cubre por una espectacular **bóveda estrellada**, cuyos nervios apoyan en ménsulas policromadas* [URL: <https://www.arteguias.com/catedral/valencia.htm>].

С помощью метафоры были образованы и следующие термины: *bóveda de abanico*, *ápside de herradura*, *cúpula de arista* и др.

Стоит отметить, что многие термины, образованные с помощью метафорического переноса, имеют свои параллели в разных языках. При этом в основе указанных терминов лежат одни и те же образные элементы, что можно объяснить не только схожими ассоциациями участников профессиональной коммуникации, но и активным взаимодействием национальных научных картин

мира. Ср.: *arco de herradura* (исп.) – *horseshoe arch* (англ.) – *подковообразная арка*; *bóveda de abanico* (исп.) – *fan vault* (англ.) – *веерный свод* и др.

Как полагает О.В. Федосова, частотное использование метафоры в архитектурной терминосистеме испанского языка во многом определяется свойственным испанцам карнавальным осмыслением мира, в основе которого лежит народность и антропоцентрическая система ценностей. Метафора в понимании автора сродни маске, переодеванию, которое, с одной стороны, скрывает привычный образ, а с другой – раскрывает его подлинную сущность [Федосова, 2012, с. 17–22].

В контексте исследований специфики проявления национального характера испанцев многие ученые выделяют такую черту, как барочность, рассматривая ее как особый тип мышления [Грасиан-и-Моралес, 1977; Ортега-и-Гассет, 1994, URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega06.txt>; и др.]. По их мнению, данное понятие связано прежде всего с ощущением противоречивости бытия, контрастом личности и мироздания в целом, психологическим надломом, трагическим взглядом на мир, а также с отношением к религии и вере в жизни человека. Осмысление обозначенных противоречий, связанных с мироощущением, миропознанием, самопознанием, уходит корнями еще в XVII в. и связано с именем французского философа, теолога и ученого Б. Паскаля. В труде «Мысли» («Pensées», 1670) автор размышляет о противоречиях, связанных с религией, о трагичности и хрупкости человеческой жизни [Паскаль, 2003].

Испанские ученые, в свою очередь, выделяют барочность или барокко (термины употребляются синонимично) как одну из главных черт испанского национального характера. Согласно позиции Х. Ортеги-и-Гассета, изложенной в коротком эссе «Воля к барокко», барочность относится к универсальным категориям и проявляет свои черты в произведениях искусства, начиная с древних времен. Проблема противоречий внутреннего мира человека, его эмоциональная насыщенность представлена как симптом барочного восприятия, что проявляется в картинах Д. Веласкеса, Эль Греко и др. [Ортега-и-Гассет, URL:

<http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega06.txt>]. В отечественной науке на эту черту испанцев указывали М.В. Кутьева, Н.М. Сим, О.В. Федосова, А.Л. Штейн и др.

Понятие барочности как национально-культурной особенности испанцев близко понятию стиля барокко, характерного для идейно-эстетического движения начала XVII в., но не тождественно ему. Искусство барокко представляет собой один из способов проявления барочности как черты национального характера испанцев, отражающейся в мироощущении народа, что, по мнению некоторых исследователей, и является следствием кризисного состояния общества [Мельчакова, 2007, с. 18]. Неслучайно А. Л. Штейн указывал на то, что искусство барокко является «отражением контрастов и дисгармонии самой общественной жизни» [Штейн, 1977, с. 14].

Словарь Королевской академии испанского языка определяет термин *barroco* как исторический период, в котором главенствовал стиль барокко. В то же время, согласно указанному словарю, прилагательное *barroco* характеризует архитектурный, музыкальный, литературный стиль, который отличается обилием деталей, элементов, композиционных форм [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]. О влиянии и значимости этого направления в разных сферах жизни испанского общества свидетельствует обилие производных слов, относящихся в той или иной степени к данному понятию [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>; Moliner, 2013]:

- *barroquismo* – tendencia a lo barroco, cualidad de barroco;
- *barroquización* – acción y efecto de barroquizar o barroquizarse;
- *barroquizar* – hacer barroco o dar carácter barroco;
- *barroquizante* – que tiene tendencia a lo barroco.

В работах испанских ученых встречаются и такие производные от слова *barroco*, как *neo-barroco*, *neo-barroquismo* [Alvarez Turienzo, 1985, p. 239].

О.В. Федосова среди важнейших сфер объективации барочности, в которой проявляется испанское национальное сознание, выделяет сферу высокого искусства, к которой относит и архитектуру [Федосова, 2012, с. 19].

Прежде всего в данном контексте выделяется культовая архитектура Испании, в которой барочность нашла свое воплощение. Архитектурное направление барокко характеризуется причудливым декором. Фасады зданий обильно украшены скульптурными композициями и барельефами. Стоит отметить, что некоторые исследователи подчеркивают явное отличие испанского барокко от европейского и называют его *чурригереско* (*el churrigueresco*) в честь династии кастильских мастеров Чурригеров, разработавших данный стиль.

В архитектурных текстах, посвященных описанию культовых зданий и сооружений в стиле чурригереско нередко используются слова, связанные с описанием декоративной стороны архитектуры, особенно со скульптурным сегментом и орнаментом: *abigarrada ornamentación, decoración ornamentada, decoración recargada, elementos extravagantes, doradas columnas salomónicas, elementos / formas curvados/-as, imiteciones doradas, tapices ornados con borlas, balaustrada adornada con pilastras, detalles decorativos expresivos y floridos* и др., а также с обильным, граничащим с излишеством декором: *exceso de adornos y por los dorados, detalles decorativos extremos, pilastras comunes muy ornamentadas, nivel visual irritable, decoración muy difundido, intensa y vital decoración, abigarrada ornamentación, excesiva ornamentación, excesivo decorativismo, ornamentación mucho más recargada, gigantescas columnas salomónicas, ornamentación profusa, superlativo* и др. Чрезмерная насыщенность декоративными элементами проявляется и в глагольных формах: «1. Las iglesias... **se llenan** de retablos, la acción se estimula por el movimiento; 2. ...la fachada **estaba llena** de... peñascos, lagartos y otros reptiles y sabandijas» [Sáseta Velázquez, 2010]. К более детальному рассмотрению терминологии, используемой при описании культовых зданий в стиле чурригереско, мы обратимся в п. 2.5 настоящей работы.

Отдельные черты испанского национального характера находят отражение в архитектурной терминосистеме испанского языка, так как «язык выступает как орган коллективного мышления, коллективной рефлексии» [Кузнецова, 2011, с. 104]. В естественном языке архитектуры при образовании архитектурных однокомпонентных и многокомпонентных терминов активно используется

метафора, что связано с карнавальным осмыслением мира. А в языке построенных объектов и при описании культовых зданий находит свое отражение барочное мировидение испанцев. Оба типа архитектурного языка, будучи знаковыми системами, содержат информацию о ментальности народа, накопленную в течение многих эпох.

Лингвокультурологический подход к исследованию архитектурных терминов испанского языка способствует не только выявлению национально-культурной специфики испанского народа, но и определению особенностей развития Испании в конкретный период ее истории. Для достижения целей настоящего исследования представляется целесообразным рассмотреть формальный аппарат испанского ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в контексте отдельных исторических эпох. И начать следует с периода Средневековья, так как, по мнению М.М. Бахтина, рассматривающего понятие карнавализации, именно в этот период важная роль отводилась обрядово-зрелищным формам [Бахтин, 1990, с. 11]. А согласно позиции испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, в эпоху Средневековья «Испания сложилась как государство и нация» [Ортега-и-Гассет, 1994, с. 90].

2.3. Специфика терминов по архитектуре Средневековья

Эпоху Средневековья принято разделять на три периода. Применительно к архитектуре Испании их можно обозначить следующим образом:

- раннее Средневековье (Temprana Edad Media), к которому относится архитектура вестготов (arquitectura visigoda o visigótica), астурийская архитектура (arquitectura asturiana), арабская архитектура (arquitectura árabe o islámica) и мосарабская архитектура (arquitectura mozárabe);

- Высокое Средневековье (Alta Edad Media), которому соответствует романская архитектура (arquitectura románica);

– позднее Средневековье (Baja Edad Media), представленное готической архитектурой (arquitectura gótica) и архитектурой стиля мудехар (arquitectura mudéjar).

Результаты анализа фактологического материала позволяют сделать вывод об основных лексических единицах, используемых в сфере профессиональной коммуникации по отношению к культовым сооружениям каждого архитектурного стиля Средневековья (вестготского, астурийского, арабского, мосарабского, романского, готического, мудехар). При этом лексика, относящаяся к тому или иному периоду, отличается определенным своеобразием. Так, при описании функционального назначения зданий, принадлежащих к разным стилям, в фокусе внимания исследователей оказываются различные характеристики тех или иных архитектурных памятников. Если при описании построек вестготского и романского периодов с высокой частотностью используются лексические единицы, отражающие их укрепительную функцию, то в текстах о культовых сооружениях арабов, мосарабов и мудехаров на первый план выходит религиозный компонент, что обуславливает специфику используемой архитектурной лексики. Что касается лексических единиц, функционирующих в текстах при описании готической архитектуры, то наряду с религиозным аспектом они передают информацию об изменениях в социальной жизни испанского общества.

2.3.1. Фортификационный компонент при описании сооружений вестготского и романского периодов

В период раннего Средневековья архитектура вестготского королевства во многом опиралась на римскую, хотя имела при этом раннехристианские и византийские черты [Всеобщая история архитектуры, 1966, т. 4, с. 66]. Согласно анализу фактологического материала можно сказать, что отличительной чертой вестготских строений была укладка кирпичей без дополнительного смазочного материала, что в строительной испанской терминологии называется *a hueso*.

При описании культовых зданий и сооружений вестготской архитектуры с высокой частотностью реализуются следующие архитектурные однокомпонентные и многокомпонентные термины: *anchura de los muros* (ширина стен), *bóveda de medio cañón* (полуцилиндрический свод), *dobles dovelas* (двойной вуссуар), *camarilla* (бойница), *baptisterio* (баптистерий, крестильня), *capilla* (часовня, церковная капелла), *ermita* (часовня, скит), *iglesia* (церковь), *templo* (храм), *arco de herradura* (подковообразная арка), *sillería* (тесовая кладка), *ladrillo* (кирпич), *planta basilical* (базиликанский тип планировки), *planta de cruz griega* (планировка в виде греческого креста), *ápside rectangular* (прямоугольная апсида), *capitel corintio* (коринфская капитель) и др.

Указанные слова встречаются в текстах культурологической и туристической направленности:

*Los edificios se consrtuyen mediante perfecta **sillería**, con **aparejo de sogas y tizón**. Los **sillares** son grandes **bloques** perfectamente cortados y escuadrados y colocados **sin unión por argamasa (a hueso)**. Las **hiladas** son irregulares. En ocasiones se usa el **ladrillo** [URL: <https://www.arteguias.com/arquitectura/visigods.htm>].*

Применение особых материалов и видов строительных работ, характерных для вестготской архитектуры, находит отражение в приведенном выше отрывке.

Для перевода архитектурных терминов этого фрагмента предлагаются их соответствия: *sillería* – тесовая кладка; *aparejo* – кирпичная кладка; *sillares* – тесаные камни; *bloques* – плита, блок; *sin unión por argamasa (a hueso)* – без использования строительного раствора; *hilada* – кирпичный ряд; *ladrillo* – кирпич.

Отдельно следует сказать о словосочетании *soga y tizón*, которое обозначает тычковый ряд кладки и представляет трудности в процессе перевода. Согласно словарю М. Молинер это техника укладки узкой части кирпичей или камней перпендикулярно облицовке («*aplicado a la manera de colocar los *ladrillos o *piedras en un muro, de modo que la dimensión más larga es perpendicular al paramento*» [Moliner, 2013]).

Лексика, используемая для описания зданий и сооружений культовой архитектуры вестготского периода, характеризуется лингвокультурной спецификой и отражает процессы, происходившие в строительстве того периода. Несмотря на то, что здания для религиозных обрядов не являлись в полном смысле укрепительными сооружениями, как в более поздний романский период, лексический материал позволяет сделать вывод о том, что культовые здания выполняли и защитную функцию (*anchura de los muros, camarilla, sillería, bloques* и др.).

Представляется необходимым упомянуть о том, что некоторые исследователи выделяют *астурийскую архитектуру*, которая имеет сходство с вестготской архитектурой, что проявляется в объемно-планировочных решениях и в декоре [Каптиков, 2014], а также характеризуется вертикальной планировкой [Domínguez Ramos, 2003, p. 29]. Данное архитектурное направление существовало в королевстве Астурия в VIII–XI вв.

При описании астурийской архитектуры характерно использование таких терминов, как *muro de sillería / sillarejo* (стена из тесаного камня), *bóveda de cañón* (цилиндрический свод), *arco de medio punto / arco semicircular* (полукруглая арка), *arco de herradura* (подковообразная арка), *columnas sogueadas* (витые колонны), *fuste sogueado* (витой ствол колонны), *celosía* (решетка), *planta basilical* (базиликанский тип храма), *alfiz* (альфиз), *planta rectangular* (прямоугольная планировка), *cabecera tripartida* (трехчастное деление алтарной части церкви), *pintura mural* (настенная живопись), *triforio* (трифорий), *mampostería* (кирпичная кладка), *muro* (стена), *arquerías ciegas* (слепые аркады) и др. Среди декоративных деталей астурийской архитектуры можно выделить *clípeo*, представляющий собой круглый диск, использующийся как декоративный элемент в астурийской архитектуре [ibid., p. 55].

Durante los siglos IX y X se van a erigir una serie de templos cuyas características más importantes van a ser la planta basilical con cabeceras de testero plano, cubiertas, en ocasiones, abovedadas, arcos de medio punto

peraltados, columnas sogueadas y pilares, decoración con celosías
[<https://www.arteguias.com/arquitecturaprerrromanica.htm>]

Архитектурная лексика, встречающаяся в данном фрагменте, подчеркивает, с одной стороны, связь между вестготской и астурийской архитектурой, а с другой – особую декоративность последней. В качестве характерных черт астурийской архитектуры IX и X вв. здесь выделяются планы базиликанского типа с крытой (иногда сводчатой) алтарной частью, полукруглые арки, витые колонны и опоры, решетчатый декор.

Для передачи на русский язык специфики астурийских храмов можно использовать следующие соответствия: *abovedado* – сводчатый; *arco de medio punto* – полукруглая арка; *cabeceras de testero plano, cubiertas* – алтарная часть на переднем плане, под кровлей; *columnas sogueadas* – витые колонны; *decoración con celosías* – решетчатый декор; *erigir* – воздвигать, сооружать; *peraltado* – возвышенный; *pilar* – опора, колонна; *planta basilical* – базиликанский тип храма; *templos* – храмы.

Как было отмечено выше, астурийская архитектура является наследницей вестготской архитектурной традиции, что подтверждается использованием при строительстве храмов похожих конструктивных элементов и отражается в реализации соответствующей лексики при их описании. Кроме того, следует отметить увеличение доли слов, характеризующих декоративную составляющую зданий, что проявляется в следующих прилагательных и существительных с предлогом *de*: *visigodo, hispanovisigodo, de caracter religioso, de tronco de pirámide invertido, abovedamientos de medio cañón, arista o cúpulas en los cruceros, abovedado, elementos geometricos, florales, estrellas, figuras de animales, artesonados de madera dorados, materiales de mármol* и др. Использование существительных с предлогом *de* объясняется тем, что «система относительных прилагательных в испанском языке не столь развита, как в русском» [Виноградов, 2000, с. 34]. Однако в лексике, используемой для описания астурийской архитектуры, находит отражение и фортификационный компонент сооружений: *muro de sillería, sillarejo, celosía* и др.

Романский период (эпоха Высокого Средневековья) продолжался в Испании с XI по XIII в. Реконкиста – борьба испанского народа за освобождение

захваченных арабами земель – длилась вплоть до конца XV в., что нашло отражение в военной ориентации зданий. События этого периода сопровождались глубокими переменами как в жизни общества, в котором значительно возросла роль церкви, так и в характере архитектуры, прежде всего культовой, что выражалось в обращении к типам и формам романской архитектуры Франции [Всеобщая история архитектуры, 1966, т. 4, с. 245, 248]. В то же время важное значение имели и элементы мусульманской архитектуры. В культовой архитектуре, наряду со строительством храмов по французским образцам, отмечается влияние арабских и вестготских традиций [Карповская, 2021, с. 31].

В текстах, посвященных архитектуре Высокого Средневековья, часто функционируют следующие лексические единицы: *fortaleza* (крепость), *aedícula o edículo* (эдикула), *capilla apsidial* (апсидиальная часовня), *seo o seu* (сео, монастырь), *monasterio* (монастырь), *monasterio benedicto* (монастырь бенедиктинского ордена), *colegiata* (соборная церковь), *columnata perimetral* (периметральная колоннада), *muro* (внешняя каменная стена), *pórtico de acceso* (портал), *clausrto* (клуатр, крытая галерея), *arcada* (аркада), *arcada ciega / falsa* (слепая аркада), *artesonado* (кессонный) и др. Особый интерес вызывают архитектурные термины, обозначающие элементы, не характерные для русской архитектуры: *ándito* (галерея вокруг здания, расположенная рядом с трифорием, скрытое место для пилигримов, которые просили покаяния) [Domínguez Ramos, 2003, p. 20]) и *claristorio* (клеристорий – часть внешней стены главного нефа с окнами, расположенная над кровлей остальных частей здания, часто встречается в готической и романской архитектуре) [ibid., p. 55]).

Приведенная выше лексика используется при описании культовых зданий романского периода:

La Seo de Zaragoza es un templo de ladrillo y piedra, con planta de salón de cinco naves y cabecera precedida por crucero, rematada por un ábside semicircular. Sus muros se abren por diecisiete capillas y las naves se separan mediante pilares fasciculados que sustentan arcos apuntados formeros [URL:

<http://www.patrimonioculturaldearagon.com/patr/bien/seo-de-san-salvador-zaragoza>].

В данном случае подчеркивается план построения храма, включающий в себя пятинефную структуру и алтарную часть. Отмечается наличие капелл, полуколонн и стрельчатых арок.

В качестве переводческих соответствий следует использовать: *seo* – собор; *templo* – храм; *ladrillo* – кирпич; *piedra* – камень; *planta de salón* – планировка основного зала; *crucero* – следокрестие; *nave* – неф; *cabecera* – алтарная часть церкви; *ábside semicircular* – полукруглая апсида; *muro* – стена; *capilla* – часовня; *pilares fasciculados* (или *pilar compuesto*) – полуколонна.

Отдельное внимание привлекают лексемы *seo/seu* (seo), являющиеся заимствованиями из каталанского языка и обозначающие кафедральный собор (*iglesia catedral*) [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]. Одними из самых известных зданий этого типа являются собор Ла Сео в Сарагосе (La Seo del Salvador de Zaragoza), собор в Барбастро (La Seo de Barbastro), Пальмский собор (La Seu de Palma), собор Сеу Веллья (La Seu Vella de Lérida). Интересно также терминологическое словосочетание *arco apuntado formero*, обозначающее стрельчатую арку, которая образует пролеты свода и отделяет центральные нефы от боковых; арка расположена параллельно продольной оси нефов церкви, ср.: «Arco que conforma los tramos de una bóveda, separando la nave central de las laterales. Discurre paralelo al eje longitudinal de las naves de una iglesia» [Historia del arte temas..., URL: <https://temasycomentariosartepaeg.blogspot.com>]. Указанное словосочетание может представлять трудность в процессе перевода.

Сложное время вестготского и романского периодов, с одной стороны, ставило перед архитекторами трудные задачи, связанные с возведением зданий для защиты своей территории, а с другой – способствовало новым открытиям и возможностям. Суровый облик испанских крепостей романского периода отражается в прилагательных, используемых при их описании: *edificios religiosos y monumentales, paredes gruesas y pequeñas aberturas, forma constructiva y estética*,

gran catedral, estilo de líneas y volúmenes armónicos, fundamental, concepto estético y simbólico, estética sobria y basada en la línea, edificios monásticos и др.

Значительное количество лексических средств, используемых для описания культовых зданий и сооружений романского периода, найдет свою реализацию и при описании готической архитектуры, так как именно в романский период начали появляться новые конструктивные решения, которые достигнут своего расцвета в период готики.

2.3.2. Лингвокультурные особенности терминов арабской архитектуры

Арабское завоевание, начавшееся в 711 г., «повлекло за собой “арабизацию” всей материальной и духовной культуры страны» [Всеобщая история архитектуры, 1966, т. 4, с. 66]. Арабская архитектура широко распространялась на юге Пиренейского полуострова и благодаря беженцам-христианам (мосарабам) продвигалась на север.

В процессе обращения к арабской архитектуре Испании, как правило, используются такие языковые единицы, как *mezquita* (мечеть), *sillería* (тесовая кладка), *nave* (неф), *muralla* (крепостная стена), *aljama* (альхама – мечеть, где верующие собирались для пятничной молитвы [Domínguez Ramos, 2003, p. 18]), *minarete/alminar* (минарет), *madrassa o madrasa* (мадраса или медресе – образовательное учреждение, где обучали Корану, обычно при мечети) и др.

В то же время начинают функционировать: *ajarafe* (терраса, смотровая площадка), *ajimez* (бифорий – окно в виде двух арок, разделенных колонной), *albacara* (выступающая башенка в древних крепостях [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]), *algofra* (небольшое помещение, соединяющее фасады двух зданий и расположенное поперек улицы, в виде арки [Domínguez Ramos, 2003, p. 18]), *azulejo* (изразец), *alicatado* (панель из изразцов с арабесками), *alizar* (изразцовый фриз), *almimbar* (минбар – кафедра в мечети, обычно, из дерева [ibid.]), *almohade* (декоративное искусство альмохадов (западноафриканские племена, завоевавшие мусульманскую Испанию в XII в.)

[ibid.], *angrelado* (украшение на полукруглой арке в виде небольших выступающих лепестков, характерный элемент мусульманской архитектуры [ibid., p. 20]), *azotea* (кровля, терраса, плоская крыша) и др. Примечательно, что традиционный элемент арабской архитектуры *arco de herradura* (подковообразная арка) применялся еще в вестгостской архитектуре, однако со временем «приобрел восточный колорит» [Всеобщая история архитектуры, 1966, т. 4, с. 67] и впоследствии стал одним из символов мусульманского архитектурного наследия.

Виды арабского орнамента представлены следующими единицами: *arabesco* (арабеско – арабский декоративный орнамент), *ajaraca* (арабский орнамент в форме петель или петлевидных линий), *alafia* (арабский узор, основанный на арабских буквах), *alfiz* (орнамент в виде дуги из прямоугольных элементов (брусков), расположенный над аркой или дверью), *arrabá* (арабский геометрический орнамент, расположенный над дверью или окнами, близко к понятию *alfiz*), *ataurique* (гипсовый орнамент в виде листьев и цветов), *cenefa* (кайма, орнамент, который, как правило, состоит из повторяющихся элементов) [Domínguez Ramos, 2003, p. 16, 18, 26, 29] и др. Рассмотрим фрагмент, описывающий арабские военные поселения, на территории которых находились и культовые сооружения:

*Como **fortaleza**, la **alcazaba** era un **recinto amurallado** de gran extensión, defendido por **torres cilíndricas o cuadradas**, **puertas de codo**, **torres albarranas** y **barbacanas*** [URL: <https://m.arteguias.com/castillasmusulmanes.htm>].

В данном случае дается описание специфичного для испанской архитектуры комплекса сооружений, называемого алькасабой. Этот архитектурный комплекс выполняет защитную функцию, о чем говорят следующие термины и терминологические сочетания: *fortaleza* – крепость; *alcazaba* – алькасаба; *recinto amurallado* – обнесенная стеной территория; *torres cilíndricas o cuadradas* – башни цилиндрической или квадратной формы. Для понимания некоторых слов и словосочетаний нужно обладать определенными фоновыми знаниями: *puertas de codo* (часто встречается *puerta **en codo***) – система оборонительного назначения, затрудняющая проникновение в арабскую крепость через главный вход, используемая при штурме врага; представляет собой входную группу из двух

дверей, расположенных на передней и боковой стене, что предотвращает быстрое проникновение внутрь крепости; в случае нападения после разрушения первой двери атакующие попадали внутрь и оказывались перед второй дверью пойманными в ловушку в узком помещении под обстрелом защитников с верхних площадок [Glosario arquitectónico, URL: <https://www.glosarioarquitectonico.com>]; *torres albarranas* – башни Альбаранас – башни, находящиеся за пределами крепостных стен военного поселения [Crónica arqueológica de la España musulmana, 1943]; *barbacana* – барбакан – фортификационное сооружение, предназначенное для дополнительной защиты входа в крепость [Domínguez Ramos, 2003, p. 32]

Следует отметить, что арабизация полуострова оказала большое влияние на его архитектуру, на типы зданий и сооружений, что нашло свое отражение в лексике испанского языка. На русский язык большинство таких лексических единиц, ввиду отсутствия эквивалента, передается при помощи транскрипции или транслитерации [Карповская, 2021, с. 30].

В архитектурной лексике, связанной с арабским периодом, можно выделить как слова, относящиеся к культурно-языковым универсалиям (*basílica, baptisterio, iglesia, templo, catedral, monasterio, mezquita* и др.), так и термины, отражающие культурно-языковую специфику испанского языка (*alcazaba, aljama, casba o kasbah o qasba, alcázar, barbacana, rábita, aljafería* и др.). Исследуемый языковой материал указывает на гетерогенный характер взаимодействия универсального и специфического.

Рассмотрим ряд архитектурных терминов, характеризующихся культурно-языковой спецификой.

Термин ***alcazaba*** (алькасаба) обозначает сооружение или крепостное укрепление городского типа, на территории которого находился специальный гарнизон, который обычно образовывал небольшой военный квартал с жилыми постройками и коммуникациями [Domínguez Ramos, 2003, p. 17]. В письменных документах данный термин впервые упоминается в 1490 г. и возводится к арабскому слову *qasaba* [Corominas, 1987, p. 38]. Близкими по значению являются

понятия *casba o kasbah o qasba* (касба ‘укрепленная крепость или дворец’) [Domínguez Ramos, 2003, p. 50, 109, 149].

В испанском языке имеется довольно много слов архитектурной тематики, начинающихся, как и *alcazaba*, с *al-* и *a-*: *alcázar*, *aljafería*, *almena*, *alminar*, *alfiz*, *albañil*, *alcoba*, *atalaya*, *azotea* и др. Нередко они связаны именно с укрепительными сооружениями или элементами подобных сооружений. На современном этапе термин *alcazaba* полностью ассимилировался (фонетически, графически и грамматически) в испанском языке.

Указанная лексическая единица относится к арабизмам, под которыми нами, вслед за В.С. Виноградовым, понимаются слова, заимствованные из арабского языка в испанский [Виноградов, 2003, с. 117]. Как правило, арабизмы входили в испанский язык в период арабского владычества 711–1492 гг. и обозначали понятия, которые в то время отсутствовали в лексической системе испанского языка. Влияние арабского языка доминировало тогда не только в архитектуре, но и в других профессиональных областях: военном искусстве, сельском хозяйстве, кулинарии, ремеслах и др.

Для *алькасабы* как военного объекта характерны узкие окна-бойницы, башни, ров, укрепленные крепостные стены вокруг территории, венчающиеся зубцами. На то, что этот тип крепости строился мусульманами, указывают такие элементы, как подковообразные арки, являвшиеся традиционным символом мусульманской архитектуры. Известны случаи, когда на территории *алькасабы* находилась мечеть (например, *алькасаба* в Мериде) и минарет.

Основное отличие термина *alcazaba* от сходных по значению лексем *castillo* или *fortaleza* в том, что это слово обозначало не просто здание, а укрепленный квартал с коммуникациями, дающий возможность жителям прилегающей территории укрыться в нем во время военных действий.

В свою очередь термин *alcázar* (*алькасар*) обозначает дворец или укрепленную крепость в арабском стиле. Кроме того, так называли дворцы, построенные в мавританском стиле, в том числе и после изгнания арабов. Такие

строения имели стратегическое значение и отличались высокой степенью защищенности.

В испанском языке выделяется еще один термин арабского происхождения, обозначающий место, где проживал правитель, – *aljafaría* (альхаферия) – укрепленный дом или дворец эмира. Как и в случае с предыдущими терминологическими единицами, отмечается его фортификационная составляющая, что говорит о важности военной компоненты для архитектуры того периода. В то же время слово *palacio* (дворец, королевская резиденция) говорит о наличии и правительственных зданий, в которых доминировали светскость, декор, красота.

Культурно-ценностная информация, заложенная в лексике, свидетельствует о том, что в период завоевания Испании арабами в испанский язык проникло большое число слов, относящихся к архитектурной сфере. Так как термины, появившиеся в обиходе испанцев в тот период, так или иначе связаны с укреплением и обороной, можно сделать вывод о военном жизненном укладе населения того времени. Религия арабских завоевателей также внесла свои изменения в архитектуру сооружений, о чем свидетельствует лексика современного испанского языка.

После изгнания арабов испанцы не раз предпринимали попытки искоренить в своем родном языке арабские слова и вернуть ему первоначальное состояние, однако в испанском языке до сих пор существует свыше 4000 слов арабского происхождения [Lapesa, 1981, p. 133]. Среди многих языков, распространенных на немусульманских территориях, испанский язык характеризуется наибольшим количеством арабских заимствований [Мартыненко, 2018, с. 105].

2.3.3. Термины архитектуры мосарабов и мудехаров как результат синтеза мусульманской и христианской религий

Христиан, которые жили на завоеванных мусульманами территориях в период с 711 по 1492 г., в испанской культуре называют мосарабами [Domínguez

Ramos, 2003, p. 125]. Мосарабская архитектура совмещает в себе элементы местных традиций и мавританской архитектуры. Основанные на простом плане церкви украшают аркады, апсиды с подковообразными арками и центральный купол [Ромаское искусство..., 2001, с. 179–181].

Особенности мосарабской архитектуры находят отражение в следующей архитектурной лексике: *alfiz* (альфиз), *arco gemelo* (двойная арка), *imitación musulmana* (имитация в мусульманском стиле), *bóvedas de cañón* (цилиндрический свод), *cúpula de cascos* (шлемообразный купол), *cúpula de gallones* (граненый купол, купол-зонтик), *modelo visigótico o musulmán* (вестготская или мусульманская модель), *talla bizantinizante* (византийская резьба), *sillar* (тесаный камень), *arco de herradura* (подковообразная арка), *arcada* (аркада), *cúpula* (купол), *cúpula de baída* (парусный свод), *cúpulas de nervios capialzadas* (нервюрный свод), *modillón de rollo* (модильон/модульон (вид консоли)), *merlón* (зубец), *almenas escalonados* (ступенчатые зубцы) и др. Традиционный для мосарабской архитектуры тип орнамента называется *almocáraba/mocárabe* (декоративный орнамент сводов, карнизов и т.д. [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]).

Данные термины активно функционируют в текстах культурологической и туристической направленности при описании культовой мосарабской архитектуры:

*Si tuviéramos que tomar los tres elementos más característicos de la **Mezquita** de Córdoba posiblemente elegiríamos el **arco de herradura**, el **modillón de rollo** y los **merlones** o **almenas escalonados** [URL: https://cvc.cervantes.es/actcult/mezquita_cordoba/fichas/mezquita_a/elementos.htm].*

В приведенном отрывке речь идет о мечети в Кордове, наиболее характерными элементами которой являются подковообразные арки, круглые модильоны и ступенчатые зубцы. Особыми маркерами мосарабской архитектуры являются следующие элементы: *merlones* – зубцы (кусочки парапета на крепостной стене [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]), *almenas escalonados* – ступенчатые зубцы, *modillón de*

rollo – круглый модильон или модульон, представляющий собой «кронштейн в форме завитка с акантовым листом, поддерживающий карнизную плиту» [Плужников, 2011, с. 233]. Стоит отметить, что в испанской архитектуре модильоны не всегда были украшены акантовым листом. Испанский исследователь Л. Торрес Бальбас в своем эссе, посвященном различным типам модильонов в испанской архитектуре, большое внимание уделил мосарабским модильонам, отметив, что они представляют собой цилиндрический или круглый кронштейн, который может быть выполнен из белого мрамора, украшенного растительным орнаментом по бокам или куфической надписью (старейший вид арабского письма). Существуют также модильоны с двумя лепестками (*lóbulos*), гладкие по бокам, и лентой (*faja*) в центре [Torres Balbás, 1936, p. 213].

В то же время в XIII–XV вв. в Испании распространяется архитектурный стиль мудехар, представленный в основном на южных территориях Испании. Архитектура стиля мудехар – арабская по конструкциям и формам, но не чуждавшаяся форм европейского зодчества [Всеобщая история архитектуры, 1966, т. 4, с. 470]. В испанской культуре мудехарами называли представителей мусульманского сообщества, которые жили на христианской территории [Domínguez Ramos, 2003, p. 125].

Термины, обозначающие культовые здания в данном стиле, следует отнести к культурно-языковым универсалиям: *monasterio* (монастырь), *iglesia* (церковь), *catedral* (собор), *templo* (храм). При этом необходимо отметить отсутствие разнообразия в типах зданий, но определенную специфику и самобытность в декоративном убранстве: *cerámica vidrillada* (глазурованная керамика), *decoración mural* (настенный декор), *arquiería ciega* (слепая аркада), *arco túmido* (выгнутая, куполообразная арка), *arco de herradura* (подковообразная арка), *sillería* (тесаная кладка) и др. К культурно-маркированным терминам можно отнести *alfarje* – наборной потолок, деревянная узорчатая крыша, характерный элемент стиля мудехар [ibid., p. 17].

Для текстов, описывающих культовые здания в стиле мудехар, характерны следующие терминологические единицы:

*Un excelente ejemplo es la **iglesia** de San Juan de Alba de Tormes donde uno de los **ábsides** de la **cabecera mudéjar** se adorna con **ventanales románicos** a base de **columnas** hechas con **ladrillo cortados con sección circular** y **capiteles de piedra** completamente **románicos** [URL: <https://arteguias.com/mudejar.htm>].*

В данном фрагменте дается информация о церкви Сан Хуан де Альба де Тормес. Одна из апсид алтарной части церкви в стиле мудехар украшена большими окнами и капителями в романском стиле, колоннами из тесаного кирпича круглого сечения. Термины, используемые в представленном тексте, иллюстрируют влияние романской архитектуры на стиль мудехар.

В качестве словарных соответствий испанским терминам можно предложить следующие: *ábsides* – апсида; *cabecera mudéjar* – алтарная часть церкви в стиле мудехар; *ventanal románico* – большое окно в романском стиле; *ladrillo cortados con sección circular* – тесаные кирпичи круглого сечения; *capiteles de piedra románicos* – каменные капители в романском стиле.

*Los **alarifes** siguen las **tipologías cristianas** tanto en **planta** como en **alzado** utilizando **pilares**, **arcos de medio punto**, **arcos ciegos exteriores** y **portadas con arquivoltas**, con una progresión a la que se le llama **abocinamiento** [URL: <https://www.urbipedia.org/hoja/Arquitectura-mudéjar>].*

В тексте приведено описание сооружений в стиле мудехар. Отмечается, что при строительстве храмов архитекторы следовали христианским традициям, проявляющимся в горизонтальном и вертикальном планах сооружения через использование колонн, полукруглых и слепых арок, порталов с архивольтами.

В качестве словарных соответствий предлагаются: *tipologías cristianas* – христианские типологии; *planta* – планировка; *alzado* – вертикальный разрез; *pilar* – столб, колонна; *arco de medio punto* – полукруглая арка; *arco ciego exterior* – внешняя слепая арка; *portada con arquivoltas* – портал с архивольтами; *abocinamiento* – расширение (например, раструбом). Большинство названий архитектурных элементов относится к христианской архитектуре, однако термин *alarife* (архитектор, зодчий) имеет арабское происхождение [Diccionario de la lengua

española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>], что подчеркивает присутствие двух культур на одной территории.

Анализ архитектурных текстов, содержащих информацию о культовой архитектуре мосарабов и мудехаров, позволил выявить лексику, относящуюся и к мусульманской (*mezquita, arco de herradura, alfiz* и др.), и к христианской архитектуре (*iglesia, ábside/ábsida* и др.), что дает возможность говорить о сосуществовании двух направлений и подтверждает информацию о том, что между христианским королевством и халифатом в перерывах между очередными вспышками войны были «довольно тесные экономические связи и культурное общение» [Всеобщая история архитектуры, 1966, т. 4, с. 70].

2.3.4. Влияние религиозных и социальных факторов на терминологию готической архитектуры

Готический архитектурный стиль появился на Пиренейском полуострове лишь во втором десятилетии XII в., но утвердился «сразу и повсеместно» [Романское искусство..., 2001, с. 215].

На культовую архитектуру Испании большое влияние оказывала французская готика, что обусловлено географическими и политическими факторами. В этот период из французского языка были заимствованы такие термины, как *flecha* (фр. *flèche*, 1397), *chapitel* (фр. *chapitel, chapiteau*, XV в.), *garita* (фр. *garite*, 1397), *claraboya* (фр. *claire-voie*, 1495) [Corominas, 1987]. В период готики были созданы сооружения, имеющие черты и восточной, и европейской архитектуры, а также характеризующиеся определенной самобытностью объемно-пространственной композиции, определяющие своеобразие не только облика, но и образного строя готики [Всеобщая история архитектуры, 1966, т. 4, с. 483].

К наиболее распространенным терминам при описании культовых зданий и сооружений готического периода относятся: *bóveda de crucería/bóveda ojival* (крестовый свод), *bóveda estrellada* (звездчатый свод), *contrafuerte* (контрфорс), *botarel* (контрфорс, конструктивная деталь для распределения нагрузки), *acro*

apuntado (стрельчатая арка), *arco arbotante* (акрбутан), *gárgola* (горгулья), *vidrieras* (витражи), *aguja* (шпиль), *pináculo* (пинакль), *arbotante* (аркбутан, подпорная арка, арочный контрфорс), *claristorio* (клеристорий), *claustro* (крытая галерея), *gablete* (стрельчатый фронтон) и др.

Особенности готической архитектуры проявляются в элементах и их названиях, нередко связанных с декоративной составляющей: *alféizar* (более широкий оконный проем в готическом стиле, богато декорированный скульптурой, расположенный по обе стороны от порталов), *archivolta/arquivolta* (архивольт – обрамление арочного проема в виде выступающей плоскости, украшенное скульптурным декором), *caveto* (выкружка – лепное украшение на крестовом своде, с высокой частотностью применялась в готическом стиле), *combado* (дугообразное ребро на звездчатом своде) [Domínguez Ramos, 2003, p. 17, 51, 58] и др.

Многообразны орнаменты готического стиля: *tracería* (массверк – ажурный переплет готического окна (обычно над входом в католический храм), построенный по принципу зетовой (поворотной) симметрии [Плужников, 2011, с. 216]), *crestería* (серия ажурных орнаментов с растительными и геометрическими мотивами, часто встречаются в готической архитектуре [Domínguez Ramos, 2003, p. 62]), *bocel* (декоративный багет цилиндрической формы [Moliner, 2013]), *crochet* (растительный орнамент, которым обычно декорируют некоторые архитектурные готические элементы, такие как стрельчатый фронтон, шпиль, фронтиспис [Domínguez Ramos, 2003, p. 63]) и др.

Данные слова активно реализуются в текстах культурологической и туристической направленности при описании культовой готической архитектуры:

A medida que avanzaba la era gótica, las bóvedas se volvieron cada vez más complejas y se desarrollaron más variadas como la bóveda cuatrimpartida y la bóveda sexpartida. Las esbeltas columnas y los vitrales también dieron a la iglesia un efecto más espacioso y elevado [URL: <https://www.arquitecturapura.com/arquitectura/gotica-4735/>].

По мере развития готики своды становились все более сложными и разнообразными, появлялись четырехчастные и шестичастные нервюрные своды.

Колонны и витражи придавали церкви более просторный и возвышенный вид. Лексика, используемая во фрагменте, подчеркивает характерную для культовых готических зданий вертикальную композицию: *esbelta columna* – высокая колонна; *efecto más espacioso y elevado* – более просторный и возвышенный вид.

В качестве словарных соответствий можно предложить: *era gótica* – готическая эра; *bóvedas* – своды; *bóveda cuatrimpartida* – четырехчастный нервюрный свод; *bóveda sexpartida* – шестичастный нервюрный свод; *vitral* – витраж; *iglesia* – церковь.

Начиная с готического периода в культовых зданиях нивелируется функция защиты от врагов, доминирующей становится религиозная функция, стремление к Богу, что подчеркивается вертикальной композицией здания, а также его элементами (стрельчатыми арками, пинаклями, шпилями и т.д.). В готических культовых зданиях и сооружениях появились новые конструктивные и декоративные элементы, что нашло свое отражение в лексике. Обилие слов, имеющих религиозную коннотацию, связано с главенствовавшей в то время схоластической философией. Выдающийся историк и теоретик средневекового искусства Э. Панофский в своей работе «Готическая архитектура и схоластика» писал, что архитектор постоянно находился в тесном контакте не только со скульпторами, витражистами, резчиками по дереву, но и с советником-схоластом [Панофский, 2004, с. 233].

Общественная жизнь испанского народа также претерпевает изменения, появляется новый социальный класс – буржуазия, который имеет свои эстетические запросы [Sáseta Velázquez, 2010, p. 87]. С данным фактом связано обилие лексем, характеризующих декоративную сторону культовых сооружений эпохи Готики. В частности, при описании готических памятников архитектуры нередко используются такие словосочетания, как *gran altura*, *ser abovedada*, *iglesia majestuosa y de gran tamaño*, *estilo gótico más ligero y elevado*, *techos arqueados*, *paredes verticales*, *construcciones más ligeras y luminosas*, *espacios sagrados*, *diseño más sofisticado*, *delicadas características*, *estilo más puntiagudo y delgado* и др. Лексика, используемая для передачи специфики памятников готической

архитектуры, показывает, что происходит изменение дополнительной функции культовых зданий, которые из крепостей превращаются в сооружения дворцового типа с богатым и изысканным декором.

Опираясь на вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что архитектурные термины, входящие в ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке, называющие и описывающие культовые постройки различных периодов эпохи Средневековья, можно поделить на два типа. К первому типу следует отнести культурно-языковые универсалии, а ко второму – термины, имеющие отпечаток национальной специфики и передающие лингвокультурную информацию о социально-политической обстановке того или иного периода. При этом лексика, относящаяся к арабской и готической архитектуре, характеризуется наибольшей спецификой.

2.4. Лингвокультурное своеобразие терминов по архитектуре Возрождения

Изменение политико-экономического уклада жизни Испании в конце XV – начале XVI в., окончание Реконкисты, освоение территорий Нового Света способствовали изменению взглядов испанского населения на окружающий мир. В стране начинают зарождаться «гуманистические идеи, расшатывающие основы средневекового схоластического мировоззрения» [Всеобщая история архитектуры, 1967, т. 5, с. 397], что приводит к появлению нового архитектурного направления – стиля Возрождение (*el Renacimiento*).

Стиль Возрождения, имеющий в своей основе элементы классического академизма, под влиянием самобытных испанских архитектурных традиций трансформируется в собственно испанское архитектурное направление – стиль платереско (*el plateresco*). Кроме того, из направлений стиля Возрождения выделяется архитектурный стиль правивших в то время Католических Королей – Изабеллы I (*Isabel I de Castilla*) и Фердинанда II (*Fernando II de Aragón*) – исабелино (*el isabelino*). Завершает эпоху Возрождения стиль эрререско (*el herreresco*), названный так по фамилии Хуана де Эрреры (*Juan de Herrera*), архитектора одного

из главных сооружений того времени – Эскориала. Примечательно, что во время правления Католических Королей строительство укрепленных сооружений было запрещено, основное внимание было уделено возведению культовых сооружений, таких как кафедральный собор в Севилье, соборы в Асторге, Пласенции, Саламанке и др. [там же, с. 401–402].

Стоит также отметить, что переход к светским идеям произошел не сразу. На первом этапе соборы и храмы создаются с помощью привычных готических и мавританских форм и элементов декора. Постепенно под влиянием главенствовавших в то время в области искусства итальянских идей происходит внедрение ордерной системы в культовую архитектуру Испании. Для зданий этого периода характерна строгая симметрия и четкие геометрические линии.

Материалами для строительства в то время служили камень, гранит, различные сорта песчаника и известняка, мраморные породы различной градации по твердости и по цвету, кирпич. Так как Испания бедна лесом, древесина применялась очень экономично, обычно использовались конструкции, собранные в сетку из мелких кусков дерева, – *artesonado* [там же]. При этом следует отметить, что деревянная конструкция *artesonado* была изобретена еще в романский период [Domínguez Ramos, 2003, p. 27].

В связи с архитектурой Возрождения по частотности реализации следует выделить следующие термины: *órdenes clásicas* (классические ордены), *almohadilla* (боковая часть волюты ионического ордена [ibid., p. 18]), *columna* (колонна), *arco de medio punto* (полукруглая арка), *bóveda del túnel* (туннельный свод), *bóveda de cañón* (цилиндрический свод), *cúpula* (купол), *diseño geométrico* (геометрические украшения), *simetría* (симметрия), *formas rectangulares* (прямоугольные формы), *frontón* (фронтон), *artesonado* (кесонный), *atlante* (атлант), *toro* (декоративный багет цилиндрической формы [Moliner, 2013]), *belvedere* (бельведер), *escalinata* (большая парадная лестница) и др.

Как правило, в текстах используется следующая лексика:

En el siglo XVIII se recuperaron las antiguas formas romanas, como la columna y el arco de medio punto, la bóveda del túnel y la cúpula. Su elemento

básico de diseño era el orden de los componentes geométricos [URL: <https://www.fenarq.com/2019/05/arquitectura-del-renacimiento.html>].

В данном тексте содержится информация о возрождении древнеримских форм, таких как колонны, полукруглые арки, туннельный свод и купол. Важную роль играл порядок расположения геометрических компонентов в конструкции.

В качестве переводческих соответствий можно предложить: *formas romanas* – римские формы; *arco de medio punto* – полукруглая арка; *bóveda del túnel* – туннельный свод; *elemento básico* – базовый элемент; *orden* – порядок, орден; *componentes geométricos* – геометрические компоненты.

Стиль Возрождения отличался возвратом к римским архитектурным традициям, симметрии и геометрическим формам, что нашло отражение в терминологии, используемой при описании культовых сооружений этого периода.

2.4.1. Лексическая репрезентация королевской власти при описании культовых сооружений в стиле исабелино и эрререско

Архитектурный стиль исабелино, также называемый в некоторых источниках стилем Католических Королей (*estilo de Corona de Castilla* или *estilo de los Reyes Católicos* [Domínguez Ramos, 2003, p. 105–106]), основывается в большей степени на готическом наследии и характеризуется определенной самобытностью в том, что касается декоративных элементов, а также на заимствовании некоторых элементов из фламандской, исламской и собственно кастильской архитектурных традиций. Многие из зданий в этом стиле были построены по заказу Католических Королей.

Несмотря на то, что некоторые испанские исследователи указывают на дискуссионный вопрос причисления исабелино к готическому стилю или стилю Возрождения [Fernández López, URL: <http://www.hispanoteca.eu/Arte%20ES/42-El%20Renacimiento%20-%20Arquitectura.htm>], большинство ученых относит этот стиль к одному из этапов развития архитектурного стиля эпохи Возрождения, рассматривая его как предтечу стиля платереско.

При описании культовых сооружений, построенных в стиле исабелино, как правило, используются следующие термины: *patio* (внутренний дворик, патио), *arco triunfal* (триумфальная арка), *contrafuertes* (контрфорсы), *tímpano* (тимпан), *bóveda esrtellada* (звездчатый свод) и др. Значительное количество слов относится к сфере декора: *ornamentación* (орнамент), *simbología del poder* (символика власти), *blasón/heráldica* (геральдика), *portada* (портал), *elementos vegetales* (растительные элементы), *escudo de los Reyes Católicos* (герб Католических Королей), *figuras míticas* (мистические фигуры) и др. Некоторые термины требуют пояснения, как, например, *crestería* (крестерия) – непрерывная линия орнаментов, венчающих фасад, крышу, хоры или алтарь [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>].

Cartuja de Miraflores (Burgos)

En el conjunto destaca la iglesia, cuy portada occidental, en estilo gótico isabelino, está decorada con los escudos de sus fundadores. El templo es de una sola nave, capillas laterales y ábside poligonal. La nave está cubierta con bóveda esrtellada [URL: <http://www.hispanoteca.ey/Arte%20ES/42-El%20Renacimiento%20-%20Arquitectura.htm>].

В данном фрагменте представлено описание картезианского монастыря в Бургосе, западный фасад которого выполнен в стиле исабелино и украшен гербами его основателей. Храм имеет один неф, покрытый звездчатым сводом, боковые капеллы и многоугольную апсиду. В этом тексте интересно словосочетание *estilo gótico isabelino* – готический стиль исабелино. Такая формулировка подчеркивает тот факт, что вопрос выделения исабелино как самостоятельного архитектурного стиля окончательно не решен.

Испанским терминам предлагаются следующие словарные соответствия: *cartuja* – картезианский монастырь, картезианский монашеский орден; *conjunto* – ансамбль; *portada occidental* – западный фасад; *decorada* – украшенный; *escudo* – герб; *sola nave* – однефный; *capillas laterales* – боковая капелла, придел; *ábside poligonal* – многоугольная апсида; *bóveda esrtellada* – звездчатый свод.

Лексика, используемая при описании культовых сооружений в стиле исабелино, характеризуется определенным своеобразием в том, что касается декоративной сферы. Отличительной особенностью данного корпуса является то, что в нем задействованы слова, относящиеся к символам государственной власти, чего ранее не происходило.

Что касается стиля эрререско, то он является более лаконичным и монументальным. Архитектор Х. де Эррера, являющийся родоначальником стиля, в своем творчестве следовал строгому геометризму и отсутствию декора. Наиболее ярко стиль эрререско выражен в резиденции-монастыре испанских правителей – Эскориале.

Данный стиль также называют имперским (*el imperial*), эскуриальским (*el escurialense*) [Fernández López, URL: <http://www.hispanoteca.eu/Arte%20ES/42-El%20Renacimiento%20-%20Arquitectura.htm>] или стилем дезорнаментадо (*el desornamentado*) [Сим, 2014, с. 8].

Архитектура Х. де Эрреры основана на традициях европейской классической архитектуры, что, по мнению Н.М. Сим, «разрывает “путы” средневековой традиции, вводя на территории Испании и Португалии универсальный стиль классицизма» [там же, с. 21].

При описании зданий и сооружений культовой архитектуры в стиле эрререско реализуется такая архитектурная лексика, как *palacio real* (королевский дворец), *oratorio* (оратория, молельня, часовня, капелла), *forma de cruz griega* (форма греческого креста), *pilares dóricos* (дорические пилястры), *cúpula* (купол), *basílica* (базилика) и др. Ср.:

*Un magnífico **retablo diseñado** por el propio Juan de Herrera **preside** el **altar mayor**, al que se accede por una bonita **escalera** que le da mayor **volumen*** [URL: <https://bekiaviajes.com/articulos/que-ver-el-escorial-monasterio-sierra-madrid>].

Во фрагменте описывается алтарная композиция (ретабло), созданная основателем стиля эрререско Х. де Эррерой и венчающая главный алтарь, к которому ведет лестница, придающая ретабло больший объем. Данный

архитектурный стиль характеризуется гиперболизированными формами, что в тексте подчеркивается лексикой: *presidir* – возвышаться; *altar mayor* – главный алтарь; *volumen* – объем; *escalera* – лестница.

Как показывает анализ фактологического материала, при описании памятников в стиле эрререско практически не используются термины, принадлежащие к сфере декоративной составляющей архитектуры, однако встречаются лексемы, характеризующие королевскую власть: *el imperial*, *Real Monasterio*, *Casa Real*, *Casa del Infante*, *Casita del Príncipe*, *patio de los Reyes*, *arquitectura palaciega*, *símbolo de monarquía* и др.

2.4.2. Влияние итальянского искусства на архитектурную лексику стиля платереско

Внедрение еще в XV в. ордерной системы, пришедшей из Италии, благодаря чеканной тонкости декоративных форм эволюционировало в новое, собственно испанское архитектурное направление – стиль платереско (*el plateresco*), который считается разновидностью стиля Возрождения в Испании, не имеющей аналогов в других странах и отличающейся свободными и живописными композиционными приемами и необычайной декоративной насыщенностью [Всеобщая история архитектуры, 1967, т. 5, с. 424]. В этот период в составе архитектурной лексики испанского языка появляются следующие лексические единицы, восходящие к итальянскому языку: *balcón* (ит. *balcone*, 1535), *architrave/architrabe* (ит. *architrave*, 1521), *festón* (ит. *festone*, 1521), *pilastrón* (ит. *pilastrone*, 1541), *fachada* (ит. *facciata*, 1600) [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>; Corominas, 1987].

Согласно позиции Х. Фернандеса Лопеса, термин *el plateresco* был введен в XVII в. испанским писателем О. де Суниго (Ortiz de Zúñiga) для определения королевской капеллы Севильского собора, так как тщательное декорирование капеллы и остальных зданий в этом стиле сравнимо с ювелирным ремеслом [Fernández López, URL: <http://www.hispanoteca.eu/Arte%20ES/42-El%20Renaci>

miento%20-%20Arquitectura.htm]. Неслучайно знаменитый испанский писатель, один из представителей группы *Generación del 98* («Поколение 98-го года»), Висенто Бласко Ибаньес в своем романе «La catedral» («Толедский собор») сравнивает архитектурные элементы, выполненные в стиле платереско, с драгоценными камнями и причудливыми игрушечными украшениями:

El estilo plateresco mostraba su gracia juguetona en la portada del claustro. La llamada de la Presentación, toda la piedra blanquísima, es una alegre muestra del arte plateresco, cincelada cual una joya, con adornos caprichosos y alegres de juguete [URL: <https://archive.org/details/lacatedral00blas>].

Что касается декоративной отделки интерьеров, то в этот период большой популярностью стал пользоваться вынесенный на фасад мотив внутреннего убранства храма – резное алтарное украшение (ретабло).

При описании культовых зданий и сооружений культовой архитектуры в стиле платереско с высокой частотностью реализуются термины: *retablo* (ретабло, запрестольный образ, алтарное украшение), *capitel clásico* (классическая капитель), *arco romano* (римская арка), *grutesco* (грот), *nicho* (ниша), *aedicula* (эдикула), *pináculo* (пинакль), *aguja* (шпиль), *frontón* (фронтон), *enjuta* (пазуха свода), *entablamento* (антаблемент), *gruesco* (решетка), *balaustrada* (балюстрада) и др.

Также выделяется большой пласт лексики, описывающий декоративный аспект здания: *filigrana de piedra* (каменная филигрань), *adorno gótico y germanico* (готический и германский орнамент), *medallones de testas imperiales* (медальоны с императорскими орденами), *motivos flores* (цветочные мотивы), *trofeos de guerra* (военные трофеи), *escudo militar* (военный щит), *laurel* (лавр), *cuerno de la abundancia* (рог изобилия) и др. Ср.:

Los edificios siguen siendo de estructura gótica, pero se recubren de una decoración muy profusa que imita la labor de los orfebres plateros. Entre otros motivos decorativos: heráldica, veneras, grutescos,... siguiendo un eje de simetría (decoración a candelieri), columnas abalaustradas [URL: <https://temasycomentariosartepaeg.blogspot.com/2015/05/tema-81arquitectura-del-renacimiento.html>].

В данном случае дается характеристика основных декоративных элементов, напоминающих работы серебряных дел мастеров (ювелиров). Такие декоративные элементы, как геральдика, морские раковины, растительный и животный орнамент, используются в зданиях стиля платереско.

В качестве словарных соответствий предлагается: *estructura gótica* – готическая структура; *decoración profusa* – богатые декорации; *labor de los orfebres plateros* – работа ювелиров с серебром; *motivos decorativos* – декоративные мотивы; *heráldica* – геральдика; *eje de simetría* – ось симметрии; *columnas abalaustradas* – колонны в виде балясин. Особый интерес представляют термины: *venera* – морская раковина (напоминающая раковину морского гребешка, чаще с двумя створками, с бороздками); *decoración a candelieri* – украшение в стиле кандельери (*candelieri* – это итальянский термин, который обозначает растительный тип орнамента, возникший в Италии в эпоху Возрождения; как правило, орнамент включает в себя изображение листов аканта, водорослей, усиков, ленточек и изогнутых линий) и *grutesco* – орнамент из живых существ, букашек, химер и листвы («*dicho de un adorno: de bichos, sabandijas, quimeras y follajes*» [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]).

Las fachadas se asemejan a retablos de altar hechos en piedra, con columnas clásicas, entablamento, decoración de escudos heráldicos, medallones, decoración escultórica figurada y vegetal... muy inspirada en los grutescos italianos [URL: <https://arteinternacional.blogspot.com/2019/08/arquitectura-renacentista-espanola.html>].

Как и в предыдущем фрагменте, речь идет о богатой декоративной составляющей стиля платереско: *retablos de altar* – ретабло; *columnas clásicas* – колонны в классическом стиле; *entablamento* – антаблемент; *escudos heráldicos* – щиты с геральдикой; *medallones* – медальоны; *decoración escultórica figurada y vegetal* – фигурный и растительный скульптурный декор.

Итак, для описания декоративных элементов культовых зданий в стиле платереско характерна высокая частотность реализации терминов, связанных с итальянским искусством.

Интересен отбор прилагательных и наречий, используемых при описании элементов сооружений данной эпохи: *elementos flamígeros, fachadas adornadas decorativas, decorado profusamente, diversas inspiraciones, obras polícromas, decoración ocupada, elementos italianos, complejos ornamentales* и др.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что архитектурные термины, описывающие культовые сооружения эпохи Возрождения, содержат информацию об изменившейся социально-политической ситуации. Испанское население после продолжительного военного положения переходит к светскому образу жизни, что отражается в появлении и использовании множества терминов, называющих и описывающих декоративные элементы архитектуры.

2.5. Особенности терминов по архитектуре барокко

В XVI–XVII вв. основное внимание уделялось церковному строительству, что повлияло на формирование нового стиля – барокко.

Итальянское искусство продолжало оказывать влияние на архитектуру других европейских стран, в том числе и Испании. Однако новые веяния сталкивались в различных провинциях Испании с традициями местной художественной культуры. Так, например, в Севилье архитектура, связанная с творчеством Л. де Фигероа и его сыновей, получила название барокко севильяно (*el sevillano*), а в Гранаде, где работали Ф. Уртадо де Искиерда и Х. де Бада, – барокко гранадино (*el granadino*). Данные стили выделились в отдельные направления «в силу сложившихся исторических условий, государственных задач и культурных взаимовлияний» [Сим, 2014, с. 13].

Что касается стиля чурригереско (*el churrigueresco*), то он получил свое название в честь династии кастильских мастеров Чурригеров. Главным мастером этой художественной династии был Хосе Чурригера (1665–1725). Термин *el churrigueresco* (чурригереско) одним из первых использовал немецкий историк искусства О. Шуберт, который подразумевал под ним не только творческую деятельность семьи Чурригера, но и всю архитектуру эпохи барокко в Испании

[там же, с. 3]. Большинство современных ученых поддерживает данную точку зрения.

Стиль чурригереско относится к периоду позднего барокко и характеризуется причудливым декором. Фасады зданий обильно украшены скульптурными композициями и барельефами. Нередко авторы в своих проектах использовали возможности архитектуры, скульптуры и живописи одновременно.

К лексике, реализующейся в текстах при описании архитектурных сооружений в стиле чурригереско, следует отнести: *columnas corintias* (коринфские колонны), *estatua* (статуя), *pináculos* (пинакли), *bajorrelieve* (барельеф), *retablo* (ретабло), *orden* (ордер), *heráldica* (геральдика), *ornamento vegetal* (растительный орнамент) и др. Особый интерес вызывают названия архитектурных элементов, являющихся своеобразным маркером стиля чурригереско: *estípite* (пилястр в виде усеченной пирамиды узким основанием книзу), *columna salomónica* (колонна, имеющая спиралевидный ствол («columna que tiene el fuiste contorneado en espiral» [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>])).

Рассмотрим следующий фрагмент, описывающий интерьерную часть здания:

*En el **parte interior** de los **edificios** que se **construían**, el **churrigueresco** estuvo muy presente en los **retablos** que se encontraban en la **parte trasera de los altares**. Estos **retablos** se hacían eco o repetían elementos presentes en la **fachadas**. La **madera** era **tallada** y estaba compuesta por diferentes **figuras**. **Habíasn formas de querubines, frutas, flores y cabezas humanas** [URL: <https://www.lifeder.com/churrigueresco/>].*

При строительстве зданий стиль чурригереско особенно ярко проявлялся в ретабло, расположенном в задней части алтаря. Элементы ретабло перекликались или повторяли элементы, присутствующие на фасадах. Деревянное ретабло включало в себя различные фигуры и было украшено резьбой в виде херувимов, фруктов, цветов и человеческих лиц.

В качестве словарных соответствий можно предложить: *parte interior* – внутренняя часть; *edificio* – здание; *construirse* – строить; *retablo* – ретабло; *parte*

trasera de los altares – внутренняя стенка алтарей; madera – дерево; tallado – резной; figuras – образ; formas de querubines, frutas, flores y cabezas humanas – формы в виде херувимов, фруктов, цветов и человеческих лиц.

При описании культовых зданий в стиле чурригереско часто используются лексемы, связанные с декоративной составляющей архитектуры, особенно со скульптурным сегментом и орнаментом. В архитектурных текстах нередко реализуются прилагательные с семантикой абсолюта, о которых было сказано в п. 2.2.2.

Опираясь на анализ фактологического материала, можно сделать вывод о том, что данный стиль, основываясь на обилии украшений, не вносит новизны в функциональном плане. Обилие архитектурной терминологии, описывающей декоративный аспект здания данной эпохи, имеет социальные и культурные основания, среди которых отмечается уменьшение экономического и политического влияния Испании и усиление роли католической церкви. В целом стиль чурригереско является отражением социального кризиса в стране и обществе.

Впервые термин *el granadino* в своей работе «El barroco granadino» использовал А. Галльего и Бурин [Gallego y Burín, 1956]. С одной стороны, данное направление представляет собой классический стиль монументальной архитектуры, испытывающий влияние эрререско, а с другой – четко прослеживаются мотивы арабского искусства, называемого *nazarí* (принадлежащий мусульманскому искусству эпохи Yúsuf ben Názar (XIII–XV в.) [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]). С середины XVII в. до второй четверти XVIII в. декоративная сторона стиля гранадино подвергается тем или иным изменениям от «беспокойной декоративной формы растительного орнамента до абстрактного геометрического рисунка» [Сим, 2014, с. 32]. Постепенно андалузские мастера уходят от академических традиций, доводя декоративную насыщенность архитектуры до крайних пределов.

Наибольшей частотностью при описании памятников данного стиля отличаются следующие термины: *mosaico* (мозаика), *armadura* (каркас), *decoración*

de lazo (декорирование орнаментом (арабеск)), *azulejos* (изразцы), *esgrafiado* (штриховка), *medallón* (медальон) и др.

La fachada de la Santa y Apostólica Iglesia Catedral Metropolitana Basílica de la Encarnación de Granada.

*Se estructura en dos **cuerpos horizontales**, en el inferior se abren tres **portadas en arco de medio punto**, mientras que el segundo **cuerpo** lo forman tres grandes **arcos**, en cuyos **muros** se abren **óculos acristalados**. Sobre la **puerta central** encontramos un **gran medallón** con un **altorrelieve de mármol blanco** con el tema de la Encarnación de la Virgen y encima un **tarjetón** con la leyenda: Ave María* [URL: <http://www.jdiezarnal.com/catedraldegrabada.html>].

В представленном фрагменте содержится информация о фасаде кафедрального собора в Гранаде, включающем в себя два горизонтальных яруса. В нижнем ярусе имеется три полукруглых арочных проема, в то время как второй ярус образуют три большие арки с окнами-розетками. Над центральной дверью находится большой медальон с горельефом из белого мрамора на тему Воплощение Богоматери, а над ним надпись в виде орнамента – «Аве Мария». Наличие таких декоративных элементов, как горельеф, орнаменты, надписи, является характерной чертой архитектурного стиля гранадино.

В качестве словарных соответствий предлагаются: *cuerpos horizontales* – горизонтальный корпус; *portada* – портал; *arco de medio punto* – полукруглая арка; *arco* – арка; *muro* – стена; *óculo acristalado* – окно-розетка; *puerta central* – центральная дверь; *gran medallón* – большой медальон; *altorrelieve* – горельеф; *mármol blanco* – белый мрамор. Вызывает интерес термин *tarjetón*, означающий плоский и продолговатый орнамент, накладываемый на архитектурный элемент, как правило, с надписями, гербами или эмблемами («*adorno plano y oblongo sobrepuesto a un elemento arquitectónico, que por lo común lleva inscripciones, empresas o emblemas*» [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]).

Стиль гранадино характеризуется использованием лексем, описывающих храм, классический по форме, но обладающий богатым декором.

Стиль севильяно, наряду с гранадино, относят к андалузскому барокко. Архитектура Севильи XVII в. тесно связана с местными традициями, в том числе в использовании элементов стиля мудехар. В сфере культового строительства ведущую роль играли различные религиозные ордена, среди которых, благодаря известности архитектора – монаха П. Санчеса, особо выделяется иезуитский орден. Здания, как правило, по своей структуре были трехнефными, украшались лепным растительным и фигурным орнаментом, обильно заполнявшим стены и своды интерьера [Сим, 2014, с. 22–23].

При описании зданий и сооружений культовой архитектуры в стиле севильяно используются такие термины, как *simbólica* (символический), *retablo* (ретабло), *fachada-retablo* (фасад-ретабло), *retablo-mayor* (главный ретабло), *hornacina del ático* (мансардная ниша), *ventanal* (большое окно), *tejas de azulejaría* (черепица из изразцов) и др. Ср.:

Iglesia de San Luis de los Franceses

*La obudante **ornamentación** nos lleva a considerar este tipo de **fachadas** como **fachada-retablo**. Esta dividida en cinco **módulos**, siendo el central más decorado y sobre el que se sitúa un **frontón trilobulado** que aloja las figuras de los tres arcángeles: San Rafael, San Miguel, y San Gabriel, cuya misión simbólica sería la de proteger el **templo*** [URL: <https://iglesiasanluis.virtuallife.es/>].

В тексте представлено описание фасада церкви Святого Луиса Французского в Севилье. Обильный декор в виде орнамента позволяет рассматривать этот тип фасада в контексте фасада-ретабло. Он разделен на пять модулей, при этом наиболее украшенным является центральный модуль, на котором расположен трехлопастной фронтон с фигурами трех архангелов – святого Рафаила, святого Михаила и святого Гавриила, символическая миссия которых заключается в защите храма.

Предлагаются следующие словарные соответствия: *ornamentación* – декор в виде орнамента; *fachada-retablo* – фасад-ретабло; *frontón trilobulado* – трехлопастный фронтон.

Архитектурным направлениям гранадино и севильяно присуще декоративное своеобразие, характерное для южных регионов Испании, что находит отражение в лексике, описывающей культовые постройки. В первую очередь выделяется лексика, имеющая отсылки к арабскому искусству. Синтез мусульманских элементов и светских мотивов в визуально-образном аспекте культовой архитектуры юга Испании сближает данные стили с архитектурой мосарабов и мудехаров, что подчеркивает исторически сложившееся на территории Испании сосуществование культур.

В целом разнообразие архитектурных стилей Испании, социально-политическая ситуация отдельных периодов и эпох определили специфику и национальную самобытность используемой лексики при описании сооружений, соответствующих конкретному стилю и периоду. Так, интересны названия самих испанских архитектурных стилей, которые связаны: 1) с фамилией мастеров, разработавших и/или внедривших данный стиль (чурригиреско, эрререско); 2) с фамилией меценатов и основных заказчиков (исабелино); 3) с декоративной составляющей стиля (платереско, дезорнаментадо); 4) с местом расположения (севильяно, гранадино); 5) с названием главного здания, построенного в этом стиле (эскуриальский).

Испанская терминосистема профессионального языка архитектуры, отражая национально-культурную специфику этноса и его истории, характеризуется своеобразным проявлением лексического значения отдельных терминов и профессиональных реалий, что представляет определенные трудности при переводе вследствие частого отсутствия эквивалента в русском языке.

Специфика понятийно-терминологического аппарата архитектурной сферы испанского языка имеет социально-историческую обусловленность, определяется особенностями испанской национальной картины мира и высокой степенью влияния религии. Развитие архитектурного знания связано с экономическими факторами, технологическим прогрессом и социально-культурными условиями жизни людей.

Элементы лексико-семантического поля «Архитектура культовых сооружений» передают информацию и о культурно-эстетических предпочтениях той или иной эпохи либо периода и отличаются большим разнообразием и своеобразием, поэтому для дальнейшего исследования формального аппарата данного ЛСП и его систематизации представляется целесообразным прибегнуть к его лексикографическому моделированию.

Выводы по главе 2

1. Архитектурные термины, под которыми понимаются элементы терминологической системы, служащие языковым выражением понятий, относящихся к области архитектуры, являются центральным элементом архитектурного дискурса и базовым компонентом ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений». Совокупность архитектурных терминов данного ЛСП в испанском языке представляет собой целостную открытую терминосистему, компоненты которой связаны между собой определенными взаимоотношениями.

2. Терминосистема ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» включает в себя как однокомпонентные, так и многокомпонентные термины, представляющие собой раздельнооформленные, семантически целостные словосочетания, выражающие одно понятие, в котором ярко проявляется коммуникативно-прагматическая составляющая.

3. В рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы, предполагающей необходимость синтеза коммуникативной деятельности и когниции, термин рассматривается как двусторонняя единица языка, обладающая планом выражения и планом содержания, неразрывно связанная с мышлением. Коммуникативный аспект термина проявляется в реализации коммуникативной функции языка в рамках профессионального дискурса, содействуя проявлению специфики взаимодействия специалистов одной профессии.

4. Архитектурные термины, как и термины других специальных языков, выполняют различные функции: номинативную, сигнификативную, коммуникативную, прагматическую, классифицирующую и когнитивную. Последняя признается одной из ведущих функций термина, представляя его как результат процесса познания действительности. Среди разновидностей когнитивной функции выделяется ориентирующая функция термина, которая способствует не только ориентации специалиста в профессиональном пространстве, но и получению представления о внеязыковой действительности, связанной с этим термином.

5. Терминосистема специального языка архитекторов включает в себя как нейтральные языковые единицы, так и элементы, обладающие национально-культурной спецификой, проявляющейся в результате действия языкового кодирования явлений, связанных с профессиональной архитектурной деятельностью. Архитектурные термины испанского языка, будучи элементом национальной языковой картины мира, несут на себе отпечаток испанской национальной идентичности, отражая и такие ее черты, как карнавальность и барочность. Если карнавальность проявляется прежде всего в процессе метафоризации, то барочность находит выражение в языке построенных объектов и при описании культовых зданий в стиле чурригереско.

6. Многие термины, образованные с помощью метафорического переноса, имеют свои параллели в разных языках. При этом в основе указанных терминов лежат одни и те же образные элементы, что объясняется не только схожими ассоциациями участников профессиональной коммуникации, но и активным взаимодействием национальных научных картин мира.

7. Испанская архитектурная терминология ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» несет в себе определенную информацию о реалиях истории и культуры испанского народа, претерпевая изменения под действием различных социальных и лингвокультурных факторов и отражая связь и взаимовлияние культуры и языка. Для описания архитектуры разных

исторических эпох в испанском языке используются различные термины, входящие в формальный аппарат данного ЛСП.

8. В лексике испанского языка нашло отражение своеобразие культовой архитектуры различных периодов Средневековья: наличие фортификационного компонента свойственного вестготскому, арабскому и романскому стилям (*anchura de los muros, bloques* и др.); религиозная функция, стремление к Богу, подчеркиваемое вертикальной композицией готических сооружений, а также их конструктивными и декоративными элементами (*paredes verticales, esbelta columna, arco apuntado* и др.); взаимовлияние мусульманской и христианской культур в архитектуре мосарабов и мудехаров (*iglesia, ábside, mezquita, alfiz* и др.).

9. Лингвокультурное своеобразие терминологии по архитектуре Возрождения проявляется в наличии языковых единиц, репрезентирующих королевскую власть. О результатах активного межкультурного взаимодействия свидетельствует большое количество терминов, связанных с итальянским (стиль платереско) и французским искусством (стиль исабелино). Особенностью терминов по архитектуре барокко является присутствие в них компонента, отражающего своеобразный южный колорит испанского барокко.

10. Элементы ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений», нередко передающие информацию о культурно-эстетических предпочтениях того или иного исторического периода, отличаются большим разнообразием и своеобразием в проявлении лексического значения отдельных терминов и профессиональных реалий, что представляет определенные трудности в процессе межкультурной коммуникации и перевода.

Глава 3. Лексикографический аспект ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке

Лексикографический подход к исследованию терминосистем различных языков профессиональной коммуникации является эффективным средством решения задач, связанных с исследованием функционирования специального языка, а также с трудностями передачи терминов при переводе на другой язык.

В контексте исследования поля, ввиду большого количества компонентов, а также в связи с его открытостью, актуальной представляется выработка принципа его лексикографического описания. По мнению И.О. Ткачевой, наиболее оптимальным и целесообразным подходом к лексикографическому представлению языковой полевой структуры является содержательный, «неалфавитный» принцип, заключающийся в распределении компонентов словаря по тематическим группам и словообразовательным гнездам, что способствует решению проблемы унификации лексикографического описания слов в пределах одного семантического поля [Ткачева, 2007, с. 273–274, 278]. В то же время исследование лексикографического аспекта языка содействует выявлению специфики его лексико-семантической структуры.

3.1. Лексикография как наука о составлении словарей и лексико-семантической структуре языка

В понимании современных лингвистов лексикография представляет собой отрасль языкознания, главной задачей которой является «научная разработка принципов и приемов словарного описания лексики, а также составление самих словарей, отражающих различные аспекты рассмотрения слов в системе языка» [Современный русский язык..., 2001, с. 307]. Большое внимание уделяется также грамматическим, орфоэпическим, отраслевым, словообразовательным и другим словарям.

При этом теоретическая лексикография оперирует понятием принципа стандартности, т.е. лексикографическое описание должно быть одинаково на всем протяжении словаря, в связи с чем ученые находятся в постоянном поиске наиболее подходящих для восприятия способов словарного представления всей совокупности знаний о языке. Существует целый ряд классификаций, перечисляющих различные лексикографические принципы.

Традиционным считается алфавитный принцип расположения слов в словаре, однако «система расположения слов по алфавиту совершенно не соотносится с системой наших знаний о мире» [Морковкин, 1970, с. 11].

Интересно, что при изучении вопросов, связанных с составлением культуроведческого словаря, под которым понимается антропоориентированный словарь дескриптивного типа, являющийся продуктом, методом и средством диалога культур, современные ученые отмечают его адресную ориентированность и важность учета интересов пользователя [Колесникова, 2004, с. 9, 18].

Ю.Н. Караулов в своей работе «Общая и русская идеография» рассматривает теоретические основы словаря идеографического типа как «синтез теории семантического поля с принципами ономаσιологического подхода». Ученый опирается на историю славянской лексикографии, в которой значимое место занимает «полевое» понимание лексико-семантической системы [Караулов, 1976, с. 3, 9]. Для современной лексикографии, как отмечает Л.Б. Никитина, также характерна тенденция к отражению в словаре лексико-семантической структуры языка в целом и семантической структуры отдельного слова, стремление к проявлению значения слов через их связи с другими словами в тексте и внутри семантических полей [Никитина, 2017, с. 13–14]. Эти принципы используются и при разработке отраслевых словарей различных типов.

В середине XX в. в рамках общей лексикографии для составления профессиональных словарей утвердилось название «терминография», чьим объектом исследования являются словари специальной лексики, а предметом — установление принципов создания и оценки специальных словарей. Терминографии свойственны «собственные методы системного анализа и

описания специальной лексики в словарях разного типа, а также комплексное параметрическое описание и оценка словарей» [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 19].

Интересно, что в европейском языкознании данное направление начало развиваться раньше. Д. Асорин Фернандес отмечает, что впервые идея создать французско-испанский словарь для специальных целей пришла переводчику Э. де Терреросу (Esteban de Terreros) в XVIII в., на чью модель макроструктуры словаря впоследствии опирались многие лексикографы [Azorín Fernández, 2000, p. 213].

Важно отметить, что при составлении словарей для специальных целей необходимо взаимодействие лингвистов, занимающихся исследованиями в области терминографии, и специалистов в определенной профессиональной области, что, по мнению Е.С. Закировой, способствует достижению эффективности не только в терминоведении, но и в переводческой деятельности в сфере профессиональной коммуникации [Закирова, 2013, с. 272].

Существует множество классификаций словарей. В отечественном языкознании к проблеме типологии словарей одним из первых обратился академик Л.В. Щерба, который выделял следующие типы словарей на основании противоположений: 1) словарь академического типа / словарь-справочник; 2) энциклопедический словарь / общий словарь; 3) тезаурус / обычный (толковый / переводной) словарь; 4) обычный (толковый/переводной) словарь / идеологический; 5) толковый словарь / переводной словарь; 6) неисторический словарь / исторический словарь [Щерба, 1974].

В.Ф. Роменская разработала фасетную классификацию, основанную на выделении типа словаря по набору определенных признаков (принцип организации лексики по объему, по отношению к языковой норме и др.) [Роменская, 1978].

На данные работы во многом опирались современные ученые И.А. Дамбуев, В.В. Дубичинский и др. [Дамбуев, 2011; Дубичинский, 1998], однако они больше подчеркивают семантические отношения между языковыми единицами и ставят перед собой задачи выявления и описания внешних связей и отношений слова с другими словами – синонимических, антонимических, словообразовательных, а также соотношений семантических и тематических групп.

В исследованиях, посвященных словарям, в которых материал структурирован определенным образом на основании семантических отношений между лексическими единицами, используются различные названия: словарь-тезаурус [Абдурахманова, 2016], идеографический словарь [Караулов, 1976; Морковкин, 1970], идеологический [Щерба, 1974], семантический словарь [Русский семантический словарь, 1998]. Как было упомянуто ранее, одним из первых данный вид словаря описал Л.В. Щерба. Ученый писал о том, что словарь можно организовать исходя из значений. Анализируя работы Ш. Балли, Н.Я. Марра, Ф. Брюно и др., он пришел к выводу, что идеологические словари «должны дать материал для построения истории мышления, отраженного в языке» [Щерба, 1974, с. 295]. Стоит отметить, что ученый под тезаурусом понимал словарь, в котором приведены все слова, встречававшиеся в конкретном языке хотя бы один раз.

Что касается испанской научной среды, то данный тип словаря следует относить к *diccionario ideológico* или *diccionario arbóreo* [Moral Aguilera, 2000]. Согласно Словарю Королевской академии испанского языка, лексическая единица *ideológico* обозначает совокупность фундаментальных позиций, характеризующих способ мышления человека, коллектива или эпохи, в контексте культурного, религиозного, политического или другого аспекта («conjunto de ideas fundamentales que caracteriza el pensamiento de una persona, colectividad o época, de un movimiento cultural, religioso o político, etc.» [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]). Лексема *arbóreo* подчеркивает древовидную структуру словаря («1. perteneciente o relativo al árbol; 2. semejante al árbol» [ibid.]). Первым и наиболее значимым словарем-тезаурусом испанского языка признается *Diccionario ideológico de la lengua española* [Casares, 1942], английского – *Thesaurus of English words and phrases* [Roget, 1868].

Тезаурусный подход широко применяется в рамках современной когнитивно-коммуникативной парадигмы с целью систематизации знания, так как, по мнению Г.А. Брутяна, «язык рассматривается как средство осуществления рационального познания, при помощи которого фиксируется наше знание о

внешнем и внутреннем мире» [Брутян, 1974, с. 325]. В свою очередь, Ю.Н. Караулов пишет об отражении в идеографическом словаре (тезаурусе) таких понятий, как «картина мира» и «языковая модель мира» [Караулов, 1976, с. 242].

Применительно к сфере профессиональной коммуникации под словарем-тезаурусом понимается определенным образом структурированный набор терминов и понятий, созданный с целью улучшения поиска информации [Soergel, 1995, p. 1] в отдельной предметной области. Как отмечает А.З. Абдурахманова, словарь тезаурусного типа представляет собой «дидактическую ценность и играет исключительную роль при формировании профессиональной коммуникативной компетенции» [Абдурахманова, 2016, с. 118], чему способствует сама структура тезауруса, обеспечивающая дополнительные ассоциативные связи между понятиями, которые помогают упорядоченному пониманию конкретной предметной области [Soergel, 1995, p. 2].

Следует отметить, что тезаурусное моделирование широко применяется в языках профессиональной коммуникации: в сфере экономики [Прошина, 2008], строительства [Абдурахманова, 2016], авиационной экологии [Шевцова, 2014] и др.

В современной испанской лексикографии видное место занимает Рафаэль дель Мораль Агилера (Rafael del Moral Aguilera), автор большого числа словарей, в том числе и тезаурусного типа, среди которых: *Diccionario ideológico. Atlas léxico de la lengua española* (2009), *Diccionario de las lenguas del mundo* (2002), *Diccionario temático del Español* (1998), *Manual práctico del vocabulario del Español* (2001).

Что касается тезаурусного моделирования архитектурной лексики, то крупным проектом в этой области является англоязычный электронный словарь *Art&Architecture Thesaurus (AAT)*, составленный Исследовательским институтом Гетти (The Getty Research Institute). Словарь содержит термины и другую информацию о понятиях, связанных с искусством, архитектурой, декоративно-прикладным искусством и др. (www.getty.edu/research/tools/vocabularies/aat/about.html#scope).

Принимая во внимание принципы построения лексикографического описания системного словаря, представляется необходимым рассмотреть специфику компонентов словаря «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке.

3.2. Специфика компонентов испанского ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в свете лексикографического подхода

Отличительной чертой всей современной лексикографии, по мнению Ю.Д. Апресяна, является «синтез филологии и культуры в широком смысле слова» [Апресян, 1993, с. 6]. Архитектурная деятельность ввиду своих особенностей относится к тем профессиональным сферам, в лексике которых отражается национально-культурная специфика. Согласно И.А. Стернину, в лексическом значении слова выделяется три основных макрокомпонента: 1) денотативный (понятие); 2) коннотативный (функционально-стилистические особенности слова); 3) эмпирический (обобщенное чувственное представление о предмете номинации) [Стернин, 1985, с. 144].

Данные характеристики играют важную роль при составлении словарей различных типов, которые в современных условиях развития технологий и расширения информационной среды являются важным источником хранения и накопления информации. Кроме того, в рамках профессиональной коммуникации словарь является «формой представления и способом моделирования научного знания» [Алейникова, 2015, с. 50], служит основой для получения специальных знаний и способствуют профессиональному росту. Особого внимания при составлении словарей требуют к себе не только нейтральные терминологические единицы, но и культурно-маркированные компоненты лексико-семантических полей, которые помогают понять национальную специфику в той или иной научной области.

3.2.1. Нейтральные и культурно-маркированные компоненты ЛСП

В составе ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке широко представлены нейтральные термины данной профессиональной области. Указанные языковые единицы имеют обширную сферу функционирования и употребляются практически во всех текстах архитектурной направленности. Для каждого микрополя характерен определенный набор подобных терминов:

1. *Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa* (Архитектурные стили культовых сооружений): *arquitectura, arte, estilo*.

2. *Tipos de edificios religiosos* (Типы культовых зданий и сооружений): *baptisterio, basílica, capilla, capilla apsidial, catedral, conjunto arquitectónico, colegiata, conjunto monumental, construcción, convenio, edificio, ermita, iglesia, mausoleo, monasterio, monumento, oratorio, templo, tumba* и др.

3. *Estructuras arquitectónicas y sus elementos* (Строительные и архитектурные конструкции и их элементы): *ábaco, aberturas de las ventanas, abovedado, ábside, aguja, ala, antecapilla, antecoro, antemural, antepecho, antepuerta, antesala, ápside, arcada, arco, antecuerpo, armadura, arquería, barra, bóveda, bovedilla, cabecera, capitel, cella, clausro, clave, collarino, columna, columnata, construirse, contraclave, contramuro, coro, cripta, crucero, cuerpo, cúpula, cupulino, dóvela, enjuta, entablamento, escalera, escalinata, frontón, hornacina, intercolumnio, losa de piedra, muralla, muro, nave, parte interior, peldaño, pilar, pilastra, pináculo, planta de salón, portada, pórtico, puerta, techo, techumbre, tímpano, triforio, ventana, ventanal, zócalo* и др.

4. *Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos* (Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений): *altar, altar mayor, altorrelieve, almena, baqueta, baquetón, bajorrelieve, balaustrada, barandal, barandilla, catedral, camarín, cimacio, florón, friso, gablete, incrustado, parte trasera de los altares, patinillo, patio, podio, triforio* и др.

5. *Elementos de formas decorativas* (Элементы декоративных форм): *acanaladura, acanto, adorno, componentes cruz, geométrico, decoración, decoración mural, dentellón, diseño, emblemas, estría, escudo, escultura, estatua, glifo, imitación, inscripción, lóbulo, modillón, mosaico, motivo, ornamentación, ornamento, palmeta, pintura, pintura mural, roseta, rosetón, simbólica, viñeta* и др.

6. *Materiales naturales y artificiales* (Природные и искусственные строительные материалы): *bloques, cerámica, ladrillo, madera, mármol, piedra, sillar, vidrio, yeso, granito* и др.

7. *Trabajo de construcción y artesanía* (Виды строительных и декоративных работ): *aparejo, cubrir, hilada, imitar, incrustar, inscribir, mampostería, muro de sillería / sillarejo, sillería* и др.

Несмотря на значимость и высокую частотность указанных единиц, в фокусе интересов исследователей чаще всего оказываются культурно-маркированные единицы. Многие ученые отмечают, что на современном этапе развития науки «вопросы лексикографирования культуры являются одними из самых актуальных в словарной науке» [Крамаренко, 2020, с. 168]. По мнению испанского лексикографа Х. Касареса, лексикография подразумевает не только технику, но и искусство создания словарей [Касарес, 1958, с. 27].

В результате проведенного анализа среди компонентов ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке были выявлены следующие культурно-маркированные слова и словосочетания:

1. *Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa* (Архитектурные стили культовых сооружений):

- *arquitectura visigoda: estilo visigodo, arte visigodo;*
- *arquitectura asturiana: estilo asturiano, arte asturiano;*
- *arquitectura árabe: estilo árabe, estilo islámico;*
- *arquitectura mozárabe: estilo mozárabe, arte mozárabe;*
- *arquitectura mudéjar: arte mudéjar, estilo mudéjar, mudejarismo, el mudéjar, estilo hispáno-musulmán, arte hispanomusulmán;*
- *el isabelino: estilo de corona de castilla, estilo de los reyes católicos;*

- el plateresco: *estilo plateresco, arquitectura plateresca*;
 - el herreresco: *el imperial, el escurialense, el desornamentado, el herreresco, arquitectura herreriana, estilo herreriano, estilo escurialense, herreriano*;
 - el granadino: *estilo granadino*;
 - el sevillano: *estilo sevillano*;
 - el churrigueresco: *estilo barroco español, arquitectura barroca española*.
2. *Tipos de edificios religiosos (Типы культовых зданий и сооружений)*:
- arquitectura árabe: *aljama, mezquita, minarete / alminar, madrassa / madrasa, alcazaba, alcázar, rábita / rábida, aljafería*;
 - arquitectura románica: *seo / seu, monasterio benedicto*;
 - el herreresco: *palacio real, monasterio real*;
 - el churrigueresco: *cartuja*;
3. *Estructuras arquitectónicas y sus elementos (Строительные и архитектурные конструкции и их элементы)*:
- arquitectura visigoda: *arco de herradura, bóveda de cañón, bóveda en sillería, bóveda de ladrillo, ápside en herradura compuesto, columnas exentas, arco peraltado, ventanas bíforas; capitel visigoto*;
 - arquitectura asturiana: *cabecera tripartida, columnas sogueadas, fuste sogueado, ventanas con celosís y geminadas, ventanas trifolaidas*;
 - arquitectura árabe: *ajarafe, ajimez, albacara, algofra, arco polilobulado, azotea, barbacana, puertas de codo*;
 - arquitectura mozárabe: *cúpula de arista, alfiz, cúpula capialzada, arco gemelo, cúpula de cascos, cúpula de gallones, cúpulas de nervios capialzadas*;
 - arquitectura románica: *columnata perimetral, artesonado, ventanal románico*;
 - arquitectura gótica: *bóveda estrellada, botarel, abóveda cuatrimpartida, bóveda sexpartida, alféizar, gablete*;
 - arquitectura mudéjar: *arco túmido, alfarje, cabecera mudéjar*;
 - el isabelino: *bóveda del túnel, bóveda de cañón, arco triunfal, artesonado*;
 - el plateresco: *arco romano, bóveda del túnel, artesonado*;
 - el granadino: *óculo acristalado*;

- el sevillano: *frontón trilobulado, fachada-retablo, tejas de azulejería*;
- el churrigueresco: *fachada-retablo, columna salomónica, estípite, columna churrigueresca*.

4. *Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos* (Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений):

- arquitectura mozárabe: *merlón, modillón de rollo, capiteles de piedra románicos, almenas escalonados*;
- arquitectura románica: *pilares fasciculados*;
- el plateresco: *retablo / retablo de altar*;
- el herreresco: *retablo*;
- el sevillano: *retablo-mayor*;
- el churrigueresco: *estípite, retablo, retablística*.

5. *Elementos de formas decorativas* (Элементы декоративных форм):

- arquitectura visigoda: *imitaciones visigodas*;
- arquitectura asturiana: *decoración con celosías, clípeo*;
- arquitectura árabe: *ajaraca, azulejo, alicatado, alizar, angrelado, arabesco, ajaraca, alafia, alfiz, arrabá, ataurique, cenefa, almimbar*;
- arquitectura mozárabe: *modillón de lóbulo, almocáraba / mocárabe*;
- arquitectura románica: *ornamentación ajedrezado o taqueado jaqués*;
- arquitectura gótica: *caveto, vidrieras, tracería, crestería, bocel, crochet*;
- arquitectura mudéjar: *ajedrezado, espinas de pez, redes de rombo, cruces cristianos, azulejo de arista, azulejo de cuenca*;
- el isabelino: *blasón / heráldica, escudo de los Reyes Católicos*;
- el plateresco: *medallones de testas imperiales, grutesco, decoración a candelieri, motivos de candeleros (candelieri)*;
- el granadino: *azulejo, tarjetón, decoración de lazo*.

6. *Materiales naturales y artificiales* (Природные и искусственные строительные материалы):

- arquitectura mudéjar: *cerámica andalusí / cerámica hispanomusulmana, ladrillo cortados con sección circular, azulejo*.

7. *Trabajo de construcción y artesanía* (Виды строительных и декоративных работ):

- arquitectura visigoda: *a hueso, aparejo de sogá y tizón, aparejo de hiladas irregulares*;
- arquitectura asturiana: *técnica de sogueado*;
- arquitectura mozárabe: *bizantinizante*;
- arquitectura gótica: *técnica vidrillada, incrustado*;
- arquitectura mudéjar: *técnica de cuerda seca, técnica mudéjar de arista, artesonado*;
- el isabelino: *artesonado, labor de los orfebres plateros*;
- el plateresco: *filigrana de piedra, imitación de trabajos de los plateros*;
- el granadino: *esgrafiado*;
- el churrigueresco: *técnica de sogueado, estofado*.

Представляется необходимым рассмотреть несколько примеров культурно-маркированных терминов из вышеперечисленных единиц, не затронутых в предыдущих пунктах.

Слово **ретабло** (*retablo*) называет художественно оформленную композицию, произведение искусства, которое закрывает стену за алтарем, выполненное из камня, мрамора, дерева или металла и украшенное картинами или скульптурами [Bails, 1802, p. 90–91; Domínguez Ramos, 2003, p. 154–155]. Термин имеет латинское происхождение и образован от слов *retro* (за) и *tabŭla* (доска) [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>]. Наиболее близкий термин, обозначающий данное понятие в русском языке, – заалтарный образ.

При изготовлении ретабло нередко мастера использовали особую технику золочения **эстофадó** (*estofado*), заключающуюся в нанесении тонкого слоя сусального золота (*pan de oro*), на который впоследствии наносилась краска для достижения эффекта иризации (*irisación*) – отливания цветами радуги. Данная техника часто использовалась в архитектурных и скульптурных работах в Средние века [Glosario arquitectónico, URL: <https://www.glosarioarquitectonico.com/>

glossary/estofado/; Domínguez Ramos, 2003, p. 136]. Термин *estofado* имеет французское происхождение [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>], что, по всей вероятности, связано с тесными связями Испании и Франции в период готики, однако данная техника получила свою известность благодаря именно испанским мастерам. Интересно то, как эффект струящегося золота, который создается с помощью техники эстофадо, описывается в художественной литературе:

Detrás de ella lucía el retablo del altar mayor su majestuosa fábrica de un dorado suave y viejo: todo un mundo de figuras representando, bajo calados doseletes, las diversas escenas del drama de la Pasión. Entre el retablo y la verja, el oro parecía chorrear, resbalando por las blancas paredes, marcando con líneas deslumbrantes las juntas de los sillares [URL: <https://archive.org/details/lacatedral00blas>]. – *За ним возвышался ретабло главного алтаря с величественной отделкой из мягкой старинной позолоты: целый мир фигур, изображающий под ажурными балдахинами различные сцены Страстей Господних. Между алтарем и перилами золото, казалось, стекая по белым стенам, капало, окрашивая сверкающими линиями стыки камней.*

Слово *транспаренте* (*transparente* – прозрачный) в профессиональной коммуникации испанских архитекторов в широком смысле обозначает окно, которое освещает и украшает алтарь [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>; Moliner, 2013]. В католическом храме транспаренте создает уникальную архитектурную среду при помощи окуляра (*óculo*) или светового люка (*tragaluz*) в верхней части композиции или на приграничной стене, через которые луч света падает на алтарь или один из его фасадов [Glosario arquitectónico, URL: <https://www.glosarioarquitectonico.com/?s=transparente>]. Данная архитектурная композиция создает эффект вознесения на небеса. В Испании самый известный транспаренте находится в Толедском соборе.

Таким образом, среди компонентов ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке выделяются нейтральные и культурно-

маркированные единицы, которые входят в микрополя: 1) *Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa* (Архитектурные стили культовых сооружений); 2) *Tipos de edificios religiosos* (Типы культовых зданий и сооружений); 3) *Estructuras arquitectónicas y sus elementos* (Строительные и архитектурные конструкции и их элементы); 4) *Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos* (Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений); 5) *Elementos de formas decorativas* (Элементы декоративных форм); 6) *Materiales naturales y artificiales* (Природные и искусственные строительные материалы); 7) *Trabajo de construcción y artesanía* (Виды строительных и декоративных работ). Универсальные единицы применяются с высокой частотностью в текстах архитектурной направленности, описывающих здания, вне зависимости от того или иного архитектурного стиля. Культурно-маркированная лексика зачастую является характеристикой определенного периода или архитектурного направления.

Согласно результатам проведенного анализа, и нейтральные, и культурно-маркированные термины могут быть как однокомпонентными, так и многокомпонентными. На последние, представляющие собой, по мнению многих исследователей, расчлененную вторичную номинацию и выступающие в виде свободных и несвободных словосочетаний [Тюльнина, 1996, с. 84], приходится 62,3%, что доказывает доминирование многокомпонентных терминов над однокомпонентными.

Довольно высокий процент однокомпонентных терминов (37,7%) свидетельствует о том, что терминосистема архитектурной области начала свое формирование очень давно ввиду древности самой деятельности. На ранних временных этапах, отмечает в связи с этим Д.З. Гайнутдинова, знания добывались эмпирическим путем или основывались на верованиях и поверьях. Терминологический аппарат архитектурной области в большей степени складывался на основании тождества и подобия уже существующим в то время материальным объектам, когда «в основе мировосприятия находилась мифопоэтическая традиция» [Гайнутдинова, 2012, с. 3].

В то же время в поздние исторические эпохи, вплоть до современности, возрастает доля теоретического знания, что способствует увеличению искусственного начала в языке профессиональной коммуникации. Данная тенденция нашла отражение и в специальном языке архитектуры. Современный состав профессионального языка архитектора включает в том числе термины, созданные в результате научно-теоретического осмысления.

Стоит отметить, что в процессе анализа фактологического материала выявлено большое количество заимствований, входящих в ЛСП, которые также представляют интерес для нашего исследования.

3.2.2. Заимствования в архитектурной терминологии испанского языка

Лексическому уровню языка свойственна определенная подвижность, что объясняется воздействием различных факторов. Так, на состав профессиональных языков активно влияют открытия в области науки и техники, развитие передовых технологий, расширение межкультурных, политических, экономических и других типов связей. Особое внимание современных исследователей привлекает и влияние одной национальной научной терминологии на другую, их взаимодействие и взаимопроникновение. Внедрение иностранных терминов в национальный язык позволяет судить «об общественно-политическом и научно-техническом развитии конкретного государства, о его языковой и терминологической политике, о внутреннем и внешнем статусе национального языка и прочих социолингвистических факторах» [Тюльнина, 1996, с. 84–85]. Использование заимствованных терминологических единиц находит свое проявление прежде всего в различных специальных языках.

Язык профессиональной коммуникации в сфере архитектуры также характеризуется неоднородностью своего состава, среди которого выделяется большое количество заимствованных слов. По мнению У. Вайнрайха, по сравнению с грамматическими и фонологическими изменениями для распространения или внедрения в другой язык заимствованных слов достаточно

минимального контакта между языками [Вайнрайх, 1972, с. 42]. В современных исследованиях под термином «заимствование», как правило, понимается элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой [ЛЭС, 1990, с. 158].

Яркая и сложная история Испании обусловила внедрение иностранных слов не только в обиход испанского населения, но и в специальные сферы. На территории Испании веками проживали народы с различными культурами, которые оказали большое влияние на развитие испанского языка. Когда в начале III в. до н.э. на территорию Пиренейского полуострова пришли первые римляне, то они встретились со множеством языков и культур. Помимо греческого и финикийского, языковой состав включал в себя несколько народных языков, принадлежавших к разным языковым семьям: тартессийский язык (*tartésano*), иберийский (*ibérico*), кельтиберийский (*celtibérico*), лузитанский (*lusitano*), баскский (*vascónico*) [Lapesa, 1981, p. 21–27]. Сначала латынь сосуществовала с другими языками, однако с течением времени стала преобладать над ними, пока не стала родной для большинства народов полуострова. Испанский язык, как и другие романские языки, генетически восходит к народной латыни, в связи с чем в основе его лексического корпуса находятся слова, восходящие к латинскому языку. Слова латинского происхождения широко распространены во всех отраслях науки, в том числе в области архитектуры: *ábside*, *armilla*, *ático*, *artio*, *arco*, *bóveda*, *baptisterio*, *capilla*, *columna*, *escalera*, *galería*, *nave*, *pórtico*, *torre*, *zócalo*, *acanto*, *altar*, *arcosolio*, *espira*, *caña*, *columnata*, *cripta*, *cella*, *cimborio*, *clausrto*, *clave*, *edículo*, *gárgola*, *intercolumnio*, *muro*, *nervio*, *orden*, *ornamento*, *pared*, *peristilo*, *rosa*, *tímpano*, *ventana*, *voluta* и др. Одни из них отражают закономерную эволюцию латинских звуков в испанском языке, другие относятся к латинскому культурному суперстрату, т.е. представляют собой слова, которые были заимствованы из латыни книжным путем, прежде всего в период Средневековья или немного позже, когда роль латинского языка как языка культуры и науки была еще очень значительна. Среди них: *ábaco*,

arcada, oratorio и др. [Corominas, 1987, p. 19, 60, 425]. Лексика латинского языка до сих пор активно используется в языке современной науки.

Примером влияния греческого языка в сфере архитектуры стали: *cornisa, icinostasio, nártex* и др.

Влияние арабского языка стало доминировать в различных профессиональных областях (военное искусство, сельское хозяйство, кулинария, ремесла, ювелирное дело) в период арабского завоевания 711–1492 гг. Область архитектуры также не стала исключением, ср.: *azotea, ajimez, almena, tambor, albanega, alfiz, alminar, barbacana, burche, cenefa* и др.

Следует отметить, что заимствование нередко может иметь две формы выражения. Например, многие современные архитектурные термины пришли в испанский язык посредством транслитерации из французского или английского. В то же время в испанском языке уже мог существовать арабизм, адаптированный в период Средневековья, ср.: *alminar* – традиционная форма, в то время как *minarete* – транслитерация с французского языка. Кроме того, отмечается наличие лексем, адаптированных через транскрипцию: *kiosko* (арабизм), *quiosko* (фонетически адаптированная форма).

Французский язык оказывал и продолжает оказывать большое влияние на испанский в области архитектуры, что связано с целым рядом экстралингвистических факторов. Так, в конце XII в. сначала на север Испании, а затем и на всю ее территорию начала распространяться французская готика, что было обусловлено не только географическими, но и политическими связями. Из французского языка были заимствованы такие лексемы, как *flecha, plataforma, chapitel, garita, claraboya, jamba, bocel, dovela, plafón, ojiva, balaustre, extradós, intradós, glifo, pabellón, pedestal* и др.

В первой половине XVI в. в области гуманизма и искусства начала активно проявлять себя Италия, что также нашло свое отражение в испанском языке. Появление в Италии нового класса «светской интеллигенции» способствовало росту преобладания светского образа жизни над духовным, в связи с чем с середины XV в. культурное влияние Италии на остальную Европу все больше

возрастало [Эразм Роттердамский, 2016, с. 13–15]. Городской культурный класс ощутил потребность других условий существования для получения и распространения образования, проведения светских мероприятий и занятия искусством. Итальянская архитектура того времени, в первую очередь культовая, характеризуется расцветом пластических искусств, уделением внимания деталям и декору, легкостью и изяществом форм. Новые архитектурные элементы постепенно входят в архитектуру других европейских стран, сохраняя свое наименование. Большинство итальянизмов вошли в испанский язык именно в этот период и касаются различных сфер изящных искусств. Примерами таких лексем из области архитектуры служат: *balcón*, *architrave* или *arquitrabe*, *festón*, *pilastrón*, *modillón*, *fachada*, *belvedere*, *arabesco*, *arquivolta*, *crujía*, *cúpula*, *escalinata*, *festón*, *parapeto*, *rotonda* и др. [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>; Domínguez Ramos, 2003].

Во время правления Католических Королей особое внимание было уделено архитектуре Кастильи и Арагона, ввиду чего отмечаются и немногочисленные заимствования из каталанского языка: *dosel*, *jácena*, *porche*, *seo/seu* и др. [Diccionario de la lengua española, URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae>; Domínguez Ramos, 2003].

Все приведенные выше термины полностью ассимилировались в испанском языке – графически, фонетически, грамматически и семантически.

Анализ фактологического материала позволяет сделать вывод о безоговорочном доминировании лексики, восходящей к латинскому языку, – 51%, что представляется вполне логичным, так как корни испанского языка уходят вглубь народной латыни. Однако значительное число слов, входящих в ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений», пришло в испанский язык из французского (15%), арабского (14,5%) и итальянского (12,5%) языков. В небольшом количестве также представлены слова из греческого (4%) и каталанского (3%) языка.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что архитектурная терминосистема испанского языка характеризуется большим разнообразием как в

ономасиологическом, этимологическом, так и в семантическом аспекте. Кроме того, происходящие в ней процессы нередко имеют двоякую природу, будучи обусловленными, с одной стороны, внутренними законами функционирования данной системы в рамках испанского языка [Тюльнина, 1996, с. 87], а с другой – влиянием внешних факторов, что следует учитывать при лексикографическом моделировании ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке.

3.3. Понятийная модель с элементами тезаурусного моделирования как основа лексикографического представления ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке

Обращаясь к лексикографическому аспекту ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке, способствующему обобщению данных, полученных в ходе комплексного исследования, следует принимать во внимание специфику понятийной модели данного поля. В то же время в контексте достижения культурологических целей большой интерес представляет применение в рамках понятийной модели элементов тезаурусного моделирования, которое, как правило, включает следующие разделы [Серова, 2009, с. 9]:

1. Классификационная часть, содержащая логико-семантические структуры тем на русском и иностранном языках.
2. Контекстная часть, включающая определения ведущих ключевых слов-понятий.
3. Идеографическая часть, представляющая собой набор словарных понятийных статей.
4. Алфавитный указатель слов.

Классификационная часть словаря-тезауруса содержит логико-семантические структуры тем на родном и иностранных языках. В них определяются границы предметного содержания той или иной области знания.

Опираясь на проведенное исследование, можно предположить, что при лексикографическом представлении ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке его классификационная часть могла бы включить в себя разделы, соответствующие микрополям исследуемого ЛСП:

- *Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa* (Архитектурные стили культовых сооружений).
- *Tipos de edificios religiosos* (Типы культовых зданий и сооружений).
- *Estructuras arquitectónicas y sus elementos* (Строительные и архитектурные конструкции и их элементы).
- *Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos* (Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений).
- *Elementos de formas decorativas* (Элементы декоративных форм).
- *Materiales naturales y artificiales* (Природные и искусственные строительные материалы).
- *Trabajo de construcción y artesanía* (Виды строительных и декоративных работ).

При разработке контекстной части необходимо принимать во внимание ведущие ключевые слова-понятия каждого микрополя: *estilo, arquitectura religiosa, estructura, exterior, interior, material*¹.

В свою очередь идеографическая часть лексикографической модели, ее центральная часть, по мнению Г.Р. Чайниковой должна включать в себя словарные понятийные статьи, в основе которых лежит принцип систематизации лексики вокруг ключевых слов (ведущих слов-понятий темы). В словарных понятийных статьях слова связаны парадигматическими и синтагматическими отношениями, которые представляют собой логические связи, существующие между предметами и явлениями в объективной действительности [Чайникова, 2013, с. 185]. Модель одной из **словарных понятийных статей**, относящихся к ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений», представлена в таблице 1.

¹ Данные понятия были рассмотрены в п. 1.2.3. Главы 1

Таблица 1. Модель словарной понятийной статьи

Раздел	<i>Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos</i>	Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений
Ключевое слово	LA PILASTRA	Пилястра, пилястр
Дефиниция	1. Columna de sección cuadrangular [Diccionario de la lengua española, URL: http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae]. 2. Pilar adosado a una pared. Generalmente tiene la apariencia de medio pilar. Utilizado como soporte de arcos y arquitrabes o para estructurar los muros [Domínguez Ramos, 2003, p. 140]	1. Колонна прямоугольного сечения. 2. Столб, прилегающий к стене. Обычно имеет вид полуколонны. Используется в качестве опоры для арок и архитравов или для поддержки конструкции стен
Синоним / ЛСВ	Semicolumna, medio pilar	Полуколонна
Родовое понятие	Columna, pilar	Колонна
Видовое понятие	1. P. cajeadada. 2. P. compuesta. 3. P. de muro 4. Retropilastra	1. Коробчатая пилястра. 2. Композитная (сборная) пилястра. 3. Настенная пилястра. 4. Ретропилястра (пилястра, которая располагается позади колонны [Diccionario de la lengua española, URL: http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae])
Лингвокультурологическая справка	El estilo románico	Романский стиль
	Formas fáciles (geométricos)	Простые формы (геометрические)
	El estilo gótico	Готический стиль
	Los pilares cruciformes (en forma de cruz vistos en sección). Unas pilastras son continuaciones del nervio del arco correspondiente, conformado el conjunto esta forma de elementos nervados.	Крестообразные пилястры (в форме креста в сечении). Некоторые пилястры являются продолжением ребра соответствующей арки (нервюры), обеспечивая композиционную связь нервюрных элементов
	El Renacimiento	Возрождение
	Formas fáciles (geométricos)	Простые формы (геометрические)
	El Barroco / El churrigueresco	Барокко/чурригереско
	El estípite es pilastra o pilar cuyo tronco está en forma de tronco invertido de pirámide.	Эстипите (estípite) – особый вид пилястры, ствол которой выполнен в виде перевернутой пирамиды
Пример употребления	En el Renacimiento las pilastras resurgieron como formas fáciles de agregar un toque romano a un edificio. [URL: https://www.arquitecturapura.com/arquitectura/pilastra-9562/]	В эпоху Возрождения пилястры вернулись в виде простых форм, внося в здание римские штрихи

Как следует из представленной модели, словарную понятийную статью предлагается дополнить лингвокультурологической справочной информацией, так как архитектурные термины характеризуются различными смысловыми коннотациями в зависимости не только от типа архитектурного направления, в рамках которого они используются, но и от национальной принадлежности. Так, в русском языке под пилястрой понимается только «плоский каннелированный или филенчатый вертикальный выступ на фоне стены, имеющий базу и капитель» [Плужников, 1995, с. 261], а испанская пилястра в виде перевернутой пирамиды *estípita* не имеет своего переводческого эквивалента. Данная ситуация типична для многих терминов, относящихся к разделам «Строительные и архитектурные конструкции и их элементы» и «Элементы декоративных форм» ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке.

Лексикографическая модель ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» представляет собой конструкт, выполняющий функцию систематизации и категоризации лексических единиц, входящих в данное поле. В свете наполнения лексикографической модели компонентами ЛСП особого внимания требуют культурно-маркированные единицы.

Так как культурологическая лексикография ориентирована на преодоление возможных барьеров в диалоге культур путем моделирования межкультурного пространства общества, О.Л. Крамаренко и О.Ю. Богданова предлагают интегрировать в корпус словарей в том числе и цитаты из художественной литературы, публицистики и «бытующие в национально-культурном сознании речевые образы семантизирующего характера» [Крамаренко, Богданова, 2020, с. 165].

Статья, посвященная термину, обладающему культурной маркированностью, при разработке лексикографической модели в рамках настоящего исследования, представлена в таблице 2.

Таблица 2. Словарная понятийная статья, посвященная термину, обладающему культурной маркированностью

Раздел	Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa	Архитектурные стили культовых сооружений
Ключевое слово	EL CHURRIGUERESCO	Чурригереско
Дефиниция	1. Nombre con que se designa la corriente barroca caracterizada por sus recargadas formas ornamentales, muy complicadas y exuberantes [Glosario arquitectónico, URL: https://www.glosarioarquitectonico.com]. 2. adj. Perteneciente o relativo al churriguerismo [Diccionario de la lengua española, URL: http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae]	1. Название, которым обозначается направление стиля барокко, характеризующееся избыточностью декоративных форм, очень сложных и вычурных. 2. прил. Принадлежащий или относящийся к чурригеризму
Синоним/ЛСВ	Estilo barocco, barocco español	Стиль барокко, испанское барокко
Родовое понятие	Estilo arquitectónico	Архитектурный стиль
Видовое понятие	—	—
Лингвокультурологическая справка	Estilo arquitectónico del Barroco español, cuyo nombre se debe al arquitecto José de Churriguera, aunque fuera Pedro Ribera y Narciso Tomé los arquitectos que más lo desarrollaron. Se caracteriza por la exuberante decoración en las fachadas como en la Puerta del Antiguo Hospicio en Madrid, de P. Ribera, o el Palacio del Marqués de Dos Aguas en Valencia, de Rovira [Domínguez Ramos, 2003, p. 52]	Архитектурный стиль испанского барокко, названный в честь архитектора Хосе де Чурригеры, несмотря на то, что архитекторами, внесшими наибольший вклад в его развитие, были Педро Рибера и Нарсисо Томе. Стиль характеризуется избыточным декором на фасадах, как, например, на воротах Старого Хосписа в Мадриде (П. Рибера) или на Дворце Маркиза Дос Агуас в Валенсии (Г. Ровира)
Пример употребления	1. El estilo churrigueresco es un estilo rebelde, trasgresor y libertario, usa las formas tradicionales pero las lleva al grado máximo de exaltación, tanto en proporción como en escala [Sáseta Velázquez, 2010, c. 91]. 2.... el arte churrigueresco tenía la mayor de sus muestras en el famoso transparente de Tomé, que rompe la bóveda detrás del altar mayor para dar luz al ábside [URL: https://archive.org/details/lacatedral00blas]	1. Стиль чурригереско – это мятежный, трансгрессивный и либертарианский стиль, который использует традиционные формы, но доводит их до высшей степени экзальтации как по пропорциям, так и по масштабу. 2. ... искусство чурригереско находит свое наиболее полное воплощение в знаменитом transparente (световом окне) Томе, который разрывает свод за главным алтарем, чтобы пролить свет на апсиду

Стоит отметить, что в русскоязычных источниках стиль чурригереско описывается более сдержанно: «...появился в декоративном оформлении фасадов и интерьеров и представлял собой развитие принципов барокко в духе повышенной эмоциональности, перегрузки архитектурных форм причудливым, дробным и беспокойным пластическим декором» [Строительный словарь, URL: dic.academic.ru/dic.nsf/stroitel/8969?ysclid=lrorkqcz40705058596].

Лингвокультурологическая справка позволяет получить информацию о внеязыковой действительности и специфике развития архитектуры на территории Испании в различные временные периоды. Систематизация терминологии подобным образом способствует формированию упорядоченной иерархической модели знания в данной профессиональной сфере. Однако тезаурусный подход способствует широкой и точной характеристике понятий не только в архитектурной, но и в любой другой предметной области. Описание архитектурной терминологии с использованием элементов тезаурусного моделирования позволяет также расширить границы обучения предметной области, увеличить коммуникативную, информационную и культурологическую ценность лексикографического исследования, в полной мере соответствуя когнитивно-коммуникативному подходу.

В связи с тем, что систематизация компонентов испанского ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» основывается на выявлении системно-семантических связей, одним из эффективных методов изучения его формального аппарата представляется фасетный метод, который заключается в параллельном разделении множества компонентов поля на независимые классификационные группировки [Мочалов, 2018, с.55]. Данный метод предполагает, что исходное количество компонентов поля разбивается на подмножества группировок по независимым между собой признакам классификации – фасетам. Фасет представляет собой набор значений отдельного признака классификации, при этом все признаки взаимно независимы [Ефремова, 2015, с. 183]. В настоящем исследовании один фасетный ряд соответствует одному микрополю, где архитектурная терминология представлена в виде организованной структуры, внутри которой фиксируются родо-видовые, причинно-следственные и

другие отношения. Определение роли архитектурного термина в системе профессиональных понятий основывается на логико-понятийном анализе архитектурной лексики, позволяющем раскрыть место каждой единицы в полевой структуре, что способствует целостному восприятию понятий ЛСП.

С точки зрения И.М. Зенцовой, в одном фасете сочетаются определенные признаки, которые не повторяются в других фасетах [Зенцова, 2010, с. 23]. На основании отобранного и проанализированного фактологического материала предлагается выделить следующие признаки, характеризующие фасеты (микрополя) ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений»:

1. Отражение художественной тенденции эпохи;
2. Связь с политическими событиями и историческими процессами;
3. Влияние географического положения и климата;
4. Роль религиозного фактора;
5. Социальная направленность;
6. Значимость производственного фактора и инженерных решений;
7. Композиционная составляющая;
8. Эргономика зданий и пространств;
9. Эстетические предпочтения.

Указанные признаки по-разному проявляют себя в каждом фасете.

Таблица 3. Фасеты и их признаки

Признак	Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa / Архитектурные стили культовых сооружений	Tipos de edificios religiosos / Типы культовых зданий и сооружений	Estructuras arquitectónicas y sus elementos / Строительные и архитектурные конструкции и их элементы	Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos / Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений	Elementos de formas decorativas / Элементы декоративных форм	«Materiales naturales y artificiales / Природные и искусственные строительные материалы	Trabajo de construcción y artesanía / Виды строительных и декоративных работ
Отражение художественной тенденции эпохи	+	+	+	+	+		+
Связь с политическими событиями и	+	+	+	+	+		

историческими процессами							
Влияние географического положения и климата	+	+	+	+	+	+	+
Роль религиозного фактора	+	+	+	+	+		+
Социальная направленность	+	+		+	+		+
Значимость производственного фактора и инженерных решений		+	+			+	
Композиционная составляющая	+	+	+	+			
Эргономика зданий и пространств			+	+			
Эстетические предпочтения	+			+	+		+

Понятийная модель испанского ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» с элементами тезаурусного моделирования может включать в себя такие словарные статьи, при разработке которых используются принципы, применяемые в различных типах словарей, например:

- упорядочение в словесной форме понятий, связанных с архитектурой, в испанском языке (словарь-тезаурус, тематический словарь);
- фиксация в словесной форме объективных данных о внешнем мире (толковый словарь);
- нормализация словоупотребления с целью облегчения профессиональной коммуникации (терминологический словарь);
- перевод с испанского языка на русский терминов и терминосочетаний архитектуры (двуязычный словарь);
- визуализация архитектурного понятия (иллюстрированный словарь) и др.

Исходя из вышеизложенного можно предложить следующий образец словарной статьи:

Facem: Estructuras arquitectónicas y sus elementos

(Строительные и архитектурные конструкции и их элементы)

BÓVEDA – свод – перекрытие изогнутых поверхностей, покрывающее пространство между стенами, столбами и колоннами («cubierta de superficies curvas que cubre espacios comprendidos entre muros, pilares o columnas» [Domínguez Ramos, 2003, p. 38]), ср.: криволинейное перекрытие, передающее на основание не только нагрузку, но и распор [Плужников, 2011, с. 309].

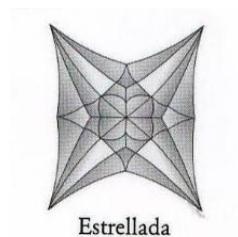
I. bóveda por[de] arista – крестовый свод [широко применяется в романской архитектуре наряду с цилиндрическим сводом];

I. (1). bóveda de crucería / bóveda nervada / bóveda de ojiva – крестово-нервюрный / готический крестовый свод / стрельчатый свод [преимущественно применяется в готической архитектуре];

I. (1a). bóveda estrellada – звездчатый свод [наряду с готической архитектурой, встречается и в искусстве мудехаров, например в церкви Св. Мигеля, Iglesia de San Miguel, Almazán];

I. (1b). bóveda de abanico – веерный свод;

I. (1c). *bóveda sexpartida* – шестичастный свод;

II. *bóveda de [en] cañon* – цилиндрический свод / полуциркульный свод [применяется в вестготской, астурийской, романской архитектуре];

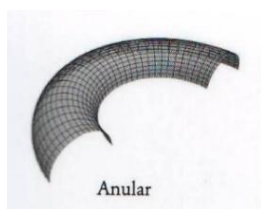
II. (1). *bóveda de cañon apuntada* – остроконечный/стрельчатый цилиндрический свод;

II. (2). *bóveda de cuarto de cañón* – четвертьцилиндрический свод [Кеслер, 2003, с. 179];

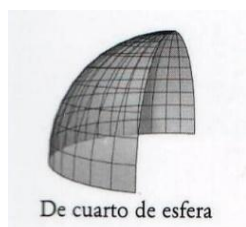
II. (3). *bóveda anular* – кольцевой свод [достаточно редко встречается в архитектурных сооружениях Испании, такой вид свода возведен во дворце Карлоса V в Гранаде, Palacio de Carlos V (Granada)];

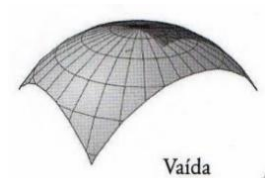
II. (4). *bóveda de lunetos* – цилиндрический свод с распалубками;

III. *bóveda de cuarto de esfera* / *bóveda de horno* / *bóveda de medio punto* / *bóveda esférica* – конха [часто применяется в романской архитектуре] [Кеслер, 2003, с. 179];

IV. *bóveda de baída [vaída]* / *bóveda de vela* / *bóveda pañuelo* – парусный свод / платочный свод;

V. *bóveda de aljibe [algibe]* / *bóveda esquifada* / *bóveda claustral* – сомкнутый свод / монастырский;

V. (1). *bóveda gallonada [de gallones]* – граненый свод, купол-зонтик [относится к типу сомкнутого свода, данный вид свода разделен на сегменты ребрами, расходящимися от центра к основанию свода];

V. (2). *bóveda de rincón de claustro* – сомкнутый свод без распалубок [Кеслер, 2003, с. 179];

VI. *bóveda rampante* / *bóveda de caracol* / *bóveda espiral* / *bóveda helicoidal* – ползучий свод;

VII. *bóveda encamonada* / *bóveda fingida* / *falsa bóveda* – ложный свод [встречается в доримских архитектурных конструкциях, местах культа];

VIII. *bóveda tabicada* – кирпичный свод с перегородками [распространен в мусульманской архитектуре, зачастую встречается в сооружениях на территории Валенсии, Арагона, Каталонии];

Своды, отличающиеся не по конструктивной, а по декоративной составляющей

IX. *bóveda calada* – резной свод [применяется в арабской архитектуре и поздней готике, такой тип свода применен в одной из часовен кафедрального собора в Бургосе, Capilla del Condestable, Catedral de Burgos];

X. *bóveda con casetones* – кессонный свод [свод, декорированный кессонами – элементами ритмичной разделки внутренней поверхности перекрытия углублениями геометрической формы].

Модель словарной статьи фасета Elementos de formas decorativas (Элементы декоративных форм) предполагает наличие бóльшего объема пояснительного материала и иллюстраций. Ср.:

Facet: Elementos de formas decorativas

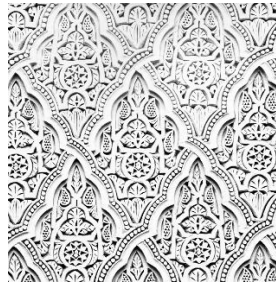
(Элементы декоративных форм)

ORNAMENTACIÓN – орнаментация – декоративные элементы, украшающие здания (геометрические, растительные, зооморфные или орнамент в форме элементов человеческой фигуры) / («elementos decorativos que embellecen los edificios. Pueden ser muy variados: geométricos, vegetales, zoomorfos o con ornamento derivados de la figura humana» [Domínguez Ramos, 2003, p. 133]).

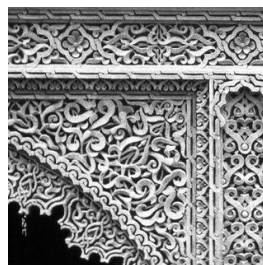
I. *ornamento* – орнамент;

I. (1). *ornamentos árabes* – арабские орнаменты [большинство арабских орнаментов применяются и в архитектуре мудехар]:

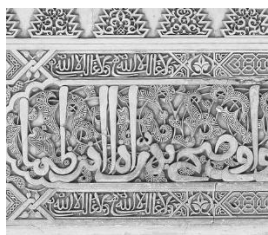
I. (1a). *arabesco* – арабеско [орнамент, состоящий из пересекающихся линий или изогнутых геометрических элементов; может включать такие элементы как листва, лента или виноградная лоза];

I. (1b). *ajaraca* – орнамент узлом [арабский орнамент в форме петель или петлевидных линий, может иметь цветочный мотив];

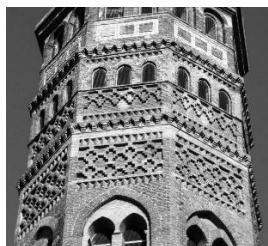
I. (1c). *alafia* – каллиграфический узор [арабский узор, основанный на арабских буквах];

I. (1d). *ataurique* – атаурике [гипсовый орнамент в виде листьев и цветов; обычно используется при изготовлении фризов, плинтусов и балдахинов];

I. (1e). *cenefa* – кайма/пояс [орнамент, состоящий из повторяющихся элементов и размещенный на стенах, полах или потолках; активно применяется в архитектуре мудехар].

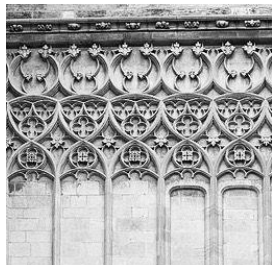
I. (2). *ornamento de arquitectura asturiana* – орнамент астурийской архитектуры:

I. (2a). *clípeo* – [круглый диск, использующийся как декоративный элемент в астурийской архитектуре].

I. (3). *ornamentos góticos* – готические орнаменты:

I. (3a). *tracería* – массверк [ажурный декор готического окна, фронтона, розетки или тимпана, построенный по принципу поворотной симметрии; обычно выполнен из камня, гипса или дерева];

I. (3b). *crestería/crestón* – крестерия [серия ажурных орнаментов с растительными и геометрическими мотивами, венчающих фасад, крышу, хоры или алтарь; часто встречаются в готической архитектуре или в архитектуре Возрождения].

I. (4). *ornamentos renacentistas* – орнаменты Возрождения:

I. (4a). *decoración a candelieri* – украшение в стиле кандельери [candelieri – это итальянский термин, который обозначает растительный тип орнамента, возникший в Италии в эпоху Возрождения; как правило, орнамент включает в себя изображение листов аканта, водорослей, усиков, ленточек и изогнутых линий; как правило, применялся для украшений зданий в стиле платереско];

I. (4b). *grutesco* – орнамент гротеск [орнамент эпохи Возрождения из живых существ, букашек, химер и листвы];

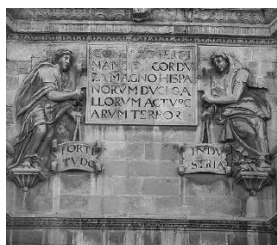

I. (4c). *medallones de testas imperiales* – медальоны с императорскими орденами.

I. (5). *elementos de arquitectura barroca* – элементы архитектуры Барокко:

I. (5a). *cartela/tarjetón/ tarjeta* – картуш [плоский и продолговатый орнамент, накладываемый на архитектурный элемент, как правило, с надписями, гербами или эмблемами].

II. *modillón/modullón* – модильон/модульон [выступающий элемент в форме кронштейна, поддерживающий карнизную плиту];

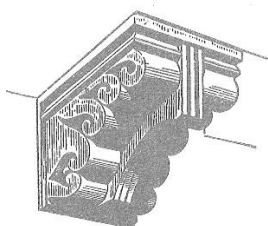
II. (1). *modillón de rollo* – модильон де ролльо [часто применялся в арабской и мосарабской архитектуре];

II. (2). *modillón mozárabe* – мосарабский модильон [представляет собой цилиндрический или круглый кронштейн, который может быть выполнен из белого мрамора, украшенного растительным орнаментом по бокам или куфической надписью (старейший вид арабского письма). Существуют также модильоны с двумя лепестками (*lóbulos*), гладкие по бокам, и лентой (*faja*) в центре¹];

II. (3). *modillón de virutas (à coreaux)* – модильон в форме древесной стружки, применялся в романской архитектуре;

2

II. (4). *modillón en forma de S* – S-образный модильон.

¹ Torres Balbás, L. *Los modillones de lóbulos. Ensayo de análisis de la evolución de una forma arquitectónica a través de dieciséis siglos* / L. Torres Balbás // Archivo español de arte y arqueología. – 1936. – Vol. 12. – P. 213

² Источник фото: Torres Balbás, L. *Los modillones de lóbulos. Ensayo de análisis de la evolución de una forma arquitectónica a través de dieciséis siglos* / L. Torres Balbás // Archivo español de arte y arqueología. – 1936. – Vol. 12. – P. 159

III. *фигурные виды орнаментации*

III. (1). *almonarabe/mosárabe/mosarabe/miscarna* – мукарны, мукарнасы [фигурный декоративный повторяющийся элемент, обычно из гипса или штукатурки, в виде призмы, нижняя грань которой имеет вогнутую поверхность; используется в качестве украшения сводов или карнизов в арабской или мосарабской архитектуре];

III. (2). *bocel/bordón* – валик [декоративный багет цилиндрической формы, как правило, изготавливается из тесаного или кирпичного камня; часто применяется в готической архитектуре];

III. (3). *alfiz/arrabá* – альфиз/арраба [лепное украшение прямоугольной формы, обрамляющее арку снаружи; применяется в арабской архитектуре];

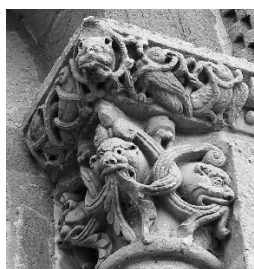
III. (4). *crochet* – крабб¹ [растительный орнамент, которым обычно декорируют некоторые архитектурные готические элементы, такие как стрельчатый фронтон, шпиль, фронтиспис];

III. (5). *caveto* – выкружка [вогнутая лепнина в форме четверти цилиндра; применяется как переход от одного элемента к другому на основаниях архивольтов, капителей, карнизов, а также для украшения модильонов, консолей, гуськов или как самостоятельный декор в виде орнаментации];

III. (6). *simasio* – киматий, кима [широкая декоративная лепнина со скошенным фасадом, располагается в верхней части капители].

Важно подчеркнуть, что включение иллюстраций в архитектурный словарь с элементами тезаурусного моделирования, способствует наглядному выявлению различий между схожими архитектурными элементами, характерными для различных культур.

¹ Краббы. Свойственные готической архитектуре резные каменные украшения в виде стилизованного цветка или свернутого листа сложной формы, размещенные на крутых скатах или заостренных элементах фасада [Плужников, 1995, с. 78-79]

Разработанная в рамках настоящего исследования понятийная модель испанского ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» предполагает наличие в словарной статье профессиональной, культурологической и других типов информации об архитектурном понятии. В то же время метод фасетной классификации, основанный на разделении компонентов поля на микрополя по различным классификационным признакам, призван способствовать быстрому поиску информации и усвоению отраслевой терминологии, составляющей основной фонд специальных знаний.

Таким образом, лексикографический подход к моделированию ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке позволяет не только систематизировать компоненты указанного ЛСП, но и представить их полное системное описание, направленное на оказание содействия в решении задач и достижении целей профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, включая ситуацию межкультурного общения.

Выводы по главе 3

1. Лексикографическое представление ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке способствует систематизации архитектурного знания и выявлению специфики его лексико-семантической структуры. Тезаурусный подход для построения лексикографической модели позволяет выявить специфику структуры на основании семантических отношений между микрополями и их компонентами.

2. Современная лексикография характеризуется синтезом филологии и культуры. Среди компонентов ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке выделяются нейтральные и культурно-маркированные единицы. Нейтральные языковые единицы имеют обширную сферу функционирования и употребляются практически во всех текстах архитектурной направленности. Культурно-маркированная лексика, входящая в лексико-семантическое поле, является характеристикой определенного периода

или архитектурного направления и помогает понять национальную специфику в архитектурной области.

3. Язык профессиональной коммуникации в сфере архитектуры характеризуется неоднородностью своего состава, среди которого выделяется большое количество заимствованных слов, что было обусловлено яркой и сложной историей Испании. Генетическое родство испанского языка с латынью определило тот факт, что в основе лексического корпуса специального языка архитектуры находятся слова, восходящие к латинскому языку. Заимствования из других языков (греческого, арабского, французского, итальянского и каталанского) в сфере архитектуры полностью ассимилировались в испанском языке.

4. Рассмотрение структурно-семантических параметров архитектурных терминов способствует выявлению парадигматических и синтагматических отношений между лексическими единицами. Архитектурная терминосистема испанского языка характеризуется большим разнообразием в различных аспектах языка и обусловлена, интралингвистическими и экстралингвистическими факторами.

5. Для терминологического аппарата архитектурной области в испанском языке характерно большое количество однокомпонентных терминов, что свидетельствует о раннем формировании данной терминологической системы. Терминологический аппарат ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» складывается в большей степени на основании тождества и подобия уже существовавших в то время материальных объектов. С возрастанием доли теоретического знания увеличилось влияние искусственного начала в языке профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, что нашло отражение в появлении многокомпонентных терминов, которые чаще всего создаются в результате научно-теоретического осмысления.

6. В основе лексикографического представления ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке лежит его понятийная модель с элементами тезаурусного моделирования, предполагающая наличие профессиональной, культурологической и других типов информации об

архитектурном понятии. В свою очередь, метод фасетной классификации, основанный на разделении компонентов поля на микрополя по различным классификационным признакам, призван способствовать быстрому поиску информации и усвоению отраслевой терминологии, составляющей основной фонд специальных знаний. Лексикографический подход к моделированию исследуемого ЛСП в испанском языке способствует систематизации его компонентов и представлению их полного системного описания, направленного на оказание содействия в решении задач и достижении целей профессиональной коммуникации в сфере архитектуры, включая ситуацию межкультурного общения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию лексико-семантического поля «Архитектура культовых сооружений» в испанском языке, выявлению его компонентов и определению их лингвокультурологического и лексикографического аспектов, а также раскрытию влияния национальной идентичности на специальный язык в сфере архитектуры.

Лексико-семантическое поле «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений» в испанском языке, будучи значимым компонентом специального языка в области архитектуры, имеет полицентрическую структуру и характеризуется большим лексическим разнообразием. В то же время исследуемое поле представляет собой целостную систему, включающую несколько базовых понятий, на основе которых формируются смежные микрополя с отдельными терминосистемами: *Estilos arquitectónicos de la arquitectura religiosa* / Архитектурные стили культовых сооружений; *Tipos de edificios religiosos* / Типы культовых зданий и сооружений; *Estructuras arquitectónicas y sus elementos* / Строительные и архитектурные конструкции и их элементы; *Componentes exteriores e interiores de edificios religiosos* / Компоненты интерьера и экстерьера культовых зданий и сооружений; *Elementos de formas decorativas* / Элементы декоративных форм; *Materiales naturales y artificiales* / Природные и искусственные строительные материалы; *Trabajo de construcción y artesanía* / Виды строительных и декоративных работ.

В ядро каждого микрополя входят испанские однокомпонентные и многокомпонентные архитектурные термины. Наличие большого количества однокомпонентных терминов (*arco, nave, catedral, escalera, muralla, aguja* и др.) объясняется ранним формированием архитектурной терминологической системы, складывавшейся главным образом на основании тождества и подобия уже существовавших в то время материальных объектов. Появление многокомпонентных терминов (*bóveda de abanico, escalera de ojo central, columnas*

abalaustradas, arco de medio punto), которые нередко создавались в результате научно-теоретического осмысления архитектурной деятельности, свидетельствует о возрастании доли теоретического знания, способствовавшего усилению влияния искусственного начала в специальном языке архитектуры.

Терминосистема, входящая в испанское ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений», включает в себя наряду с нейтральными компонентами (*basílica, capilla, columna, ventana* и др.) те, которые обладают национально-культурной спецификой, проявляющейся в результате действия языкового кодирования явлений, связанных с архитектурной деятельностью. Культурно-маркированная лексика чаще всего отражает особенности архитектуры различных периодов и стилей, характерных для Испании (*fachada-retablo, modillón de rollo, estofado, transparente, churrigueresco* и др.).

Вместе с тем метафора, используемая при образовании архитектурных терминов в испанском языке, нередко имеет параллели в других языках, что объясняется не только схожими ассоциациями участников профессиональной коммуникации, но и активным взаимодействием национальных научных картин мира (ср.: *tambor, arco ciego, bóveda de abanico, bóveda pañuelo* и др.).

Существенное воздействие на генезис, специфику и национальную самобытность терминосистемы исследуемого ЛСП оказывает политическое, экономическое, географическое и историческое развитие различных регионов Испании, производственный фактор, а также культурно-эстетические предпочтения и духовная культура испанского общества.

При описании архитектуры, относящейся к разным историческим эпохам, в испанском языке используются соответствующие термины, входящие в формальный аппарат ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений»:

– термины по архитектуре Средневековья подчеркивают наличие фортификационного компонента в зданиях вестготской, арабской и романской культовой архитектуры (*anchura de los muros, bloques* и др.);

– термины по архитектуре готики отражают религиозную функцию зданий, стремление к Богу, выраженное в вертикальной композиции здания и его элементах (*pináculo, aguja, arco apuntado* и т.д.);

– при описании культовой мусарабской архитектуры и архитектуры мудехар выявляется лексика, относящаяся и к мусульманской, и к христианской религии (ср.: *mezquita, arco de herradura, alfiz; iglesia, ábside/ábsida* и др.), что свидетельствует о тесных экономических и культурных связях между народами, жившими на территории Испании;

– своеобразие терминов по архитектуре Возрождения проявляется в использовании языковых единиц, репрезентирующих королевскую власть (*simbología del poder, blasón/heráldica, arco triunfal, escudo de los Reyes Católicos* и др.);

– особенностью терминов по архитектуре барокко является наличие в них компонента, отражающего своеобразный южный колорит испанского барокко (*granadino, sevillano, estípite, retablo* и др.);

– при характеристике стиля платереско с высокой частотностью реализуются термины, связанные с итальянским искусством (*fachada, architrave/architrabe, pilasrtón* и др.), а при описании стиля исабелино проявляется влияние французского языка архитектуры (*claraboya, chapitel* и др.).

Наличие заимствований в ЛСП «Arquitectura religiosa / Архитектура культовых сооружений» обусловлено яркой и сложной историей Испании. Кроме заимствований из французского (*flecha, plataforma* и др.) и итальянского языков (*cúpula, escalinata, festón* и др.), при описании архитектурных сооружений активно используются термины из греческого (*ábside, cornisa, icinostasio, nártex* и др.), арабского (*almena, tambor, albanega, alfiz* и др.) и каталанского (*dosel, jácena, porche, seo/seu* и др.) языков. При этом в основе лексического корпуса специального языка архитектуры находятся слова, восходящие к латинскому языку, что объясняется как генетическим родством испанского языка с латынью, так и влиянием латинского культурного суперстрата (*intercolumnio, muro, nervio, orden* и др.).

Элементы исследуемого ЛСП, способствуя передаче информации о национальных особенностях и культурно-эстетических предпочтениях народов Испании в области архитектурной деятельности в различные периоды ее развития, отличаются большим разнообразием и своеобразием.

Компоненты ЛСП «*Arquitectura religiosa* / Архитектура культовых сооружений», выполняющие роль важных составляющих испанского специального языка в области архитектуры, активно используются в процессе профессиональной коммуникации, направленной на обеспечение эффективного общения специалистов в данной области, ориентированной на организацию пространственной среды человека и имеющей социально-функциональное и эмоционально-художественное назначение.

Систематизации компонентов ЛСП способствует лексикографический подход. Одной из наиболее перспективных форм лексикографического представления компонентов ЛСП является понятийная модель с элементами тезаурусного моделирования, предполагающая наличие профессиональной, культурологической и других типов информации о включаемом в словарь архитектурном понятии.

К перспективам дальнейшего исследования следует отнести разработку словаря по архитектурной тематике с учетом необходимой пояснительной информации и иллюстративного материала. Вместе с тем представляется целесообразным определение формального аппарата соответствующего ЛСП и выявление его национально-культурной специфики в различных языках, а также рассмотрение других лексико-семантических полей, входящих в состав испанского специального языка архитектуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдурахманова, А.З. Лингвистическое моделирование строительной терминологии (на материале английского языка) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абдурахманова Алие Заировна. – Москва, 2016. – 219 с.
2. Абрамов, В.П. Синтагматика семантического поля / В.П. Абрамов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 108 с.
3. Абыякая, О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Абыякая Олеся Викторовна. – СПб., 2004. – 24 с.
4. Авдеева, И.Б. Лингводидактическая концепция обучения профессиональной коммуникации иностранных учащихся инженерного профиля : диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Авдеева Ирина Борисовна. – М., 2006. – 525 с.
5. Алейникова, Т.В. Терминографическое описание научного знания (на материале англоязычной терминологии этики) / Т.В. Алейникова // Омский научный вестник. – 2015. – № 4. – С. 49–52.
6. Алексеева, Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Алексеева Лариса Михайловна. – Пермь, 1998. – 357 с.
7. Алексеева Л.М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова. – Пермь: Изд-во. ун-та, 202. – 200 с.
8. Алимов, В.В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Алимов Вячеслав Вячеславович. – М., 2004. – 260 с.
9. Альберти, Л.Б. Десять книг о зодчестве : в 2 т. / Л.Б. Альберти. – Москва :

Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1935. – Т. 1. – 392 с.

10. Андреева, И.В. Ценностная картина мира, как лингвистическая, так и философская теория / И.В. Андреева // Аналитика культурологии. – 2006. – № 2. – С. 7–13.

11. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизированных текстов): учеб. пособие / Е.Е. Анисимова. – Москва : Академия, 2003. – 128 с.

12. Апресян, Ю.Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря / Ю.Д. Апресян // Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. – Москва : русский язык, 1993. – Т. 1. – С. 6–17.

13. Арапова, Г.У. Концепт, понятие и значение слова / Г.У. Арапова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1. – С. 591–593.

14. Арнольд, И.В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста / И.В. Арнольд // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Ленинград : ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1984. – С. 3–11.

15. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

16. Асадова, А.Ю. Некоторые лингвистические характеристики терминологических единиц (на примере современной англоязычной терминологии цифровой фотографии) / А.Ю. Асадова // Молодой ученый. – 2015. – № 6. – С. 794–799.

17. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва : Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.

18. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

19. Бартенев, И.А. Основы архитектурных знаний для художников / И.А. Бартенев. – Москва : Искусство, 1964. – 244 с.

20. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура

Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – Москва : Худож. лит., 1990. – 543 с.

21. Башарина, А.К. Понятие «семантическое поле» / А.К. Башарина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2007. – Т. 4, № 1. – С. 93–96.

22. Белоновская, И.Л. Лингвистическое обеспечение АБИС : учеб.-метод. пособие / И.Л. Белоновская. – Минск : БГРУКИ, 2017. – 78 с.

23. Бернюкевич, Т.В. Политические аспекты строительства культовых сооружений в России в XIX – начале XXI в. / Т.В. Бернюкевич // Вестник ЗабГУ. – 2018. – Т. 24, №2. – С. 47–58.

24. Бесекирска, Л. К вопросу об определении термина / Л. Бесекирска // Терминоведение. – 1996. – № 1–3. – С. 34–37.

25. Бескоровайная, Г.Т. Семантические поля как способ систематизации лексических единиц: попытка обобщения основных положений теории поля / Г.Т. Бескоровайная // Вестник Днепропетровского университета им. А. Нобеля. – Сер. Филологические науки. – 2012. – № 1. – С. 172–180.

26. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.; Т. 2. – 392 с.

27. Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н.Н. Болдырев. – 2-е издание. – Москва : Издательский дом ЯСК, 2019. – 480 с.

28. Бондарко, А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация и идеи времени / А.В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 257 с.

29. Бочарова, М.А. Семантическое поле как способ системного описания лексики / М.А. Бочарова // Вестник РУДН. – Сер. Вопросы образования: языки и специальность. – 2012. – № 4. – С. 63–67.

30. Брутян, Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Proceedings of the XVth World Congress of Philosophy. – Sofia : Sofia Press, 1974. – Vol. 3. – P. 325–327.

31. Бузуева, Ю.С. Эволюция категории «профессиональная коммуникация» в педагогических исследованиях / Ю.С. Бузуева, Е.Е. Карнаухова //

Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2021. – № 1. – С. 76–80.

32. Буянова, Л. Ю. Когнитивно-категориальная стратификация как механизм эволюции терминосистемы / Л. Ю. Буянова // Известия Сочинского государственного университета. – 2013. – № 1. – С. 168–171.

33. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. – Москва : Прогресс, 1972. – С. 25–60.

34. Василенко, Д.В. Стадии формирования профессионального знания и их репрезентация в тексте (на материале текстов нанотехнологий) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2021. – №1. С. 15–23.

35. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – Москва : Высшая школа, 1990. – 176 с.

36. Васильев, Л.М. Теория семантических полей / Л.М. Васильев // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.

37. Велилаева Л.Р. Понятие «Национальной идентичности»: теоретико-литературный аспект исследования / Л.Р. Велилаева, Н.Р. Абдуллаева // Universum: филология и искусствоведение. – 2020. – №6(73). – С. 26–28.

38. Вильковский, М.Б. Социология архитектуры / М.Б. Вильковский. – Москва : Русский авангард, 2010. – 592 с.

39. Виноградов, В.С. Грамматика испанского языка: Практический курс : учебник / В.С. Виноградов. – Москва : Книжный дом «Университет», 2000. – 432 с.

40. Виноградов, В.С. Лексикология испанского языка / В.С. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 2003. – 244 с.

41. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Витрувий. – Москва : Архитектура-С, 2017. – 328 с.

42. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина: (На материале терминологии средств массовой информации) / Володина М.Н. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 127 с.

43. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: (Теория и методы) / В.В. Воробьев. – Москва : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.

44. Всеобщая история архитектуры : в 8 т. – Москва : Изд-во Академии архитектуры СССР, 1944–1969. – Т. 1. – 1944. – 203 с.; Т. 4. – 1966. – 693 с.; Т. 5. – 1967. – 659 с.

45. Гайнутдинова, Д.З. Термин-метафора архитектурно-строительного подъязыка: системно-структурный и когнитивно-дискурсивный подходы : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гайнутдинова Дина Зявдатовна. – Белгород, 2012. – 22 с.

46. Голованова, Е.И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие / Е.И. Голованова. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2014. – 224 с.

47. Головин, Б.Н. Введение в языкознание : учеб. пособие / Б.Н. Головин. – Москва : Высшая школа, 1977. – 312 с.

48. Голомидова, М.В. Искусственная номинация в русской ономастике : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Екатеринбург, 1998. – 376 с.

49. Грасиан и Моралес, Б. Остроумие, или Искусство изощренного ума / Б. Грасиан и Моралес. – Москва : Искусство, 1977. – 694 с.

50. Гринев, А.С. Сопоставительный анализ английской и русской архитектурной терминологии: на материале тематического поля «Теория и история архитектуры» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А.С. Гринев. – Москва, 2004. – 214 с.

51. Гринев, С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – Москва : Московский лицей, 1993. – 309 с.

52. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение : учеб. пособие / С.В. Гринев-Гриневиц. – Москва : Академия, 2008. – 304 с.

53. Гришаева, Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации : Проблемы, подходы, анализ : монография / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова. Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. – 505 с.

54. Гришаева, Л.И. Средства вторичной номинации как проявление номинативной креативности коммуникантов / Л.И. Гришаева // Семантический

потенциал языковых единиц и его реализация. Тезисы докладов Международной научной конференции. – Минск : Из-во Уч. об-я «Минский государственный лингвистический университет». – 2021. С. 12-14.

55. Грунина, Л.П. Когнитивный аспект исследования терминов / Л.П. Грунина, А.Г. Широколобова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 1–1. – С. 95–99.

56. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 2000. – 396 с.

57. Гумовская, Г.Н. Профессиональный дискурс и средства его организации / Г.Н. Гумовская // Преподаватель XXI век. – 2014. – № 4. – С. 326–332.

58. Дамбуев, И.А. Современная лексикография: статус и направления развития / И.А. Дамбуев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 10. – С. 16–21.

59. Даниленко, В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – Москва : Наука, 1977. – 246 с.

60. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

61. Делитц, Х. Архитектура в социальном измерении / Х. Делиц // Социологические исследования. – 2008. – № 10. – С. 113–121.

62. Денисенко, В.Н. Семантическое поле как функция / В.Н. Денисенко // Филологические науки. – 2002. – № 4. – С. 44–53.

63. Дорофеева, И.В. Общенаучный метод моделирования и специфика его применения в лингвистике / И.В. Дорофеева // Вестник Московской международной академии. – 2015. – № 2. – С. 40–45.

64. Дубичинский, В.В. Теоретическая и практическая лексикография. / В.В. Дубичинский. – Вена : [Б.и.], 1998. – 160 с.

65. Евсеева, Л.Н. Роль языка в формировании национальной идентичности : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Евсеева Лариса Николаевна. – Архангельск, 2009. – 221 с.

66. Евсюкова, Т.В. Лингвокультурология / Т.В. Евсюкова, Е.Ю. Бутенко. – Москва : Флинта, 2023. – 480 с.
67. Ефремова О.А., Кравченко Р.А. Применение метода фасетной классификации для организации каталога метаданных в составе геоинформационной системы органов исполнительной власти Республики Башкортостан // Научное обозрение. Технические науки. –2015. –№1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14524> (дата обращения: 03.02.2025).
68. Журавлев, А.П. Полевой подход как элемент инструментария когнитивной лингвистики / А.П. Журавлев // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2019. – № 67. – С. 86–90.
69. Закирова, Е.С. Терминография как результат формирования языка для специальных целей / Е.С. Закирова // Известия МГТУ МАМИ. – 2013. – Т. 2, № 4. – С. 267–274.
70. Зенцова, И.М. Учебный электронный словарь тезаурусного типа как средство формирования информационной основы речевой деятельности / И.М. Зенцова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – Ч. 1, №9. – С. 183–188.
71. Зоткина, И.В. Профессиональная коммуникация языковой подготовки дипломатов : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Зоткина Ирина Владимировна. – Москва, 2011. – 279 с.
72. Иванова, С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Иванова Светлана Викторовна. – Уфа, 2003. – 364 с.
73. Иконников, А.В. Архитектура города: эстетические проблемы композиции / А.В. Иконников. – Москва : Стройиздат, 1972. – 224 с.
74. Иконников, А.В. Художественный язык архитектуры / А.В. Иконников. – Москва : Искусство, 1985. – 175 с.

75. Кадибагомаева, З.А. Лингвокультурологический аспект изучения языковых явлений / З.А. Кадибагомаева, П.Д. Юсупова // Системные технологии. – 2015. – № 1. – С. 41–49.
76. Канделаки, Т.Л. Семантика и мотивированность терминов / Т.Л. Канделаки. – Москва : Наука, 1977. – 167 с.
77. Каптиков, А.Ю. К истории вестготского периода средневековой архитектуры Испании / А. Ю. Каптиков // Академический Вестник УралНИИ проект РААСН. – 2014. – № 2. – С. 21–24.
78. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
79. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – Москва : Наука, 1976. – 355 с.
80. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – Москва : ЛКИ, 2010. – 264 с.
81. Карповская, Н.В. К вопросу о специфике архитектурной лексики в испанском языке: здания и сооружения Средневековья (на материале архитектурных словарей и справочников) / Н.В. Карповская, А.В. Рой-Игнатенко // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. – 2021. – № 1. – С. 25–34.
82. Касарес, Х. Введение в современную лексикографию / пер. с исп. Н.Д. Арутюнова. – М.: Изд-во иностр. лит. – 1958. – 354 с.
83. Кашкин, В.Б. Коммуникация, текст и перевод / В.Б. Кашкин. – Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 140–144.
84. Кеслер, М.Ю. Православные храмы и комплексы : в 3 т. : пособие по проектированию и строительству / М.Ю. Кеслер. – Москва : ГУП ЦПП, 2003. – Т. 2. – 361 с.
85. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

86. Колесникова, М.С. Лексикографический аспект лингвострановедения : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Колесникова Марина Сергеевна. – Ярославль, 2003. – 41 с.
87. Комарова, З.И. Проблема идиоматичности термина в языке науки / З.И. Комарова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 24, вып. 57. – С. 22–26.
88. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с.
89. Коротич, А.В. Архитектура как вид искусства: проблемы и перспективы / А.В. Коротич, М.А. Коротич // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2008. – № 1. С. 83–86.
90. Косицкая, Ф.Л. Архитектурный дискурс и его жанры в сфере профессиональной коммуникации (на материале французского языка) / Ф.Л. Косицкая, И.Е. Зайцева // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 4. – С. 142–147.
91. Кочнова, К.А. Дифференциация понятия «лексико-семантическое поле» в рамках изучения языковой картины мира / К.А. Кочнова // Филология и литературоведение. – 2015. – № 5. – С. 3–7.
92. Крамаренко, О.Л. Проблема лексикографирования культурно-маркированных лексических единиц в учебном словаре / О.Л. Крамаренко, О.Ю. Богданова // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – №. 3. – С. 164–170.
93. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? / В.В. Красных. – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
94. Красных, В.В. Язык – сознание – культура – человек – народ: «замыкая круг...» (к вопросу о лингвозкологии) / В.В. Красных // Экология языка и коммуникативная практика. – 2019. – № 4–1. – С. 32–46.
95. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004, - 506 с.

96. Кудинова, Т.А. К вопросу о природе многокомпонентного термина / Т.А. Кудинова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. – №. 2. – С. 58–62.

97. Кудрявцева, И.Г. Особенности формальной структуры и семантические характеристики терминологических словосочетаний (на материале английской и русской специальной лексики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кудрявцева Ирина Геннадьевна. – М., 2010. – 21 с.

98. Кузнецов, А.В. Сводь, их конструкция и декор / А.В. Кузнецов // Академия архитектуры. – 1935. – № 1–2. – С. 8–34.

99. Кузнецова, Е.В. Язык и национальная идентичность / Е.В. Кузнецова // Омский научный вестник. – 2011. – № 3. – С. 102–195.

100. Кузнецова, Н.Г. Профессиональный язык архитекторов: системный подход к словарю (на материале английского, немецкого и французского языков) / Н.Г. Кузнецова, И.Е. Зайцева, О.Н. Степичева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6, ч. 2. – С. 98–107.

101. Куликова, И.С. Когнитивные модели-уподобления в «Курсе общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра / И.С. Куликова, Д.В. Салмина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 99–113.

102. Куренкова, Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике / Т.Н. Куренкова // Сибирский аэрокосмический журнал. – 2006. – № 4. – С. 173–178.

103. Кутьева, М.В. Особенности испанского национального характера: их след в «Первой сотне» испанских слов / М.В. Кутьева // Вестник ВятГУ. 2012. – №2. – С. 64–72.

104. Лазарева, Э.А. Профессиональные коммуникации. Корпоративная область архитектурной деятельности. Краткий курс. Ключевые слова, максимы, правила: учеб. пособие / Э.А. Лазарева. – Екатеринбург : Архитектон, 2013. – 186 с.

105. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

106. Лейчик, В.М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века / В.М. Лейчик // Вопросы филологии. – 2000. – № 2. – С. 20–29.

107. Лысова, Н.Ю. Архитектурное наследие: проблема ценности : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Лысова Надежда Юрьевна. – Саранск, 1997. – 17 с.

108. Манерко, Л.А. Европейское терминоведение: от Вюстерианского понимания термина к осмыслению когниции и коммуникации / Л.А. Манерко, А.Н. Шарапов // Вестник МГОУ. Сер. Лингвистика. – 2015. – № 5. – С. 24–31.

109. Мартыненко, О.И. Арабизмы в испанском языке / О.И. Мартыненко // Университетские чтения – 2018 : материалы науч.-метод. чтений ПГУ. – Пятигорск : Изд-во ПГУ, 2018. – С. 104–108.

110. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

111. Мезит, А.Э. Подъязык и профессиональная языковая картина мира работников гидроэнергетической отрасли (функциональный и лексикографический аспекты) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мезит Анна Эдуардовна. – Красноярск, 2018. – 248 с.

112. Мельчакова, Ю.С. Испанская национальная картина мира : взаимодействие искусства и религии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии / Мельчакова Юлия Сергеевна. – Екатеринбург, 2007. – 26 с.

113. Молчанов, В.М. Основы архитектурного проектирования: социально-функциональные аспекты : учеб. пособие / В.М. Молчанов. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 158 с.

114. Морковкин, В.В. Идеографические словари / В.В. Морковкин. – Москва : [Б. и.], 1970. – 69 с.

115. Морковкин, В.В. Термины и возможный способ их описания в словаре активного типа / В.В. Морковкин // Проблемы разработки и упорядочения терминологии в АН Союзных Республик. – Москва : Наука, 1983. – С. 150–158.

116. Мочалов М.А. Преимущества выбора стратегии развития на основе фасетной классификации / Наука, образование и культура, 2018, с. 55
117. Мусина, К.И. Формирование историко-архитектурной городской среды как фактор социокультурного развития / К.И. Мусина // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 4–2. – С. 32–36.
118. Назарова, М.П. Архитектурное пространство как социокультурный феномен : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Назарова Марина Петровна. – Волгоград, 2013. – 49 с.
119. Никитина Л.Б. Современные словари и их информационные возможности / Л. Б. Никитина. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2017. – 111 с.
120. Новиков, Л.А. Эскиз семантического поля / Л.А. Новиков // Вестник РУДН. – Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2011. – № 2. – С. 7–17.
121. Новодранова, В.Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте / В.Ф. Новодранова // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. трудов, посвящ. юбилею В.М. Лейчика. – Москва ; Рязань : Пресса, 2003. – С. 150–155.
122. Новодранова, В.Ф. Именное словообразование в латинском языке и его отражение в терминологии. *Laterculi vocum Latinarum et terminorum* / В.Ф. Новодранова // Рос. академия наук; Ин-т языкознания. МГМСУ. – Москва: Языки славянских культур, 2008. – 328 с.
123. Овакимян, А.Д. Архитектурная терминология культовых сооружений в русском, английском и армянском языках : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Овакимян Аревик Дерениковна. – М., 2018. – 165 с.
124. Олизько, Н.С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса (на материале произведений Дж. Барта) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Олизько Наталья Сергеевна. – Челябинск, 2002. – 27 с.
125. Ортега-и-Гассет, Х. Воля к барокко / Х. Ортега-и-Гассет. – URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega06.txt> (дата обращения: 13.08.2023).

126. Ортега-и-Гассет, Х. Этюды об Испании / Х. Ортега-и-Гассет. – Киев : Новый Круг : Пор-Рояль, 1994. – 320 с.
127. Павлов, Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. Архаическое мироздание в архитектуре индоевропейцев / Н.Л. Павлов. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 368 с.
128. Палладио, А. Четыре книги об архитектуре / А. Палладио. – Москва : Стройиздат, 1989. – 352 с.
129. Панофский, Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика / Э. Панофский. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. – 336 с.
130. Паскаль, Б. Мысли / Б. Паскаль. – Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. – 332 с.
131. Петрова, Л.А. Архитектурно-строительный дискурс как самостоятельный объект лингвистического рассмотрения / Л.А. Петрова // Евразийский Союз Ученых. – 2015. – № 3–6. – С. 69–71.
132. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 226 с.
133. Поташинская, Н.Н. Колониализм и религия / Н.Н. Поташинская // Евразийский форум. – 2016. – № 1–8. – С. 49–61.
134. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – Москва : Лабиринт, 1999. – 300 с.
135. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры // отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. – Санкт-Петербург : Наука, 2005. – 478 С.
136. Прошина, А.А. Моделирование двуязычного словаря-тезауруса по экономике : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Прошина Александра Александровна. – Екатеринбург, 2008. – 307 с.
137. Реформатский, А.А. Введение в языковедение: учебник / А.А. Реформатский. – Москва : Аспект Пресс, 2018. – 536 с.
138. Робинс, Р.Х. Краткая история языкознания / Р.Х. Робинс. – Москва : Высшая школа, 2010 – 352 с.

139. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва : Наука, 1988. – 212 с.
140. Романское искусство. Архитектура, скульптура, живопись / ред. Р. Томан. – Кельн: Konemann, 2001. – 481 с.
141. Роменская, В.Ф. О классификационной схеме «тип словаря» / В.Ф. Роменская // Структурная и прикладная лингвистика. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та 1978. – С. 186–187.
142. Савочкина, Е.А. Применение фасетной классификации для уточнения природы речевого жанра (речевой аспект) / Е.А. Савочкина // Филология и человек. – 2021. – № 3. – С. 47–60.
143. Светоносowa, Т.А. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия / Т.А. Светоносowa // Филологические науки в МГИМО : сб. науч. трудов. – Москва : МГИМО-Университет, 2007. – С. 39–46.
144. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – Москва : Прогресс : Универс, 1993. – 656 с.
145. Серова, Т.С. Экологический немецко-русский лексикон-тезаурус : словарь / Т.С. Серова, Л.П. Шишкина. – Пермь : ТЕМПУС-Тасис, 2004. 254 с.
146. Сим, Н.М. Архитектура Южной Испании эпохи барокко. Проблема сложения национального стиля : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения / Сим Надежда Михайловна. – М., 2014. – 39 с.
147. Симоненко, М.А. Архитектурная метафора в языке и речи : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Симоненко Марина Александровна. – Курск, 2009. – 23 с.
148. Симоненко, М.А. Архитектурный дискурс vs. дискурс архитектуры / М.А. Симоненко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 82–1. – С. 315–319.
149. Современный русский язык: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис : учебник / под общ. ред. Л.А. Новикова. – Санкт-Петербург : Лань, 2001. – 864 с.

150. Солнцев, В.М. Язык как системно-структурное образование / В.М. Солнцев. – Москва : Наука, 1977. – 341 с.
151. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – Москва : Прогресс, 1977. – 695 с.
152. Стаматиаду, Э. Лексико-семантические, структурные и функциональные особенности архитектурной лексики : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Стаматиаду Эрасмиа. – Майкоп, 2010. – 24 с.
153. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 170 с.
154. Стецкий, С.В. Основы архитектуры и строительных конструкций : краткий курс лекций / С.В. Стецкий, К.О. Ларионова, Е.В. Никонова. – Москва : МГСУ, 2014. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
155. Сулейманова, А.К. Терминосистема нефтяного дела и ее функционирование в профессиональном дискурсе специалиста : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Сулейманова Альмира Камиловна. – Уфа, 2006. – 47 с.
156. Суперанская, А.В. Общая терминология: вопросы теории / А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева. – Москва : Либроком, 2012. – 248 с.
157. Сусов, И.П. Понятие vs. концепт / И.П. Сусов, А.А. Сусов // Тверской лингвистический меридиан. – 2003. – Вып. 4. – С. 3–10.
158. Тихоненко, М.А. Термин как компонент культуры / М.А. Тихоненко // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5. – С. 143–145.
159. Ткачева, И.О. Проблемы лексикографического представления семантического поля (на материале политической лексики) / И.О. Ткачева // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2007. – № 2–2. – С. 271–279.
160. Томберг, О.В. Методы и принципы исследований в рамках лингвокультурологического подхода / О. В. Томберг // Социокультурное

пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. – 2016. – № 5. – С. 143–151.

161. Торбик, Е.М. К проблеме определения понятия «профессиональная коммуникация» / Е. М. Торбик // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 10. – С. 288–291.

162. Тюльнина, В.П. Лингвистические и экстралингвистические аспекты номинации в подязыке горного дела (на материале простых и сложных лингвистических единиц) / В.П. Тюльпина, А.Д. Хаютин, А.Г. Рудакова // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 1996. – № 5. – С. 81–87.

163. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях : в 2 ч. / В.А. Звегинцев. – Москва : Просвещение, 1960. – Ч. 2. – С. 255–285.

164. Уфимцева, А.А. Семантика слова / А.А. Уфимцева // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. – Москва : Наука, 1980. – С. 250–345.

165. Федосова, О.В. Лексико-прагматические особенности современного испанского обиходного дискурса в национально-культурном аспекте : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Федосова Оксана Витальевна. – М., 2012. – 42 с.

166. Фигурный, Г.Н. Семиотика архитектуры: полвека в поисках мнимых сущностей / Г. Н. Фигурный // Архитектура и современные информационные технологии. – 2019. – № 4. – С. 57–69.

167. Финикова, И.В. Функциональный спектр терминологических единиц / И.В. Финикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 1. – С. 98–102.

168. Хакимова, Г.Г. Термин как лингвистическая единица, термин в рамках теории терминополья / Г.Г. Хакимова // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, № 4. – С. 1136–1142.

169. Хомутова, Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): вопросы теории / Т.Н. Хомутова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2007. – № 15. – С. 55–62.

170. Хренов Н.А., Искусство и цивилизационная идентичность / [Отв. ред. Н.А. Хренов]; Науч. совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. 603 с.
171. Чайникова, Г.Р. Учебный электронный словарь тезаурусного типа как средство формирования информационной основы речевой деятельности / Г.Р. Чайникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 9, ч. 1. – с. 183–188.
172. Чернявская В.Е. Научный дискурс: Выдвижение результата как коммуникативная и языковая проблема / В.Е. Чернявская. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 144 с.
173. Чеснокова, О.Г. Архитектурные конструкции : курс лекций : в 2 ч. / О.Г. Чеснокова. – Волгоград : ВолгГАСУ, 2012. – Ч. 1. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
174. Шарафутдинова, Н.С. О понятиях «терминология», «терминосистема» и «терминополе» / Н.С. Шарафутдинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6, ч. 3. – С. 168–171.
175. Шевцова, А.Ю. Моделирование нормативного двуязычного словаря-тезауруса терминов авиационной экологии : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Шевцова Анна Юрьевна. – Тюмень, 2014. – 203 с.
176. Шеина, И.М. Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта / И. М. Шеина // Вестник Московского государственного областного университета. – Сер. Русская филология. – 2010. – № 2. – С. 69–72.
177. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 31 с.
178. Шляхова, Н.А. Полевая структура религиозного дискурса / Н.А. Шляхова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2014. – № 4. – С. 80–91.
179. Штейн, А.Л. Испанская эстетика: Ренессанс, барокко, Просвещение / А.Л. Штейн. – Москва : Искусство, 1977. – 695 с.

180. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Москва : Наука, 1974. – 428 с.
181. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – Москва : Либроком, 2018. – 264 с.
182. Эразм Роттердамский. Похвала глупости / Эразм Роттердамский. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2016. – 192 с.
183. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии / науч. ред. З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж : ВГУ, 2002. – 313 с.
184. Якимов, П.А. Структура и признаки семантического поля (на материале семантического поля «Бог») / П.А. Якимов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 16. – С. 597–599.
185. Ярков, А.А. К вопросу о понятиях «здание» и «сооружение» / А.А. Ярков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – Т. 1, ч. 8. – С. 70–73.
186. Alvarez Turienzo, S. El Escorial en las letras españolas / S. Alvarez Turienzo. – Madrid : Editorial Patrimonio Nacional, 1985. – 299 p.
187. Arteaga, E. de. Investigaciones filosóficas sobre la belleza ideal considerada como objeto de las artes de imitación / E. de Arteaga. – Charleston : Nabu Press, 2011. – 228 p.
188. Azorín Fernández, D. Los diccionarios del español en su perspectiva histórica / D. Azorín Fernández. – San Vicente del Raspeig : Universidad de Alicante, 2000. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
189. Bonilla Carvajal, C.A. Traducción de campos semánticos idiolectales: estrategia para recuperación léxica en aprendientes de español como lengua extranjera / C.A. Bonilla Carvajal. – Madrid : Universidad Antonio de Nebrija, 2013. – 82 p.
190. Briz, A. Saber hablar / A. Briz. – Madrid : Instituto Cervantes, 2008. – 270 p.
191. Cabré, M.T. La enseñanza de los lenguajes de especialidad. La simulación global / M. T. Cabré, J. Gómez de Enterría. – Madrid : Gredos, 2006. – 163 p.

192. Cabré Castellví, M.T. Los términos, unidades comunicativas, cognitivas y lingüísticas / M.T. Cabré Castellví // Teoría y praxis en terminología. – Montevideo : Universidad de la República, 2017. – P. 9–22.
193. Carreres, S. Catedrales de España / S. Carreres, N. Palacio. – Madrid : Espasa-Calpe, 1983. – 376 p.
194. Casares, J. Diccionario ideológico de la lengua española / J. Casares. – Barcelona : G. Gili, 1942. – 1124 p.
195. Castaño Perea, E. Language del arquitecto diagnostico y propuestas académicas / E. Castaño Perea, J. de la Fuente Prieto // Revista de Docencia Universitaria. REDU. – 2013. – Vol. 11, № 3. – P. 301–320.
196. Castro, A. Aspectos del vivir hispánico / A. Castro. – Madrid : Alianza, 1949. – 169 pp
197. Crónica arqueológica de la España musulmana // Al-Andalus : revista de las Escuelas de Estudios Árabes de Madrid y Granada. – 1943. – Vol. 8, № 2. – P. 431–488.
198. Domínguez Domínguez, J.F. Lexemática latina / J.F. Domínguez Domínguez. – León : Universidad de León, 1995. – 500 p.
199. Estrategias argumentativas y discurso político / Ed. por C. Fuentes Rodríguez. – Madrid : Arco / Libros, S.L., 2016. – 317 p.
200. Feijoo y Montenegro, B.J. Teatro crítico universal / B.J. Feijoo y Montenegro. – Madrid : Cátedra, 1983. – 332 p.
201. Fernández López, J. El renacimiento – siglos XV y XVI arquitectura / J. Fernández López. – URL: <http://www.hispanoteca.eu/Arte%20ES/42-El%20Renacimiento%20-%20Arquitectura.htm> (дата обращения: 13.08.2023).
202. Forty, A. Words and buildings. A vocabulary of modern architecture / A. Forty. – New York : Thames & Hudson Ins., 2000. – 330 p.
203. Gallego y Burin, A. El Barroco Granadino / A. Gallego y Burin. – Granada : Universidad de Granada, 1956. – 255 p.
204. Gómez de Enterría, J. El español lengua de especialidad: enseñanza y aprendizaje / J. Gómez de Enterría. – Madrid: Arco/Libros, 2009. – 192 p.

205. Harris, Z.S. Discourse analysis / Z.S. Harris // Linguistic Society of America. Language. – 1952. – Vol. 28, № 1. – P. 1–30.
206. Juan de Jáuregui y Aguilar. – URL: <https://dbe.rah.es/biografias/13255/juan-de-jauregui-y-aguilar> (дата обращения: 13.08.2023).
207. Lapesa, R. Historia de la lengua española, novena edición corregida y aumentada / R. Lapesa. – Madrid : Gredos, 1981. – 691 p.
208. Marías, J. España inteligible. Razón histórica de las Españas / J. Marías. – Madrid : Alianza Editorial, 1985. – 424 p.
209. Martínez, M. Definiciones del concepto campo en semántica: antes y después de la lexemática de E. Coseriu / M. Martínez // Odisea. – 2003. – № 3. – P. 101–130.
210. Moral Aguilera, R. Lexico y campos semanticos / R. Moral Aguilera // Congreso de la Asociación Europea de profesores de Español. – URL: www.researchgate.net/publication/380036383_LEXICO_Y_CAMPOS_SEMANTICOS (дата обращения: 13.08.2023).
211. Pevsner, N. An Outline of European Architecture / N. Pevsner. – London : Viking Aduit, 1943. – 336 p.
212. Roget, P.M. Thesaurus of English words and phrases / P.M. Roget. – London : Longmans, 1868. – 516 p.
213. Sainz Avia, J. El dibujo de arquitectura: Teoría e historia de un lenguaje gráfico / J. Sainz Avia. – Madrid : Reverté, 2005. – 253 p.
214. Salvador, V. De la fraseologia a la lingüística aplicada // Caplletras. – № 18. – P. 11–30.
215. Sáseta Velázquez, A. Arte Churrigueresco el transparente de Toledo / A. Sáseta Velázquez // Cuadernos de los amigos de los museos de osuna. – 2010. – № 12. – P. 86–93.
216. Schiffrin, D. The handbook of discourse analysis / D. Schiffrin, D. Tannen, H. E. Hamilton. – Malden, MA : Blackwell, 2001. – 843 p.
217. Soergel, D. The arts and architecture thesaurus (AAT): A critical appraisal / D. Soergel // Visual Resources. – 1995. – Vol. 10, № 4. – P. 369–400.

218. Torres Balbás, L. Los modillones de lóbulos. Ensayo de análisis de la evolución de una forma arquitectónica a través de dieciséis siglos / L. Torres Balbás // Archivo español de arte y arqueología. – 1936. – Vol. 12. – P. 159–290.

219. Úbeda Mansilla, P. Conocimiento y lenguaje en el ámbito de los arquitectos / P. Úbeda Mansilla // Revista de Expression Grafica Arquitectonica. – 2005. – Vol. 10, № 10. – P. 112–119.

220. Úbeda Mansilla, P. Estudio de un corpus de textos conversacionales en inglés realizados en estudios de arquitectura de habla inglesa. su aplicación al diseño de un curso de inglés para arquitectos : Tesis Doctoral inédita / P. Úbeda Mansilla. – Madrid, 2001. – 340 p.

221. Williams, K. Architectus ingenio and architectus verborum / K. Williams, M.J. Ostwald // Nexus Network Journal. – 2018. – Vol. 20, № 2. – P. 305–308.

Словари

222. Большая советская энциклопедия : в 30 т. – Москва : Советская энциклопедия, 1970. – Т. 2. – 632 с.

223. Большой энциклопедический словарь (БЭС). – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2004. – 1456 с.

224. Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь : в 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – Санкт-Петербург : Семеновская типо-лит., 1890. Т. 2. – 495 с.

225. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – Москва : Филологический факультет МГУ, 1996. – 245 с.

226. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

227. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 1999. – 944 с.

228. Партина, А.С. Архитектурные термины. Иллюстрированный словарь / А.С. Партина. – Москва : Стройиздат, 1994. – 208 с.
229. Плужников, В.И. Термины русского архитектурного наследия. Архитектурный словарь / В.И. Плужников. – Москва : Искусство-XXI век, 2011. – 424 с.
230. Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник, 1998. – URL: www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235 (дата обращения: 13.08.2023).
231. Современный энциклопедический словарь. – URL: <https://encyclopediaonline.com> (дата обращения: 13.08.2023).
232. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – Москва : Академический Проект, 2001. – 990 с.
233. Строительный словарь. – URL: dic.academic.ru/dic.nsf/stroitel/8969?ysclid=lrorkqcz40705058596 (дата обращения: 13.08.2023).
234. Татаринов, В.А. Общее терминоведение : энциклопедический словарь / В.А. Татаринов. – Москва : Московский Лицей, 2006. – 528 с.
235. Толковый словарь Даля. – URL: <https://slovardalja.net> (дата обращения: 13.08.2023).
236. Толковый словарь Дмитриева. – URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev/направление> (дата обращения: 13.08.2023).
237. Толковый словарь Ефремовой. – URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 13.08.2023).
238. Bails, B. Diccionario de arquitectura civil / B. Bails. – Madrid : La viuda de Ibarra, 1802. – 131 p.
239. Corominas, J. Breve diccionario etimológico de le lengua castellana. Tercera edición muy revisada y mejorada / J. Corominas. – Madrid : Gredos, 1987. – 627 p.
240. Del Moral, R. Diccionario de las lenguas del mundo / R. Del Moral. – Madrid : Espasa-Calpe, 2002. – 668 p.
241. Del Moral, R. Diccionario ideológico. Atlas léxico de la lengua Española /

- R. Del Moral. – Barcelona : Herder, 2009. – 664 p.
242. Del Moral, R. Diccionario temático del Español / R. Del Moral. – Madrid : Verbum, 1998. – 569 p.
243. Del Moral, R. Manual práctico del vocabulario del Español / R. Del Moral. – Madrid : Verbum, 2001. – 134 p.
244. Diccionario de la lengua española. – URL: <http://www.rae.es/recursos/diccionarios/drae> (дата обращения: 13.08.2023).
245. Diccionario del patrimonio cultural de España. – URL: <http://tesauros.mecd.es/tesauros/bienes culturales/1013841.html> (дата обращения: 13.08.2023).
246. Domínguez Ramos, J. Diccionario de términos artísticos / J. Domínguez Ramos, D. Giralt Ametller. – Madrid : Globo, 2003. – 198 p.
247. Glosario arquitectónico. – URL: <https://www.glosarioarquitectonico.com> (дата обращения: 13.08.2023).
248. Historia del arte: temas, imágenes y comentario. Vocabulario. – URL: <https://temasycomentariosartepaeg.blogspot.com> (дата обращения: 13.08.2023).
249. Moliner, M. Diccionario de uso del español / M. Moliner. – 3 ed. para PC / Linux / Mac. – Barcelona : Gredos, 2013. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
250. Ocampo, E. Diccionario de términos artísticos y arqueológicos / E. Ocampo. – Barcelona : Icaria, 1992. – 214 p.